



# РОССИЯ:

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ



## Темы

### ВЫПУСКА

#### Эксперты

- Грани гибридных и горячих войн
- Место гибридных войн в противоборстве Запада и России
- Мемориальные войны в контексте медиапамяти
- Когнитивно-моделирующий потенциал в контексте коммеморативных войн
- Когнитивно-ментальные интервенции как инструмент гибридного воздействия
- Формирование ментальных установок на интеграцию в Россию у жителей новых регионов
- Управляемая миграция как составляющая гибридных конфликтов
- Стратегии обучения иностранцев в России в контексте международной образовательной дипломатии

#### Молодые ученые

- Развитие государственной политики России в сфере высоких технологий на современном этапе

## ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ



ISSN 2782-621X (Online)  
ISSN 2949-1142 (Print)



# РОССИЯ

ОБЩЕСТВО,  
ПОЛИТИКА,  
ИСТОРИЯ

Russia: Society, Politics, History

№ 2 (15)

Июнь | June | 2025



ISSN 2782-621X (Online)  
ISSN 2949-1142 (Print)  
УДК: 32; 93/94; 316

## Информация об издании

### «Россия: общество, политика, история»

- сетевое издание, печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.

Издается с 2021 года, выходит 4 раза в год

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор):

ЭЛ № ФС77 - 82408 от 10 декабря 2021 года.

ПИ № ФС77-83544 от 26 июля 2022 года.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN

Российской Федерации:

ISSN: 2782-621X (Online), ISSN 2949-1142 (Print)

Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» 014990

### Архивация:

Сайт журнала: <https://ru-society.com>

Российская государственная библиотека

Национальный электронно-информационный консорциум

## Учредитель, Издатель

ООО «Институт региональных и международных исследований»

 108819, г. Москва, г. Московский, мкр 3, 11-345

 E-mail: [info@irmi.ru](mailto:info@irmi.ru)

## Партнеры

Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр

Уральского отделения Российской академии наук»

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 24

Комитет Государственной Думы по развитию Дальнего Востока  
и Арктики

103265, Москва, ул. Охотный ряд, дом 1

## Контакты редакции

Главный редактор, заместитель Главного редактора

e-mail: [rossiya.ob-pol-ist@mail.ru](mailto:rossiya.ob-pol-ist@mail.ru)

Для отправки рукописей и консультаций e-mail: [ropi.journal@yandex.ru](mailto:ropi.journal@yandex.ru)

## Миссия журнала

Журнал «Россия: общество, политика, история» предоставляет возможность для начинающих и опытных ученых высказать авторскую точку зрения на процессы, происходящие в России, вокруг России и с участием России. Мы приветствуем научный диалог и аргументированные научные дискуссии.

## Научные специальности и соответствующие им отрасли науки:

### Исторические науки

5.6.1. Отечественная история\*

5.6.4. Этнология, антропология и этнография\*

### Социологические науки

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы\*

5.4.7. Социология управления\*

### Социологические науки/Политические науки

5.4.5. Политическая социология\*

### Политические науки

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии\*

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования\*

Примечание: \* В соответствии с номенклатурой научных специальностей и соответствующих им отраслей науки, утвержденной приказом Минобрнауки России № 118 от 24 февраля 2021 года.

© «Россия: общество, политика, история», 2025

© ООО «Институт региональных и международных исследований», 2025

## ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна** – д.с.н., профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций, директор Центра международных стратегических исследований Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, директор Института региональных и международных исследований, член экспертно-консультативного совета при Комитете Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики (Москва, Россия).

## ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

**КУЗЬМЕНКО Елена Алексеевна** – к.и.н., доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

## ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

**ТИХОНОВ Юрий Павлович** – преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**БУДАНОВ Владимир Григорьевич** – д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН (Москва, Россия).

**ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич** - д.п.н., профессор, ведущий научный сотрудник Центра изучения проблем переходных экономик Института Африки РАН, профессор Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия).

**ЖЕРЕБЦОВ Игорь Любомирович** – д.и.н., директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия).

**ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна** – к.с.н., доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия).

**ЗАГРЕБИН Алексей Егорович** – д.и.н., профессор РАН, и.о. директора Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия).

**ЗАХАРОВ Александр Вячеславович** – к.ю.н., заместитель председателя Арбитражного суда Тамбовской области, доцент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина Тамбов, Россия.

**КАЗЬМИНА Ольга Евгеньевна** – д.и.н., доцент, заведующая кафедрой этнологии исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

**КАРПОВИЧ Олег Геннадьевич** - д.п.н., д.ю.н., профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой стратегических коммуникаций и государственного управления Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия).

**КИСЕЛЕВА Наталья Васильевна** – к.п.н., доцент кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, учёный секретарь Крымского отделения Российской ассоциации политических наук (Симферополь, Россия).

**КРЫЛОВ Александр Борисович** – д.и.н., главный научный сотрудник Сектора Кавказа Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия).

**ЛЕДЕНЕВА Виктория Юрьевна** – д.с.н., доцент, руководитель Отдела этнодемографических и интеграционных процессов Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

**ЛУНКИН Роман Николаевич** – д.п.н., главный научный сотрудник, заместитель директора Института Европы РАН по научной работе, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН (Москва, Россия).

**НАЗАРОВА Елена Александровна** – д.с.н., профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия).

**НЕССАР Омар** – к.и.н., старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН (Москва, Россия).

**ПИТУХИНА Мария Александровна** - д.п.н., ведущий научный сотрудник Института экономики Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Россия).

**ПОДОПЛЁКИН Андрей Олегович** – к.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории динамики социокультурного развития регионов АЗ РФ, заместитель директора Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения РАН (Архангельск, Россия).

**ПОРТНЫХ Валентин Леонидович** – д.и.н., заведующий сектором всеобщей истории Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия).

**ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна** – д.с.н., заведующая кафедрой психологии и социологии управления, Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Барнаул, Россия).

**РОСТОВСКАЯ Тамара Керимовна** - д.с.н., профессор, заместитель директора по научной работе Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва, Россия).

**САЛИХОВ Шамиль Магомедович** – к.э.н., руководитель аппарата Комитета Государственной Думы Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики (Москва, Россия).

**ТАНЬШИНА Наталия Петровна** – д.и.н., профессор, профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).

**ХАХАЛКИНА Елена Владимировна** – д.и.н., доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия).

**ЦЕПИЛОВА Елена Сергеевна** – д.э.н., профессор, профессор кафедры управления и технологий в туризме и рекреации Сочинского государственного университета (Сочи, Россия).

**ШАБРОВ Олег Федорович** – д.п.н., профессор, профессор кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент Академии политической науки (Москва, Россия).

**ШТОЛЬ Владимир Владимирович** - д.п.н., профессор, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия).

## СОДЕРЖАНИЕ

*Комлева В.В.*

Приветственное слово главного редактора ..... 14

### ●●● **Общественные процессы и явления**

*Артамонов Д.С.*

Мемориальные войны в контексте медиапамяти ..... 20

*Зарипов Р.И.*

Когнитивно-моделирующий потенциал  
информационно-психологического  
воздействия в контексте коммеморативных войн..... 40

*Комлева В.В.*

Когнитивно-ментальные интервенции  
как инструмент гибридного воздействия ..... 57

*Ксенофонтов В.А.*

От философии войны к философии  
национальной безопасности..... 75

*Тиханычев О.В.*

Управляемая миграция как потенциальная  
составляющая «гибридных» конфликтов ..... 102

### ●●● **Политические институты, процессы, технологии**

*Голоскоков Л.В.*

Грани гибридных и горячих войн: право,  
экономика, финансы, идеология ..... 124

*Зайончковский А.И.*

Задачи развития государственной политики  
Российской Федерации в сфере высоких  
технологий на современном этапе ..... 147



## **Социальный психоанализ**

*Пызин В.А.*

Новые граждане России: к вопросу о формировании  
ментальных установок на интеграцию в Россию  
у населения освобожденных территорий ..... 162



## **Международные отношения**

*Цырендоржиев С.Р.*

Гибридная война – последний козырь в  
межгосударственном противоборстве  
Запада с Россией ..... 178

*Цыпкина А.Г.*

Стратегии обучения иностранцев в России  
в контексте международной  
образовательной дипломатии ..... 201

ISSN 2949-1142



9 772949 114001



РОССИЯ  
ОБЩЕСТВО,  
ПОЛИТИКА,  
ИСТОРИЯ

ISSN 2782-621X (Online)

ISSN 2949-1142 (Print)

УДК: 32; 93/94; 316

## Information about the journal

### **Russia: Society, Politics, History**

- online edition, print media (mass media), journal.

Published since 2021, 4 times a year.

Registration number and decision date on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor):

EL №. FS77 - 82408 dated December 10, 2021.

PI №. FS77-83544 dated July 26, 2022.

The journal is registered in the National ISSN Center of the Russian Federation

ISSN: 2782-621X (Online), ISSN 2949-1142 (Print)

Subscription index in the Ural-Press catalog 014990

### **Archive:**

Russian State Library

National Electronic-Information Consortium

## Founder, Publisher

**Institute for Regional and International Research Ltd.**



108819, Moscow, Moskovsky, microdistrict 3, 11-345

E-mail: [info@irmi.ru](mailto:info@irmi.ru)

## Partners

**Federal State Budgetary Institution of Science “Komi Science Centre of the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences”**

24, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation

**State Duma Committee on the Development of the Russian Far East and the Arctic**

1, Okhotny Ryad str., Moscow, 103265

## Contacts of the Editorial Office

**Editor-In-Chief, Deputy Editor**

E-mail: [rossiya.ob-pol-ist@mail.ru](mailto:rossiya.ob-pol-ist@mail.ru)

For submission of manuscripts and consultations e-mail: [ropi.journal@yandex.ru](mailto:ropi.journal@yandex.ru)

## Our Mission

The journal Russia: Society, Politics, History provides an opportunity for beginners and experienced researchers to express an independent point of view on the processes taking place in Russia, around Russia and with the participation of Russia.

We welcome scientific dialogue and thoughtful scientific discussions.

Scientific specialties and branches of science corresponding to them:

### **HISTORICAL SCIENCES**

5.6.1. History of Russia\*

5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography\*

### **SOCIOLOGICAL SCIENCES**

5.4.4. Social structure, social institutions and processes\*

5.4.7. Sociology of administration\*

### **SOCIOLOGICAL SCIENCES/POLITICAL SCIENCES**

5.4.5. Political Sociology\*

### **POLITICAL SCIENCES**

5.5.2. Political institutions, processes and technologies\*

5.5.4. International Relations, Global and Regional Studies\*

*Note:* \*in accordance with the nomenclature of scientific specialties and corresponding branches of science, approved by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 118 dated February 24, 2021

## EDITOR-IN-CHIEF

**Valentina V. KOMLEVA** – DSc (Soc.), Professor, Deputy Director for Scientific Work of National Research Institute for Communication Development, Director of Center for International Strategic Research of Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Director of Institute for Regional and International Research, Member of the expert advisory council under the State Duma Committee for the Development of the Far East and Arctic (Moscow, Russia).

## DEPUTY CHIEF EDITOR

**Elena A. KUZMENKO** – CandSc (Hist.), Associate Professor, Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation of Faculty of international regional studies and regional management, Institute of Public Administration and Civil Service of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

## RESPONSIBLE EDITOR

**Yury P. TIKHONOV** – Lecturer, Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation of Faculty of international regional studies and regional management, Institute of Public Administration and Civil Service of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

## EDITORIAL BOARD

**Vladimir G. BUDANOV** – DSc (Philos.), CandSc (Phys.-Math.) Professor, Chief Researcher, Head of the Sector for Interdisciplinary Problems of Scientific and Technical Development, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

**Denis A. DEGTEREV** – DSc (Polit.), Professor, Leading Researcher of Center for Transition Economy Studies of Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Professor of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (Moscow, Russia).

**Igor L. ZHEREBTSOV** – DSc (Hist.), Director of Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia).

**Olga V. ZHULIKOVA** – CandSc (Soc.), Associate Professor of the Department of Library and Information Resources, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia).

**Alexey E. ZAGREBIN** – DSc (Hist.), Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, Acting Director of N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

**Alexander V. ZAKHAROV** – CandSc (Law), Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Deputy Chairman of the Arbitration Court of Tambov Oblast (Tambov, Russia).

**Olga E. KAZMINA** – DSc (Hist.), Associate Professor, Head of Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

**Oleg G. KARPOVICH** – DSc (Polit.), DSc (Law), Professor, Vice-Rector for Research, Head of the Department of Strategic Communications and Public Administration of Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).

**Natalya V. KISELEVA** - CandSc (Polit.), Associate Professor of Department of Political sciences and International Relations, Vernadsky Crimean Federal University, Scientific Secretary of the Crimean Office of the Russian Association of Political Sciences (Simferopol, Russia).

**Alexander B. KRYLOV** – DSc (Hist.), Chief Researcher of Section for the Caucasus of Center for post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

**Viktoria Y. LEDENEVA** – DSc (Soc.), Associate Professor, Head of the Department of Ethnodemographic and Integration Processes, Institute of Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

**Roman N. LUNKIN** – DSc (Polit.), Chief Researcher, Deputy Director for Scientific Work of Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (IE RAS), head of the Center for the studies of problems of Religion and Society of Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (IE RAS) (Moscow, Russia).

**Elena A. NAZAROVA** – DSc (Soc.), Professor of Department of Sociology, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation (Moscow, Russia).

**Omar NESSAR** – CandSc (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

**Maria A. PITUKHINA** - DSc (Polit.), Leading Researcher, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, (Petrozavodsk, Russia).

**Andrey O. PODOPLEKIN** – CandSc (Hist.), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of the Regional Social-Cultural Development Dynamic in the Russian Arctic, Deputy Director, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Arkhangelsk, Russia).

**Valentin L. PORTNYH** – DSc (Hist.), Head of the Department of General History of the Laboratory of Humanitarian Studies, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

**Natalya V. PROKAZINA** – DSc (Soc.), Head of the Department of Psychology and Sociology of Management, Altai Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Barnaul, Russia).

**Tamara K. ROSTOVSKAYA** – DSc (Soc.), Professor, Deputy Director for Scientific Work of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

**Shamil M. SALIKHOV** – CandSc (Econ.), Chief of Staff of the Committee for the Development of the Far East and the Arctic of the Russian State Duma (Moscow, Russia).

**Natalia P. TANSHINA** – DSc (Hist.), Professor, Professor of Department of World History, Institute of Social Sciences of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor of the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America, Faculty of History and Politics, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia).

**Elena V. KHAKHALKINA** – DSc (Hist.), Associate Professor, Professor of Department of Modern, Contemporary History and International Relations, Leading Researcher of Laboratory for Social and Anthropological Research, Faculty of History and Political Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

**Elena S. TSEPILOVA** – DSc (Econ.), Professor, Professor of Department of Management and Technologies in Tourism and Recreation, Sochi State University (Sochi, Russia).

**Oleg F. SHABROV** – DSc (Polit.), Professor, Professor of Department of State Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, President of the Academy of Political Science (Moscow, Russia).

**Vladimir V. SHTOL** – DSc (Polit.), Professor, Professor of Department of International Relations of Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).

## CONTENTS

*Valentina V. Komleva*

Editor-in-chief Foreword ..... 14

### ●● Social Processes and Phenomena

*Denis S. Artamonov*

Memorial Wars in the Context of Media Memory..... 20

*Ruslan I. Zaripov*

Cognitive-Modeling Potential of  
Information-Psychological Impact in the Context of  
Commemorative Wars ..... 40

*Valentina V. Komleva*

Cognitive-Mental Interventions  
As a Tool of Hybrid Warfare ..... 57

*Vladislav A. Ksenofontov*

From the Philosophy of War to the  
Philosophy of National Security ..... 75

*Oleg V. Tikhanychev*

Managed Migration as a Potential  
Component of “Hybrid” Conflicts ..... 102

### ●● Political Institutions, Processes and Technologies

*Leonid V. Goloskokov*

The Facets of Hybrid and Hot Wars: Law,  
Economics, Finance, Ideology..... 124

*Artyom I. Zayonchkovskiy*

Development Objectives of the State Policy of the  
Russian Federation in the Sphere of High  
Technologies at the Present Stage ..... 147

## ●●● Social Psychoanalysis

*Vladimir A. Pyzin*

New Citizens of Russia: On the Issue of Forming the Mental  
Attitudes towards Integration into the Russian  
Federation of the Population of the Liberated Territories ..... 162

## ●●● International Relations

*Sambu R. Tsyrendorzhiev*

Hybrid War as the Last Trump Card in the Interstate  
Confrontation between the West and Russia ..... 178

*Anna G. Tsypkina*

Strategies for Educating Foreigners in Russia in the  
Context of International Educational Diplomacy ..... 201



**В.В. Комлева,**  
доктор социологических наук,  
профессор

## ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА



**Уважаемые читатели!**

Перед вами выпуск журнала, направленный на теоретическое осмысление ключевых вызовов современности через призму гибридных конфликтов, информационного противоборства и стратегического развития государства. Вопросы войны и мира, безопасности и суверенитета приобретают в XXI веке не просто острый, а определяющий характер. Они становятся определяющими как для глобальных процессов, так и для общественных процессов внутри стран. Настоящий выпуск объединяет материалы, предлагающие разнообразные подходы к осмыслению новых форм конфликтности, стратегического взаимодействия и информационного давления.

В философском ключе проблематика войны и национальной безопасности рассматривается в статье **В.А. Ксенофонтова**. На примере Беларуси, автор показывает, как трансформация военных доктрин требует изменения мышления не только у военных, но и у общества в целом. Гибридные, ментальные и сетевые войны подрывают не столько инфраструктуру, сколько идентичность, и именно философское осмысление этих процессов становится важнейшим элементом государственной устойчивости.

В статье **Цырендоржиева С.Р.** гибридная война представлена как высшая стадия межгосударственного противоборства, сочетающая в себе невоенные методы давления: от санкций и информационных вбросов до поддержки деструктивных сил внутри целевого государства. Автор подчёркивает, что в новой парадигме войны не существует чёткой границы между войной и миром, а главной целью становится разрушение суверенитета противника без прямого военного столкновения. В этом контексте Украина представлена как пример прокси-конфликта, где Запад использует территорию и ресурсы третьей страны для реализации собственных геополитических задач.

Когнитивный аспект информационной войны раскрывается в статье **Зарипова Р.И.** Автор исследует стратегии фальсификации истории, которые используются в коммеморативных конфликтах. Информационно-психологическое воздействие направлено на переопределение роли России в ключевых исторических событиях, особенно в контексте Второй мировой войны. Зарипов делает акцент на важности когнитивного моделирования как средства сопротивления и предлагает использовать визуальные и нарративные техники в борьбе за историческую правду.

Статья **Комлевой В.В.** посвящена когнитивно-ментальным интервенциям (КМИ) как инструменту гибридной войны, направленному на изменение ментальных репрезентаций, идентичности и поведения общества. Автор раскрывает сущность КМИ, анализирует их последствия для в культурной, политической, психологической, военной сферах, рассматривает применение КМИ против России и подчеркивает необходимость формирования стратегии когнитивной безопасности России, социального иммунитета и когнитивной устойчивости общества.

**Артамонов Д.С.** обращается к феномену мемориальных войн в цифровом обществе. Он показывает, что в условиях медиапамяти, где правят алгоритмы и эмоциональная вирусность, история становится полем политической борьбы. Мемы, видеоролики и соцсети вытесняют академическое знание, формируя коллективную память сиюминутного характера. Автор подчёркивает необходимость развития медиаграмотности и критического мышления как формы защиты национальной памяти.

Работа **Пызина В.А.** поднимает вопрос формирования ментальных установок у жителей новых территорий, вошедших в состав России. На

основе концепции Д.Н. Узнадзе и методов социального психоанализа, автор анализирует внутреннюю готовность населения к интеграции и подчёркивает, что информационно-идеологическое воздействие должно сочетаться с решением реальных, жизненных потребностей людей. Лояльность не может быть навязана, она формируется через доверие и идентификацию с государством.

Интересен экономико-правовой анализ **Голоскокова Л.В.**, который рассматривает гибридную войну как инструмент разрушения суверенитета через право, финансы и внутренние идеологические сбои. Особое внимание он уделяет российской трансформации 1990-х годов, называя её результатом необъявленной гибридной агрессии. Статья ставит вопрос о необходимости переосмысления роли государства в гибридных войнах.

С этим подходом перекликается работа **Тиханычева О.В.**, рассматривающего управляемую миграцию как элемент гибридной войны. Автор показывает, что перемещение населения может использоваться в качестве давления на инфраструктуру, экономику и социокультурную устойчивость государства. Особенно остро такие механизмы проявляются в приграничных регионах, где миграционные потоки способны стать каналами как социальной нестабильности, так и потенциальной радикализации.

В статье **Цыпкиной А.Г.** анализируется экспорт образования как часть международной образовательной дипломатии. Россия, обладая советским наследием подготовки иностранных студентов, сегодня сталкивается с необходимостью создания новых механизмов привлечения, поддержки и удержания талантов. Автор предлагает опираться на лучшие зарубежные практики, международные рейтинги и цифровые платформы продвижения, чтобы сделать образование инструментом формирования долгосрочных связей.

Статья **Зайончковского А.И.** представляет взгляд молодого исследователя на стратегически значимое развитие высоких технологий как инструмента устойчивости и ответной силы. Цифровая трансформация, построение национальных инновационных систем и развитие нормативно-правовой базы — это и модернизация, и сила государства. Автор выделяет ключевые этапы формирования государственной политики в сфере технологий и подчёркивает роль государства как гаранта технологического суверенитета.

Таким образом, все представленные статьи объединены общей оптикой осмысления современных форм влияния и давления на государство и общество. **Дорогие друзья,**

хочется подчеркнуть, что наш журнал — это не просто площадка для публикации научных статей. За годы его существования вокруг издания сложилось сообщество единомышленников из наших авторов и читателей — людей, объединённых общим интересом к глубокому и вдумчивому анализу актуальных проблем современности.

Мы ценим не только академическую публикационную составляющую, но и живое человеческое общение, обмен мнениями и профессиональный диалог. Поэтому редакция журнала организует встречи наших друзей, проводит экспертные дискуссии, круглые столы и научные конференции. Эти инициативы позволяют нам не только поддерживать высокий уровень научной дискуссии, но и формировать пространство доверия, сотрудничества и интеллектуального взаимодействия.

В 2025 году мы запустили **научно-просветительский подкаст-канал «РОПИ: в фокусе – Россия»**. В числе спикеров — авторы нашего журнала. Рекомендуем к просмотру уже вышедшие выпуски, опубликованные на платформах Rutube и VK Видео в сообществе журнала<sup>1</sup>. Надеемся, что живые встречи с авторами журнала будут для вас так же интересны, как и их публикации.

Мы рады, что журнал стал точкой притяжения для широкой и активной аудитории, и надеемся, что каждый новый выпуск будет поводом для дальнейшего общения.

С уважением,  
**Валентина Комлева**

---

1 Научно-просветительский подкаст-канал «РОПИ: в фокусе – Россия» можно посмотреть на платформах Rutube и VK Видео в сообществе журнала (<https://vk.com/ropijournal>; <https://rutube.ru/channel/55759870/>). Аббревиатура РОПИ обозначает название журнала «Россия: общество, политика, история».

Рекомендуем следующие тематические подкасты:

- *Архетипы и социальный психоанализ* (Пызин В.А.) ([https://vk.com/wall-212322783\\_175](https://vk.com/wall-212322783_175));
- *Когнитивные войны* (Артамонов Д.С., Р.И. Зарипов) ([https://vk.com/wall-212322783\\_163](https://vk.com/wall-212322783_163));
- *Россия глазами соседей* (Комлева В.В., Кузьменко Е.А.) ([https://vk.com/wall-212322783\\_151](https://vk.com/wall-212322783_151)).





# ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

---



## ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

Научная статья

Социологические науки

УДК 316.77

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-20-39](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-20-39)



### Мемориальные войны в контексте медиапамяти

Денис Сергеевич Артамонов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

[artamonovds@mail.ru](mailto:artamonovds@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

**Аннотация.** Статья исследует феномен мемориальных войн — конфликтов вокруг интерпретаций исторических событий, коммеморативных практик и символического наполнения публичного пространства. Основная проблема заключается в анализе роли медиапамяти в условиях цифровизации, где исторические нарративы становятся инструментом формирования коллективной идентичности, легитимации политических проектов и геополитического противостояния. Автор применяет междисциплинарную методологию, сочетающую качественные подходы, а также цифровые инструменты для изучения визуальных и дискурсивных аспектов памяти.

Автором выявлены механизмы мемориальных войн как борьбы за доминирующие интерпретации прошлого, усиленной цифровыми технологиями и историческими фейками. Проведен анализ кейсов (декоммунизация в Украине, движение Black Lives Matter, резолюция Европарламента 2019), демонстрирующих политизацию памяти и ее связь с идеологическими и геополитическими интересами. Также

в статье рассмотрена роль социальных медиа как арены конкуренции нарративов, где эмоциональная вовлеченность и алгоритмическая селекция усугубляют поляризацию.

Автор приходит к выводу, что медиапамять, несмотря на потенциал демократизации доступа к информации, усиливает мифологизацию истории, превращая её в поле идеологических битв. Цифровая среда способствует гибридизации памяти, где официальные, альтернативные и маргинальные версии прошлого сосуществуют в условиях нарастающей исторической ревизии и конфликта интерпретаций.

*Ключевые слова:* мемориальные войны, историческая память, медиапамять, коммеморация, политика памяти, цифровизация, социальные медиа, символические конфликты, государственная идеология, национальная идентичность

*Для цитирования:* Артамонов Д.С. Мемориальные войны в контексте медиапамяти. Россия: общество, политика, история. 2025. №2(15). С. 20-39.

## SOCIAL PROCESSES AND PHENOMENA

Original article

Sociological sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-20-39](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-20-39)



### Memorial Wars in the Context of Media Memory

Denis S. Artamonov

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov State University», Saratov, Russian Federation  
artamonovds@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

**Abstract.** The article explores the phenomenon of memorial wars — conflicts around interpretations of historical events, commemorative practices, and symbolic content of public space. The main problem is to analyze the role of media memory in the context of digitalization, where historical narratives become a tool for shaping collective identity, legitimizing political projects and geopolitical confrontation. The author uses an interdisciplinary methodology combining qualitative approaches, as well as digital tools to study the visual and discursive aspects of memory.

The author identifies the mechanisms of memorial wars as a struggle for dominant interpretations of the past, reinforced by digital technologies and historical fakes. The analysis of cases (decommunization in Ukraine, the Black Lives Matter movement, the European Parliament resolution 2019) demonstrating the politicization of memory and its connection with ideological and geopolitical interests is carried out. The article also examines the role of social media as an arena of narrative competition, where emotional engagement and algorithmic selection exacerbate polarization.

The author concludes that media memory, despite the potential to democratize access to information, enhances the mythologization of history, turning it into a field of ideological battles. The digital environment contributes to the hybridization of memory, where official, alternative and

marginal versions of the past coexist in conditions of increasing historical revision and conflict of interpretations.

**Keywords:** memorial wars, historical memory, media memory, commemoration, memory policy, digitalization, social media, symbolic conflicts, state ideology, national identity

**For citation:** Artamonov, D.S. Memorial Wars in the Context of Media Memory. Russia: Society, Politics, History. 2025. No. 2(15). pp. 20-39.

## Введение

В последние десятилетия феномен мемориальных войн становится объектом пристального внимания со стороны исследователей различных гуманитарных дисциплин. Под мемориальными войнами понимаются конфликты, возникающие вокруг интерпретаций исторических событий, способов их коммеморации и наполнения символическим смыслом публичного пространства. Эти конфликты отражают глубинные процессы трансформации коллективной памяти в условиях глобализации, политизации истории и цифровизации социальных коммуникаций.

Актуальность изучения мемориальных войн обусловлена их ключевой ролью в процессах формирования коллективной идентичности. В ситуации кризиса традиционных идеологий именно историческая память все чаще выступает в качестве основы для конструирования национальной и социальной солидарности. При этом столкновения между различными версиями прошлого, будь то споры вокруг памятников, мемориалов или содержания школьных учебников, демонстрируют, как исторические нарративы используются для легитимации современных политических проектов и идеологических установок.

Особую значимость приобретает анализ мемориальных войн в контексте глобализации исторического сознания. С одной стороны, наблюдается становление транснациональных мемориальных дискурсов, связанных с признанием преступлений против человечности, например таких как Холокост. С другой стороны, этот процесс встречает сопротивление со стороны национальных историографических традиций, что порождает новые

формы исторического ревизионизма и ведет к обострению символических конфликтов между государствами и социальными группами.

В академическом плане исследование мемориальных войн способствует развитию междисциплинарного диалога между историей, политологией, социологией и культурологией. Это позволяет разрабатывать новые теоретические модели для осмысления феномена конкурирующих памятей и механизмов их взаимодействия в публичном пространстве. Кроме того, в условиях цифровой эпохи социальные медиа и виртуальные платформы становятся новыми аренами мемориальных битв, что требует переосмысления традиционных подходов к изучению коллективной памяти.

Таким образом, изучение мемориальных войн представляет собой важное направление современных гуманитарных исследований, позволяющее не только анализировать механизмы формирования исторического сознания, но и прогнозировать возможные линии социального напряжения в условиях нарастающей исторической поляризации. Понимание природы этих конфликтов имеет существенное значение как для развития академического знания, так и для выработки стратегий достижения общественного согласия в вопросах исторической памяти.

## **Материалы и методы исследования**

Исследование мемориальных войн требует применения разнообразных методов и источников, что обусловлено междисциплинарным характером темы и сложностью самого феномена исторической памяти. Основу методологии составляют качественные подходы, позволяющие анализировать символические, дискурсивные и визуальные аспекты конфликтов вокруг прошлого. Одним из ключевых методов выступает критический анализ дискурса, направленный на выявление идеологических паттернов в текстах политических заявлений, медиаматериалов, образовательных программ и правовых документов. Такой анализ помогает раскрыть, как конкурирующие группы формируют нарративы о прошлом, акцентируя одни события и замалчивая другие, а также как эти нарративы соотносятся с текущими властными отношениями.

Важным источником данных становятся визуальные и материальные объекты памяти: памятники, мемориалы, музеи, уличные граффити,

архитектурные пространства. Их исследование требует применения семиотического и иконографического анализа, а также методов, включающих наблюдение за практиками коммеморации — церемониями, протестами, актами вандализма. Визуальная антропология, дополненная фотодокументированием и картографированием мемориальных объектов, помогает понять, как физическое пространство превращается в арену символической борьбы. Так, демонтаж памятников советской эпохи в Восточной Европе или споры вокруг статуй колониальных деятелей в США и Великобритании могут быть интерпретированы через призму перераспределения символической власти в публичной сфере.

Комплексное изучение мемориальных войн требует сочетания традиционных гуманитарных методов с инновационными цифровыми инструментами, что позволяет охватить как материальные, так и дискурсивные измерения памяти. Такой подход не только вскрывает механизмы конструирования исторических истин, но и способствует поиску путей диалога в условиях мнемонического плюрализма, столь характерного для современных обществ.

## Результаты исследования

Реализация исторической политики как инструмента формирования коллективной идентичности неизбежно провоцирует конфликты интерпретаций прошлого, трансформирующиеся в масштабные мемориальные войны, которые приобретают особую значимость в условиях цифровой эпохи и медиатизации публичного пространства. Феномен «мемориальных войн» или «войн памяти», получивший широкое распространение в медиадискурсе, политической риторике и публицистике в последние десятилетия стал объектом глубокого теоретического осмысления в рамках междисциплинарных исследований. Так, историк А. И. Миллер, анализируя противостояние России и европейских стран, трактует данный термин как информационное столкновение, связанное с борьбой за доминирующие интерпретации ключевых исторических событий, в частности наследия Второй мировой войны (8, с. 114). Подобные конфликты, будучи разновидностью смысловых войн, формируются через дискурсивные практики мифотворчества, что, по мнению Г. Л. Тульчинского, отражает

столкновение нарративов о прошлом, включая события, удаленные от современности (12, с. 27).

Мемориальные войны могут быть определены как стратегическое противоборство исторических концепций, реализуемое через медиаканалы с целью достижения политических, экономических или идеологических преимуществ. Этот процесс предполагает целенаправленный отбор, репрезентацию и распространение исторической информации, а также манипуляцию источниками для конструирования коллективных идентичностей и легитимации конкретных вариантов политики памяти. Однако конкуренция версий прошлого в публичной сфере демонстрирует, что монополия государства или институциональных акторов (политиков, медиа-лидеров, идеологов) на формирование медиапамяти не является абсолютной. Активное участие массовых аудиторий в цифровых пространствах, создание пользовательского контента и спонтанные дискуссии в социальных сетях свидетельствуют о демократизации мнемонических практик.

Мемориальные войны раскрывают динамику взаимодействия «официальной» и «альтернативной» исторической памяти, где государственные институты, с одной стороны, и гражданские акторы — с другой, вовлекаются в непрерывный диалог или конфронтацию. Этот процесс подчеркивает, что коллективные представления о прошлом формируются не только через директивные механизмы исторической политики, но и через горизонтальные коммуникативные практики, что усложняет попытки унификации памяти в условиях плюралистических обществ. Анализ таких конфликтов позволяет выявить, как исторические нарративы становятся ресурсом для мобилизации групп, инструментом «мягкой силы» (soft power) и одновременно полем борьбы за символический капитал в глобальном и локальном измерениях.

Ключевыми объектами мемориальных войн чаще всего выступают памятники, мемориалы и скульптуры, становясь символическими аренами борьбы за интерпретацию прошлого в условиях социальных трансформаций. Современным примером служит Украина, где с 2015 года реализуется политика декоммунизации, направленная на уничтожение советского коммеморативного наследия. Первая волна сносов памятников, известная как «ленинопад», затронула монументы В. И. Ленину, после

чего деструкция распространилась на мемориалы Великой Отечественной войны, а с началом Специальной военной операции в 2022 году — на объекты, связывающие украинскую и российскую историю. Украина не является исключением: аналогичные процессы наблюдаются в контексте движения Black Lives Matter (BLM), где протесты против системного расизма сопровождались сносом памятников Христофору Колумбу и другим фигурам, ассоциирующимся с колониализмом и рабством. Как отмечает А. А. Линченко (7, с. 239), «колумбопад» стал инструментом конструирования идентичности для чернокожего населения и коренных народов, демонстрируя, как прошлое используется для легитимации современных требований.

В России масштабные конфликты вокруг памятников происходили дважды: после Революции 1917 года и в период распада СССР в 1991 году. Декрет СНК РСФСР «О памятниках Республики» от 12 апреля 1918 года легитимизировал замену «царских» монументов на революционные, что можно назвать первым планом монументальной пропаганды. В рамках этой политики были уничтожены памятники Сергею Александровичу, Михаилу Скобелеву, Александру II, а также костромской монумент Михаилу Фёдоровичу и Ивану Сусанину. После провала ГКЧП в 1991 году волна вандализма вновь затронула советские символы: был снесён памятник Феликсу Дзержинскому на Лубянской площади, а статуи Ленина исчезли с центральных площадей Кишинёва, Риги и других городов. Однако, как указывает А. В. Комплеев (5, с. 54), большинство монументов сохранилось: по данным сайта «Lenin.tilda.ws», из 14 000 установленных в СССР памятников Ленину около 7 000 осталось в России и 5 500 — на Украине.

Мемориальный бум, фиксируемый исследователями (9, с. 306; 10, с. 55), отражает тенденцию к переосмыслению прошлого как основы коллективной идентичности. В постсоветской России новая политика памяти привела к установке памятников, соответствующих актуальному историческому нарративу, при сохранении советского наследия. Как подчёркивает А. И. Кузнецов (6, с. 110), этот процесс демонстрирует сосуществование противоречивых коммеморативных практик, где старые и новые символы формируют гибридное пространство памяти. Так, борьба с памятниками раскрывает не только конфликты интерпретаций, но и попытки переопределить историческое сознание через манипуляцию материальными носителями памяти.

Мемориальное противостояние между Россией и Украиной, обладая выраженной политической подоплёкой, тесно связано с актуальной идеологической повесткой. Ярким примером стала дискуссия, инициированная 29 мая 2017 года в ходе пресс-конференции по итогам российско-французских переговоров, где президент РФ В. В. Путин упомянул Анну Ярославну — дочь киевского князя Ярослава Мудрого, супругу французского короля Генриха I — как фигуру, символизирующую исторические связи России и Франции. В ответ президент Украины П. А. Порошенко обвинил российского лидера в попытке «похищения» Анны Ярославны в контекст российской истории, подчеркнув: «Путин пытался на глазах всей Европы похитить (Анну Ярославну — Д. А.) в российскую историю». Эскалация конфликта продолжилась 1 декабря 2017 года, когда П. А. Порошенко заявил, что «Русская правда» — правовой свод Ярослава Мудрого — «к России не имеет никакого отношения, потому что России тогда не существовало», акцентируя тезис об автономности украинского исторического нарратива. В августе 2018 года глава Украинского института национальной памяти В. М. Вятрович в интервью изданию «Украинская правда» расширил критику, утверждая, что Россия стремится «приватизировать» украинское прошлое вместо поиска «собственных корней» (2, с. 6). Ответом на эти обвинения стала активизация альтернативных исторических конструктов, таких как сфальсифицированный нарратив о «Русском летописце», который, по замыслу создателей, должен был минимизировать роль Киева в формировании русской идентичности. Независимо от первоначальных целей авторов, данный фейк был оперативно интегрирован в публичный дискурс как аргумент в мемориальной войне, трансформировавшись из элитарного противостояния на уровне глав государств в массовую дискуссию среди рядовых пользователей социальных сетей. Этот историко-мемориальный конфликт демонстрирует, как политические элиты используют прошлое для легитимации современных идеологических установок, а цифровая среда служит катализатором распространения альтернативных нарративов, усиливая поляризацию коллективной памяти (11, с. 86-91).

Оружием мемориальных войн в современной медиасреде выступает исторический фейк, который представляет собой разновидность интернет-контента, транслирующего преднамеренную или спонтанную фальсификацию исторических фактов, источников или событий, распространяемую

в цифровом пространстве. Этот феномен укоренен в традициях манипуляции историческими нарративами, которые на протяжении веков использовались для легитимации власти, территориальных претензий или идеологических доктрин. В отличие от классических подлогов, требующих материального создания или модификации документов, сетевые фейки опираются на цифровые технологии, позволяющие исказить прошлое через ложные интерпретации, визуальные манипуляции и мифологизацию.

Ключевым аспектом исторических фейков является их многоформатность. Например, фальсификация источников, такая как «Влесова книга» или «Протоколы сионских мудрецов», продолжает циркулировать в сети, несмотря на многократные разоблачения академическим сообществом. Эти тексты, наряду с псевдоисторическими теориями вроде «Новой хронологии» А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, обретают вторую жизнь в цифровой среде: их сторонники поддерживают веб-сайты (<http://chronologia.org/>) и социальные сети (сообщество «ВКонтакте» с более чем 8000 подписчиков), продвигая альтернативные версии истории. Работы В. Суворова («Ледокол»), М. Аджи и других авторов, маркируемые научным сообществом как лженаучные, также входят в этот ряд, трансформируясь из книжных публикаций в вирусный контент.

Фейковые аккаунты исторических фигур (Ивана Грозного, Иосифа Сталина) в социальных сетях, сочетающие мифологизацию прошлого с актуальной повесткой, также становятся каналом распространения ложных нарративов. Их создатели, оставаясь анонимными, используют авторитет исторических персонажей для легитимации контента, что особенно опасно в условиях постправды, где эмоциональное воздействие превалирует над фактологической точностью.

Политизация исторических фейков проявляется в заявлениях публичных фигур, таких как премьер-министр Украины А. Яценюк или министр иностранных дел Польши Г. Схетына, пытавшихся пересмотреть роль СССР во Второй мировой войне. В январе 2015 года Арсений Яценюк, выступая в эфире немецкого телеканала ARD, заявил, что вторжение СССР на территорию Украины в 1944 году следует рассматривать не как освобождение от нацизма, а как «оккупацию», подчеркнув, что Украина пострадала «и от нацистов, и от советских войск». Это высказывание, прозвучавшее на фоне обострения российско-украинского конфликта

после воссоединения Крыма с Россией, было воспринято как попытка переформатирования коллективной памяти в рамках декоммунизационной политики, направленной на дистанцирование от советского наследия.

Параллельно министр иностранных дел Польши Гжегож Схетына в интервью польскому радио RMF FM в январе 2015 года заявил, что концентрационный лагерь Освенцим (Аушвиц-Биркенау) был освобождён «украинскими солдатами», имея в виду 1-й Украинский фронт Красной армии. Данное утверждение, несмотря на его фактическую неточность (1-й Украинский фронт был формированием СССР, а не независимой Украины), стало частью нарратива, направленного на маргинализацию роли СССР в победе над нацизмом. Г. Схетына позже уточнил, что имел в виду «солдат украинской национальности», однако это не отменило резонанса, вызванного первоначальной формулировкой.

Реакция на высказывания Яценюка и Схетыны со стороны России была резко негативной. МИД РФ назвал их «кощунственными» и «ревизионистскими», подчеркнув, что подобные заявления оскорбляют память миллионов советских граждан, погибших в борьбе с нацизмом. Историки обратили внимание на противоречия в аргументации: например, 1-й Украинский фронт, освобождавший Освенцим, включал представителей множества национальностей СССР, а сама Красная армия была многонациональным формированием, что делает попытки этнической «приватизации» победы методологически некорректными.

Данный кейс иллюстрирует, как историческая память становится инструментом геополитического противостояния. Пересмотр роли СССР в победе над фашизмом служит целям консолидации национальной идентичности в постсоветских государствах, но одновременно обостряет конфликты с Россией, для которой Великая Отечественная война остаётся ключевым элементом исторической легитимности. Подобные высказывания, будучи встроенными в более широкий дискурс «деколонизации истории», отражают тенденцию к фрагментации единого нарратива о Второй мировой войне, где акцент смещается с антигитлеровской коалиции на трагедию «оккупированных народов». Это создаёт риски для формирования инклюзивной памяти о войне, заменяя её конкурирующими версиями, обслуживающими текущие политические интересы.

Катализатором глубокого мемориального конфликта, раскрывающего противоречия в интерпретации ключевых событий XX века, стала и резолюция Европарламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», принятая в 2019 году. Центральным пунктом разногласий стало положение об уравнивании ответственности нацистской Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны, а также тезис о преступном характере коммунистической идеологии, поставленной в один ряд с нацизмом. Данная позиция, закреплённая в тексте резолюции, вызвала резкую критику со стороны Российской Федерации, усмотревшей в ней попытку ревизии истории, направленную на принижение роли СССР в победе над нацизмом. В частности, осуждение пакта Молотова-Риббентропа (1939) как фактора, способствовавшего разделу Европы, было воспринято как игнорирование контекста предвоенных международных отношений и роли других участников (например, Мюнхенского сговора 1938 года) (3, с. 51).

Страны Восточной Европы, включая Польшу, Литву, Латвию и Эстонию, поддержали резолюцию, акцентируя двойственность своей исторической травмы: нацистскую оккупацию и последующее доминирование СССР в рамках социалистического блока. Для этих государств документ стал инструментом легитимации политики декоммунизации, включая демонтаж советских памятников и пересмотр учебных программ. Одновременно резолюция подчеркнула тезис об «оккупации» Восточной Европы СССР после 1945 года, что противоречит российской нарративной традиции, трактующей освобождение региона как акт спасения от нацизма. Это противоречие усугубилось требованиями отдельных стран (например, Польши) о репарациях, что усилило напряжённость в отношениях между ЕС и Россией (4, с. 1067).

Принятие резолюции высветило структурный раскол в европейской исторической памяти, где «старая» Европа (Франция, Германия) демонстрирует осторожность в оценках прошлого, а «новая» Восточная Европа настаивает на радикальном пересмотре нарративов. Этот конфликт стал частью более широкого противостояния, усугублённого кризисом европейской интеграции и ростом националистических настроений (1, с. 244). Для России резолюция послужила стимулом к усилению «политики памяти», направленной на героизацию роли СССР в Великой Отечественной

войне, включая принятие законов о «защите исторической правды» и криминализацию «фальсификации истории».

Мемориальный конфликт вокруг резолюции Европарламента отражает не только борьбу за интерпретацию прошлого, но и её влияние на современные международные отношения. Прошлое становится ресурсом для легитимации политических стратегий, будь то требования репараций, консолидация национальной идентичности или идеологическое противостояние. Этот процесс подчёркивает, что историческая память остаётся полем битвы, где сталкиваются не только академические интерпретации, но и геополитические интересы, формируя новые вызовы для диалога и взаимопонимания в глобализирующемся мире.

## Обсуждение результатов

Конфликты памяти, или «мемориальные войны», возникают как следствие конкуренции нарративов в медиапространстве. Государства, политические акторы и гражданские сообщества борются за доминирование своих версий истории, используя медиаканалы для легитимации идеологий или формирования идентичностей. При этом академические исследования уступают место пользовательскому контенту, который, несмотря на риски фейковизации и мифологизации, воспринимается как достоверный источник из-за своей доступности и эмоциональной убедительности.

Цифровые технологии и социальные медиа трансформируют способы хранения и воспроизводства памяти. Архивы, библиотеки и музеи оцифровываются, а пользователи формируют «совместную память» через личные цифровые архивы, социальные сети и краудсорсинговые платформы. Это приводит к демократизации мнемонических практик, где массовое участие интернет-пользователей конкурирует с официальными нарративами, продвигаемыми государством и институтами. Медиапамять становится полем борьбы интерпретаций, где эмоционально насыщенные мифы и упрощённые схемы часто заменяют академическое знание.

Ключевой особенностью мемориальных войн является их опора на визуальные и дискурсивные стратегии, адаптированные к логике цифровых платформ. Социальные сети, онлайн-архивы, видеохостинги и мемы превращаются в инструменты репрезентации прошлого, где исторические

факты смешиваются с мифами, упрощёнными схемами и эмоционально заряженными образами. Например, демонтаж памятников советской эпохи в Восточной Европе, сопровождаемый хештегами вроде #ленинопад, или споры вокруг переименования улиц в США в рамках движения Black Lives Matter, транслируются через медиа как символические акты «исправления истории», формируя новую топографию памяти. При этом пользователи, вовлечённые в создание контента, становятся соавторами исторических нарративов, что размывает границы между профессиональной историографией и массовой культурой.

Политические акторы активно эксплуатируют историческую память, чтобы укрепить национальную идентичность или делегитимизировать оппонентов. Заявления лидеров, подобные тезисам Арсения Яценюка о «советской оккупации Украины» или Гжегожа Схетыны об «украинских освободителях Освенцима», становятся частью информационных кампаний, где исторические нарративы используются для обоснования внешнеполитических решений. Государства внедряют цифровые проекты — виртуальные музеи, интерактивные карты памяти, — чтобы конкурировать за символическое пространство, как это демонстрирует российский портал «Память народа» или украинская платформа «Электронный архив освободительного движения».

В условиях, когда традиционные формы коммуникативной, культурной и исторической памяти интегрируются в цифровую среду, ключевым механизмом конструирования представлений о прошлом становится медиапамять. Её специфика заключается в стирании границ между личным и коллективным, устным и письменным, а также в активной роли пользователей как создателей и распространителей исторического контента. Медиапамять представляет собой социальный феномен цифровой эпохи, возникающий в результате глубокой трансформации коллективной памяти под влиянием медиатизации и цифровизации.

Важным аспектом медиапамяти является её эмоциональная составляющая. Эмоции, такие как скорбь, вина или триумф, играют ключевую роль в коммеморативных практиках и политике памяти, формируя коллективные представления через мифологизацию и стереотипизацию. Примеры включают использование интернет-мемов, фильмов-катастроф или театрализованных реконструкций, которые смешивают исторические

факты с художественным вымыслом, создавая новые интерпретации прошлого.

Медиапамять — это динамичный и плюралистичный феномен, объединяющий коммуникативную, культурную, социальную и историческую память в цифровой среде. Ее формирование определяется взаимодействием технологий, эмоций, массового участия и конкуренции нарративов, что делает ее ключевым элементом современных процессов конструирования коллективной идентичности и исторического сознания. Мемориальные войны в контексте медиапамяти представляют собой конфликты интерпретаций исторических событий, разворачивающиеся в публичном цифровом пространстве, где медиа выступают как инструмент формирования, трансляции и конкуренции коллективных воспоминаний. Эти войны возникают на пересечении политики, идеологии и культуры, отражая борьбу за доминирование определённых нарративов о прошлом, которые легитимируют современные идентичности, властные структуры или геополитические амбиции. Медиапамять, понимаемая как совокупность цифровых и медийных практик конструирования исторического сознания, становится ареной столкновения официальных, альтернативных и маргинальных версий истории, усиленных технологиями виральности, алгоритмической селекции и эмоциональной вовлечённости аудитории.

## Выводы

Медиапамять усиливает динамику мемориальных войн за счёт гибридизации форм памяти: личные воспоминания, загруженные в социальные сети, соседствуют с государственной пропагандой, а документальные кадры переоборудуются в пропагандистские ролики. Алгоритмы платформ, продвигающие конфликтный контент, усугубляют поляризацию, превращая прошлое в «кликабельный» ресурс для манипуляции вниманием. Ярким примером служит использование исторических фейков, таких как мифы о «Влесовой книге» или «Новой хронологии», которые, будучи опровергнуты академическим сообществом, продолжают циркулировать в цифровой среде, подпитывая антинаучные дискурсы.

Однако медиапамять не сводится к инструменту манипуляции, она также создаёт возможности для диалога и рефлексии. Краудсорсинговые

инициативы, такие как «Бессмертный полк» или проекты по оцифровке устных историй, показывают, как цифровые технологии могут демократизировать доступ к прошлому, позволяя маргинализированным группам заявить о своём историческом опыте. Тем не менее, доминирующим остается конфликтный режим памяти, где каждая сторона апеллирует к «исторической правде», отрицая сложность и многоголосие прошлого.

Таким образом, мемориальные войны в контексте медиапамяти раскрывают парадокс цифровой эпохи, технологическое расширение доступа к информации сопровождается ростом мифологизации истории. Прошлое становится нестабильным конструктом, зависящим от текущих идеологических битв, а медиаплатформы — полем, где коллективная память постоянно пересобирается под влиянием алгоритмов, эмоций и геополитических интересов.

## Список источников

1. Бордюгов Г. А. (2020), Память о Второй мировой войне 2020: война продолжается, Третья мировая, мемориальная [Memory of the Second World War 2020: the war continues, World War III, memorial]. Историческая экспертиза. № 4(25). С. 237-253. DOI: 10.31754/2409-6105-2020-4-237-253.
2. Гийо Д. (2022), Об украинском кризисе: хотят ли русские войны? [About the Ukrainian crisis: Do Russians want war?]. Российское право онлайн. № 1. С. 5-9. DOI: 10.17803/2542-2472.2022.21.1.005-009
3. Ильичева М. В., Пророк В., Аверкиева Е. В. (2021), Политика памяти и уроки «умиротворения» [The politics of memory and the lessons of «pacification»]. Социально-политические науки. Т. 11, № 6. С. 49-55. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-6-49-55.
4. Кантор Ю. З. (2021), Девииции исторической политики в Восточной Европе и на постсоветском пространстве [Deviations of historical politics in Eastern Europe and the post-Soviet space]. Quaestio Rossica. Т. 9, № 3. С. 1064-1079. DOI: 10.15826/qr.2021.3.627.
5. Комплеев, А. В. (2021), Исторические сюжеты современных мемориальных войн на постсоветском пространстве [Historical

- plots of modern memorial wars in the post-Soviet space]. *Tempus et Memoria*. № 2(1). С. 53–58. DOI: 10.15826/tetm.2021.1.007
6. Кузнецов А. И. (2013), По долгу исторической памяти [Due to historical memory]. *Международная жизнь*. № 6. С. 107-115.
  7. Линченко А. (2024), Формы исторического забвения и фигуры умолчания в коммеморативных практиках движения Black Lives Matter: сравнительный анализ медиадискурсов в англоязычных странах [Forms of Historical Oblivion and Figures of Silence in the Commemorative Practices of the Black Olives Matter movement: a Comparative analysis of Media Discourses in English-speaking countries]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. № 6(1) С. 225-243. DOI: 10.46539/gmd.v6i1.447
  8. Миллер А. И. (2016), Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти [Memory politics in Post-Communist Europe and its impact on European memory culture]. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. № 1(80). С. 111-121.
  9. Николаи Ф. (2021), Режимы памяти, национальные нарративы и политики идентичности: открытое будущее исследований памяти [Memory Modes, national narratives, and identity politics: The Open Future of Memory Research]. *Новое литературное обозрение*. № 1. С. 305–314.
  10. Сафронова Ю. (2019), Историческая память: введение. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге [Historical memory: an introduction]. Санкт-Петербург: АНОО высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге».
  11. Тихонова С. В., Артамонов Д. С. (2021), Историческая память в социальных медиа [Historical memory in social media]. Санкт-Петербург: Издательство Алетейя.
  12. Тульчинский Г. Л. (2015), Историческая память в символической политике и информационные войны [Historical memory in symbolic politics and information warfare]. *Философские науки*. № 5. С. 24-33.

## References

1. Bordyugov, G. A. (2020), Memory of the Second World War 2020: the war continues, World War III, memorial. Historical expertise. No. 4(25). pp. 237-253. DOI: 10.31754/2409-6105-2020-4-237-253. (In Russian)
2. Guillot, D. (2022), On the Ukrainian crisis: Do Russians want war? Russian Law Online. No. 1. pp. 5-9. DOI: 10.17803/2542-2472.2022.21.1.005-009 (In Russian)
3. Ilyicheva, M. V., Prorok, V., Averkieva, E. V. (2021), The politics of memory and the lessons of «pacification». Socio-political Sciences. V. 11. No. 6. pp. 49-55. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-6-49-55. (In Russian)
4. Kantor, Y. Z. (2021), Deviations of historical politics in Eastern Europe and the post-Soviet space. Quaestio Rossica. Vol. 9. No. 3. pp. 1064-1079. DOI: 10.15826/qr.2021.3.627. (In Russian)
5. Compleev, A.V. (2021), Historical plots of modern memorial wars in the post-Soviet space. Tempus et Memoria. No. 2(1). pp. 53–58. DOI: 10.15826/tetm.2021.1.007 (In Russian)
6. Kuznetsov A. I. (2013), Due to historical memory. The International Affairs. No. 6. pp. 107-115. (In Russian)
7. Linchenko, A. (2024), Forms of historical oblivion and figures of silence in the commemorative practices of the Black Lives Matter movement: a comparative analysis of media discourses in English-speaking countries. Galactica Media: Journal of Media Studies. No. 6(1). pp. 225-243. DOI:10.46539/gmd.v6i1.447 (In Russian)
8. Miller, A. I. (2016), Memory politics in post-communist Europe and its impact on the European culture of memory. Politics: An analysis. The chronicle. Prognosis (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics). No. 1(80). pp. 111-121. (In Russian)
9. Nicolai, F. (2021), Memory modes, national narratives, and Identity politics: The Open Future of memory research. New Literary Review. No. 1. pp. 305-314. (In Russian)
10. Safronova, Yu. (2019), Historical memory: an introduction. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. Saint Petersburg: ANOO vysshego obrazovaniya «Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge». (In Russian)

11. Tikhonova, S. V., Artamonov, D. S. (2021), Historical memory in social media. St. Petersburg: Izdatelstvo Aletejya. (In Russian)
12. Tulchinsky, G. L. (2015), Historical memory in symbolic politics and information wars. Philosophical Sciences. No. 5. pp. 24-33. (In Russian)

## Информация об авторе

АРТАМОНОВ Денис Сергеевич, доктор философских наук, заведующий кафедрой методики обучения истории и обществознанию, профессор кафедры теоретической и социальной философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация. E-mail: artamonovds@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

## Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

## Информация о спонсорстве

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-012612.

## Информация о статье

Поступила в редакцию: 29.04.2025. Одобрена после рецензирования: 20.05.2025. Принята к публикации: 05.06.2025. Опубликована: 30.06.2025.

## Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

## About the author

Denis S. ARTAMONOV, DSc (Philos.), Head of Department of History and Social Studies Teaching Methods, Professor of Department of Theoretical and Social Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov State University», Saratov, Russian Federation

E-mail: artamonovds@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

## Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

## Sponsorship Information

The reported study was funded via grant of Russian Science Foundation No. 25-28-012612.

## Article info

Submitted: 29.04.2025. Approved after peer review: 20.05.2025. Accepted for publication: 05.06.2025. Published: 30.06.2025.

## Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

## ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

Научная статья

Социологические науки

УДК 316.776.2

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-40-56](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-40-56)



### Когнитивно-моделирующий потенциал информационно-психологического воздействия в контексте коммеморативных войн

Руслан Ирикович Зарипов

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства  
обороны Российской Федерации, Москва, Российская Федерация  
[lieutenant-en-chef@ya.ru](mailto:lieutenant-en-chef@ya.ru), <https://orcid.org/0000-0001-9980-7928>

***Аннотация.*** Статья посвящена обзору основных стратегий когнитивного моделирования, направленных на фальсификацию исторического знания в поликодовом пространстве массовой коммуникации, и анализу его реализации в рамках информационно-психологического воздействия, оказываемого коммуникаторами на мировую аудиторию. Актуальность исследования объясняется непрерывным переписыванием событий прошлого за счет формирования медиареальности, искажающей историческую правду, а также тем, что этот эрозионный процесс подрывает фундаментальные основы идентичности Российского государства и его репутационный образ как внутри, так и за пределами нашего общества. Автором выделяются стратегии дискредитации, замалчивания и построения альтернативной реальности, которые дополняют и замещают друг друга в процессе фальсификации. Рассматриваются социально-коммуникативные феномены, вытекающие из указанных стратегий: культура отмены, мифологизация, формирование образа врага, построение семантической оппозиции «свой-чужой» и другие.

*Ключевые слова:* когнитивное моделирование, образ России, образ СССР, коммеморативные войны, информационно-психологическое воздействие, стратегия дискредитации, замалчивание, альтернативная история

*Для цитирования:* Зарипов Р.И. Когнитивно-моделирующий потенциал информационно-психологического воздействия в контексте коммеморативных войн. Россия: общество, политика, история. 2025. №2(15). С. 40-56.

## SOCIAL PROCESSES AND PHENOMENA

Original article

Sociological sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-40-56](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-40-56)



### Cognitive-Modeling Potential of Information- Psychological Impact in the Context of Commemorative Wars

Ruslan I. Zaripov

Prince Alexander Nevsky Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

lieutenant-en-chef@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9980-7928>

**Abstract.** The article is devoted to the review of the main strategies of historical knowledge falsification in the polycode space of mass communication and the analysis of the cognitive modeling within the framework of information-psychological impact exerted by communicators on the global audience. The relevance of the study is explained by the continuous rewriting of past events through the formation of media reality that distorts the historical truth, as well as by the fact that this erosive process undermines the fundamental foundations of the identity of the Russian state and its reputational image both inside and outside our society. The author identifies strategies of discrediting, silencing and building an alternative reality, which complement and replace each other in the process of falsification. The author considers socio-communicative phenomena arising from these strategies: culture of cancellation, mythologization, formation of the enemy image, construction of the semantic opposition “friend-foe”, etc.

**Keywords:** cognitive modeling, image of Russia, image of the USSR, commemorative wars, information-psychological impact, discrediting strategy, silencing, alternative history

*For citation:* Zaripov, R.I. Cognitive-Modeling Potential of Information-Psychological Impact in the Context of Commemorative Wars. Russia: Society, Politics, History. 2025. No. 2(15). pp. 40-56.

## Введение

Историю пишут победители. Содержание этого афоризма продолжает подтверждаться и сегодня, хотя многие не задумываются, что сказанное касается не только победителей в рамках определенного исторического периода или события. История пишется также и в большей степени теми, кто считается победителем здесь и сейчас, вне исторического контекста, и обладает наибольшим политическим весом. В современную эпоху постправды этот вес определяется набором социально-коммуникативных инструментов, которые обеспечивают формирование необходимой медиареальности, превалирующей над информацией из фундаментальных источников. Историческое знание достаточно давно конструируется в общественном сознании главным образом не архивами и учебниками, а передовыми технологиями массовой коммуникации, используемыми ведущими акторами в своих политических целях.

Так, в положении «непобедителя» после распада Советского Союза по ряду причин оказалась Россия. Игнорирование собственных национальных интересов, отсутствие внимания к сохранению исторической памяти и ослабление внешнеполитических позиций постепенно привели к принижению, а затем и глобальному забвению роли СССР во Второй мировой войне. Несмотря на то, что эта глава отечественной истории составляет краеугольный камень русской цивилизации и Российского государства, смена политических ориентиров и уровень исторического просвещения не позволяли нашей стране системно противодействовать на рубеже веков проникновению чужеродных западных нарративов через кино, телевидение, переводимые книги, а затем и Интернет. Искажение концептуального содержания Великой Отечественной войны и умаление значения Великой Победы в глазах российских граждан, особенно подрастающего поколения, неизбежно вели к деструктивным социальным процессам, потере обществом внутреннего консолидирующего стержня. Стирание ключевого вклада Советского Союза в разгром нацизма и спасение человечества в самой

страшной катастрофе мировой истории в равной степени наносит огромный репутационный ущерб образу России и на внешнеполитическом контуре, неся для нее конкретные экономические, гуманитарные и стратегические последствия негативного характера.

## **Материалы и методы исследования**

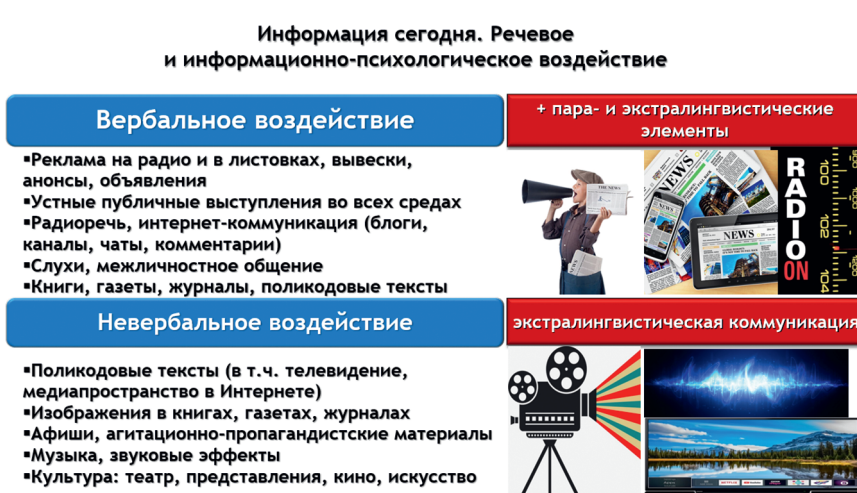
Исследование проведено в рамках обобщения медиакоммуникативных практик репрезентации исторического знания в современной массовой коммуникации. Кроме индуктивно-дедуктивного и других общенаучных методов, таких как наблюдение, сравнение, описание, классификация, нами применялись лингвистические методы когнитивно-дискурсивного анализа, коммуникативно-прагматического анализа и когнитивного моделирования, а также элементы ретроспективного анализа. Сплошная выборка медиаматериалов с отсылкой к исторической тематике позволила выявить основные технологии коммеморативных войн и стратегии фальсификации событий прошлого.

## **Результаты исследования**

Манипулятивные технологии фальсификации исторического знания опираются главным образом на суггестивные механизмы информационно-психологического воздействия, которое обладает значительным когнитивно-моделирующим потенциалом. Образы исторических фигур, фактов и событий стереотипизируются в массовом сознании так, как они формируются коммуникаторами в информационном пространстве, поскольку «в общей массе людей лишь 15-25 % способны критически анализировать предъявляемую им информацию, а порядка 75 % достаточно легко поддаются внушению» (4, с. 83). Когнитивное моделирование, в общем виде представляющее собой процесс и результат концептуального структурирования и продвижения определенной картины мира (3, с. 181), реализуется с помощью широкого комплекса средств современной массовой коммуникации в ее поликодовом и мультимодальном выражении (см. рис. 1).

**Рисунок 1.** Спектр источников информационно-психологического воздействия, формирующих медиареальность<sup>3</sup>

**Figure 1.** Sources of information-psychological impact shaping media reality



Стратегии когнитивного моделирования в сфере исторической памяти вытекают из медиакommunikативных практик применения информационно-психологического воздействия в его наиболее радикальной форме – оружия информационно-психологической войны. Нами выделяются взаимодополняемые, взаимозаменяемые и вытекающие друг из друга стратегии дискредитации, замалчивания и построения альтернативной реальности, общая цель которых состоит в фальсификации истории (см. рис. 2).

<sup>3</sup> Составлено автором.

**Рисунок 2.** Стратегии когнитивного моделирования в сфере исторической памяти<sup>4</sup>

**Figure 2.** Strategies of cognitive modeling in the sphere of historical memory



Стратегия дискредитации реализуется преимущественно в русле формирования образа врага и построения семантической оппозиции «свой-чужой». Как в вербальном, так и в невербальном выражении дискредитация подразумевает употребление коммуникативных единиц, проводящих негативные концептуальные векторы в отношении образа мишени. В соответствии с градацией уровней информационно-психологического оружия (1, с. 101) подобные сообщения могут быть имплицитно и эксплицитно конфликтогенными, деструктивными, содержать или не содержать эмоциогенные элементы, способствующие внушению. Однако так или иначе они направлены на нанесение репутационного ущерба образу мишени, способствуя ее реконцептуализации в глазах адресата (в случае с дружественной аудиторией речь идет, чаще всего, наоборот, об укреплении уже сложившегося имиджа).

Формирование исторических реалий (и реалий вообще) в рамках стратегии дискредитации опирается на создание стереотипизированных единиц

4 Составлено автором.

информации, в которых вербально и невербально концептуализируется определенное тождество, необязательно проявляющееся отчетливо и осознаваемое адресатом сразу (см. рис. 3). Так, мемы, демотиваторы и другие поликодовые материалы развлекательного и идеологизированного характера, создающие «символическое изображение», имеют эмоциогенную основу и транслируют имплицитные смыслы, часто усваиваемые адресатом некритично, подсознательно и на основе индуцируемой эмоциональной реакции (смех, удивление, страх, печаль, воодушевление и т. д.). В этих условиях на первое место выходит внушение, которое в отличие от убеждения в практике массовой коммуникации «определяется не только и не столько содержанием информации, сколько ее внешней формой, выразительностью, подчеркивающей смысловую значимость и эмоциональную окраску сообщений...» (5, с. 184). Тем не менее оно может проявлять себя и в отчетливом противопоставлении объектов в рамках агитационно-пропагандистских материалов (см. рис. 4), так как они тоже транслируют конфликтность, часто имеющую эмоциогенную основу.

**Рисунок 3.** Формирование медиареальности в поликодовых текстах массовой коммуникации<sup>5</sup>

**Figure 3.** Media reality formation in polycode texts of mass communication



5 Источник: Lorenzo De G. Quella photo «fake» pubblicata dalla Stampa in prima pagina. Nicolaporro. URL: <https://www.nicolaporro.it/quella-foto-fake-pubblicata-dalla-stampa-in-prima-pagina/> (дата обращения: 26.07.2022); Frappes russes en Ukraine: la stratégie de la terreur. 11 octobre 2022. Libération. URL: <https://boutique.liberation.fr/products/frappes-russes-en-ukraine-la-strategie-de-la-terreur-11-octobre-2022> (дата обращения: 11.10.2022).

Стратегия построения альтернативной истории всегда связана с таким отступлением от исторической правды, которое наносит определенный репутационный ущерб одному или нескольким акторам соответствующих событий, что фактически есть дискредитация. Эта стратегия ведет к мифологизации национальной истории (яркий пример – Украина), отмежеванию от исторических соседей, союзников и даже частей одного и того же народа (тот же пример) и конструированию когнитивной модели «МЫ – ДРУГИЕ», цель которой состоит в выделении и обособлении себя в противопоставлении какой-либо мишени. В случае с той же Украиной эта когнитивная модель обрела в результате массовой информационной обработки населения этой страны более детализированный и конкретный характер, проявившийся в следующем виде: «МЫ (РОССИЯ И УКРАИНА / РУССКИЙ И УКРАИНЕЦ) – НЕ БРАТЬЯ». Эта модель концептуально проходит в украинском медиапространстве красной линией манипулятивных посылов через сообщения информационных источников, произведения массовой культуры, публичные речи общественно-политических деятелей, начав культивироваться задолго до начала Специальной военной операции ВС РФ.

В рамках истории Великой Отечественной и Второй мировой войн политтехнологами коллективного Запада переписывается даже фактологическая хронология событий, фальсифицируются их география и качественное содержание. Сомнению, пересмотру и переутверждению в массовом сознании подвергается состав участников антигитлеровской коалиции, основных акторов боевых действий, районов сражений и ключевых эпизодов вплоть до полной подмены обстоятельств кончины Гитлера. Эти концептуальные искажения могут интерпретироваться как безобидные и необходимые в угоду соблюдения юмористического и развлекательного жанров телевизионных передач, кинофильмов, интернет-коммуникации, однако в этом и заключается их суггестивная основа, позволяющая в эмоциогенных условиях не критичного восприятия информации продвигать коммуникатору манипулятивную картину исторических реалий. Особенно эффективен такой «инфотеймент» в отношении молодежи, которые еще не обладают системными знаниями в этой области и узнают о событиях прошлого именно через медиа.

**Рисунок 4.** Концептуализация мишени в агитационно-пропагандистских материалах<sup>6</sup>  
**Figure 4.** Conceptualization of the target in propaganda materials



Стратегия замалчивания переключается в равной степени как со стратегией дискредитации, так и со стратегией построения альтернативной реальности, однако при этом может рассматриваться не только как проявление, но и как источник обеих из них.

В разных трудах стратегия замалчивания называется также «стратегическим замалчиванием», «политикой стратегического молчания» и т. д. Она направлена на игнорирование участия какого-либо субъекта в исторических событиях или его вклада в достижение определенного исторического результата. Приемы замалчивания мишени воздействия или ее характеристик, ведущие к потере ее авторитета или статуса, принижению ее роли и другим негативным для нее последствиям составляют один из критериев отнесения сообщений массовой коммуникации к информационно-психологическому оружию (2, с. 86) и может рассматриваться как четвертый уровень его использования (1, с. 101), так как способствует достижению

<sup>6</sup> Составлено автором.

коммуникатором своих военно-политических целей в среднесрочной и долгосрочной перспективах.

В качестве ясного пояснения приведем слова российского писателя Д. Конаныхина: «Представьте. Кто-то, владеющий СМИ или получающий площадку в СМИ, постоянно лжет об истории вашей Родины. Вы начинаете возражать в соцсетях. Но на ваши возражения нет никакой реакции. Молчание. Этому учат на курсах молодых политиков в США.

Представьте. Вы создали фильм, книгу, поэму, картину, высококлассный интеллектуальный продукт. Но вас нет – все ваши конкуренты и оппоненты молчат. Никакой реакции. К вам намеренно не привлекают внимание обывателя. Это – технология.

Представьте, у вас в руках технология пессимизации контента: Ваня или John могут сколь угодно талантливо выступать в соцсетях, но вы так настроили алгоритмы вашей соцсети, что его никто не видит. Это *strategic amplification*, «стратегическая настройка» выдачи информации. Это тоже часть стратегического молчания, часть культуры отмены»<sup>7</sup>.

Действительно, одним из гипертрофированных последствий стратегии замалчивания, основанной на шовинизме и нацизме, выступает так называемая политика и культура отмены, заключающаяся в попытке *социального запрета* и *полного стирания* из действительности определенного этноса или объекта. Так, после начала Специальной военной операции ВС РФ на Украине русофобия, находившаяся в западном социуме относительно долгий период в пассивном, «спящем» состоянии, стала основой полномасштабного отрицания всего русского. Набрала обороты откровенно расистская кампания, в рамках которой во многих странах Европы и других частях света демонстративно отказывались от российских театральных постановок и русской литературы, не заселяли русскоговорящих в гостиницы и не допускали их в общественные заведения, запрещали российскую национальную символику и не принимали российских спортсменов к соревнованиям под государственным флагом. Эти и другие практические действия отдельных лиц и политических институтов есть результат информационно-психологического воздействия в форме тотальной пропаганды, обеспечившей социальное внушение пейоративных

---

7 Конаныхин Д. Вы, конечно, не обратите внимание... Telegram. – URL: <https://t.me/grishkafilippov/24809?single> (дата обращения: 21.02.2025).

когнитивных моделей в отношении России. Медиакommunikативные практики, формирующие психологические установки и мышление, оказали прямое влияние на практики социальные: дошло даже до того, что представителей России как правопреемницы СССР не пригласили на мероприятия, посвященные 80 годовщине освобождения Красной Армией концентрационного лагеря Освенцим, в музей которого к тому же закрыли российскую экспозицию<sup>8</sup>.

Переписывание мировой истории на основе дискредитации и игнорирования роли России и СССР целенаправленно ведется, в первую очередь, в интересах США. Вместе с тем реализация перечисленных нами стратегий прослеживается не только в медиадискурсе как глобальном информационном пространстве, но и в его интегративных частях – так называемых вторичных дискурсах, среди которых нас интересует прежде всего исторический. Знания в области истории по-прежнему формируются у детей главным образом в школе, хотя и наслаиваются в новых условиях, как правило, на уже «посеянные» сферой массовой культуры аудиовизуальные образы и смыслы. Так, в одном из американских учебников по истории для 7 класса (Prentice Hall. History of Our World 2007) конечный этап Второй мировой войны в Европе согласуется с транслируемыми тематическими медианарративами: «Победа в Европе. Вслед за кампаниями в Северной Африке и Италии, союзники открыли западный фронт против ослабленных немцев. 6 июня 1944 корабли союзников с 156,000 солдат на борту высадились в Нормандии, северном побережье Франции. Известная как День Д, высадка в Нормандии была началом массированного похода союзников на восток. Через шесть месяцев союзные армии дошли до Германии. После последней попытки достичь успеха в декабре 1944, известной как Битва в Арденнах, немецкая армия была сокрушена. Союзники провозгласили победу в Европе 8 мая»<sup>9</sup> (перевод Н. Старикова).

Сочетаются технологии фальсификации исторического знания и в учебной литературе стран Центральной Азии. Так, в учебнике по истории

---

8 Захарова назвала переписыванием истории закрытие экспозиции РФ в «Освенциме». Sputnik Беларусь. URL: <https://sputnik.by/20250129/zakharova-nazvala-perepisyvaniem-istorii-zakrytie-ekspozitsii-rf-v-osventsime-1093171954.html> (дата обращения: 15.03.2025).

9 Стариков Н. Учить историю по-американски. Николай Стариков: политик, писатель, общественный деятель. URL: <https://nstarikov.ru/blog/11955> (дата обращения: 30.08.2019).

для 5 класса, утвержденном министерством образования Узбекистана (см. рис. 5), имеются следующие отрывки: «Захватив нашу Родину, Российская империя установила колониальные порядки. Стала грабить богатства края. Ввела тяжкие налоги и обязательства. Самые плодородные земли получили переселенцы из России. Были попорчены наше национальное достоинство и обычаи. Эти факторы привели к тому, что население Туркестана подняло восстание, носившее освободительный характер... Однако в результате неравенства сил восстание потерпело поражение. Завоеватели его жестоко подавили. Мухаммадали и его близкие соратники были казнены через повешение. Сотни участников восстания отправлены на каторгу. Но жестокая расправа не сломала волю народа.»<sup>10</sup>; «Советская Россия в 1917 году свергла Национальное правительство, сформированное в городе Коканде. Колониальная зависимость была усилена. Это стало причиной национально-освободительной борьбы... Борьба за независимость продолжалась несколько лет. Однако военные силы были неравны. В результате борьба за независимость Родины потерпела поражение. Борцов за независимость Туркестана издевательски называли «басмачами» (разбойниками). Местную интеллигенцию правительство коммунистов подвергло жестоким репрессиям. Потому что они были самыми активными участниками борьбы за независимость Отчизны... В годы колониальной зависимости от советской России жертвами репрессий стали такие руководители государства как Файзулла Ходжаев, Акмаль Икрамов и другие государственные деятели. Зависимость от власти Российской империи и советской России продолжалась почти 130 лет»<sup>11</sup> (орфография и пунктуация сохранены, курсив автора).

---

10 Что узнает школьник из утвержденного... Операция Z: Военкоры Русской Весны. URL: <https://t.me/RVvoenkor/76510?single> (дата обращения: 09.09.2024).

11 Там же.

## Рисунок 5. Когнитивное моделирование в учебной литературе в контексте коммеморативных войн<sup>12</sup>

Figure 5. Cognitive modeling in educational literature  
in the context of commemorative wars

1996 году международная организация ЮНЕСКО приняла решение широко, на международном уровне отметить 660-летие со дня рождения Амира Темура.

**Прочитайте внимательно!**  
«Амир Темура наша гордость, честь и достоинство!»  
*Ислам Каримов*

В городах **Ташкенте**, **Самарканде** и **Шахрисабзе** были установлены памятники Амиру Темуру. В городе Ташкенте создан Государственный музей истории Темуридов. Была учреждена одна из высших наград нашей Родины — **орден «Амира Темура»**.

**Прозакладывайте себя**  
• В 1395 году ...  
• М. Иванин — ...  
• Сражение при Анкаре ...

**Запомните название исторической местности**  
**Анкара** — столица современной Республики Турция.

**Вопросы и задания**  
1. Какова была ситуация в нашем отечестве, когда Амир Темура вывел на политическую арену?  
2. Расскажите о борьбе Амира Темура за независимость Родины и создания им великого государства?  
3. Почему Амира Темура называли освободителем Европы?  
4. Что было сделано за годы независимости для восстановления доброго имени великого Амира Темура?

**§ 33. КОЛОНИАЛЬНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ РОССИИ**

**Зависимость от Российской империи.** Богатые природные ресурсы нашего края издавна привлекали внимание русских царей, в том числе и **Петра I**. Поэтому он замышлял завладеть этими богатствами. Замыслы Петра I были осуществлены в XIX веке его потомками. Российская империя воспользовалась экономической отсталостью среднеазиатских ханств, отсутствием у них современного вооружения и обученной армии, а также тем, что между ними велись междоусобные войны.

101



Наконец, в 1864 году Российский император **Александр II** издал указ о начале военных действий против среднеазиатских ханств. В 1865 году Средняя Азия была полностью покорена. **Национально-освободительная борьба.** Захватив нашу Родину, Российская империя установила колониальные порядки. Стала грабить богатства края. Ввела тяжкие налоги и обязательства. Самые плодородные земли получили переселенцы из России. Были попорчены наше национальное достоинство и обычаи. Эти факторы привели к тому, что население Туркестана подняло восстание, носившее освободительный характер.

**Петр I**

Именно таким было всплывающее в 1898 году Андижанское восстание, которое возглавил **Мухаммад Али Ислам**. Однако в результате неравенства сил восстание потерпело поражение. Завоеватели его жестоко подавили. Мухаммадали и его близкие соратники были казнены через повешение. Сотни участников восстания отправлены на каторгу. Но жестокая расправа не сломала волю народа.

**Новые колониальные порядки.** В 1917 году была свергнута династия **Романовых**, которая занимала российский престол на протяжении более трёхсот лет. Страна была возвращена в пучину хаоса. Новое правительство не могло справиться со сложившейся ситуацией. В результате власть захватили **коммунисты**, которые хотели построить общенародное государство без частной собственности. Но коммунисты не дали обещанную свободу народам тех краёв, которые в своё время были захвачены Российской империей. В том числе и наш край продолжал оставаться колонией теперь уже коммунистической России.

Советская Россия в 1917 году свергла Национальное правительство, сформированное в городе Коканде. Колониальная зави-

102

## Выводы

Укоренившиеся негативные тенденции в сфере мирового знания о событиях прошлого требуют от России последовательного, системного и твердого отстаивания исторической правды с опорой на объективные и достоверные данные. В равной степени важным представляется наращивание технологических возможностей, позволяющих вести качественную трансляцию собственного видения отечественной истории на массовую зарубежную аудиторию, а также достижение общественного консенсуса внутри страны по ключевым историческим темам, обладающим имплицитной конфликтностью в противовес заданной политике

12 Там же.

национального примирения. Позитивное позиционирование нашего государства на международной арене неразрывно связано с необходимостью сохранения его доброго имени в историческом контексте на основе образов свободы, справедливости, спасения, просвещения, духовности, братства, героизма и мира. Воздействующий потенциал когнитивного моделирования должен нами использоваться в качестве одного из инструментов мягкой силы, который будет эффективен только при условии подключения полного арсенала средств эмоциогенного выражения информации.

### **Список источников**

1. Зарипов Р.И. (2024), Информационно-психологическое оружие в политическом дискурсе как индикатор многовекторности. [Information and Psychological Weapons in Political Discourse as an Indicator of Multi-vectorism]. Россия и мир: научный диалог. № 4 (14). С. 97-104.
2. Зарипов Р.И. (2024), Информационно-психологическое оружие: сущность и типологизация [Information and Psychological Warfare Weapons: Essence and Typology]. Политическая лингвистика. № 5 (107). С. 84-99.
3. Зарипов Р.И. (2024), Когнитивное и метафорическое моделирование в медиадискурсе [Cognitive and Metaphorical Modeling in Media Discourse]. Политическая лингвистика. № 4 (106). С. 175-183.
4. Караяни А.Г., Зинченко Ю.П. (2007), Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика: учебник для курсантов и студентов вузов [Information-psychological confrontation in war: history, methodology, practice: textbook for cadets and university students]. М.: МГУ.
5. Шерковин Ю.А. (1973), Психологические проблемы массовых информационных процессов [Psychological problems of mass information processes]. М.: Мысль.

## References

1. Zaripov, R.I. (2024), Information and Psychological Weapons in Political Discourse as an Indicator of Multi-vectorism. *Russia and World: Scientific Dialogue*. № 4 (14). P. 97-104. (In Russian)
2. Zaripov, R.I. (2024), Information and Psychological Warfare Weapons: Essence and Typology. *Political Linguistics*. № 5 (107). P. 84-99. (In Russian)
3. Zaripov, R.I. (2024), Cognitive and Metaphorical Modeling in Media Discourse. *Political Linguistics*. № 4 (106). P. 175-183. (In Russian)
4. Karayani, A.G., Zinchenko, Yu.P. (2007), Information-psychological confrontation in war: history, methodology, practice: textbook for cadets and university students. M.: Moscow State University. (In Russian)
5. Sherkovin, Yu.A. (1973), Psychological problems of mass information processes. M.: Mysl'. (In Russian)

## Информация об авторе

ЗАРИПОВ Руслан Ирикович, докторант, кандидат филологических наук, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9980-7928>

## Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

## Информация о статье

Поступила в редакцию: 20.05.2025. Одобрена после рецензирования: 14.06.2025. Принята к публикации: 16.06.2025. Опубликовано: 30.06.2025.

## Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

## About the author

Ruslan I. ZARIPOV, doctoral candidate, CandSc (Philol.), Prince Alexander Nevsky Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9980-7928>

## Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

## Article info

Submitted: 20.05.2025. Approved after peer review: 14.06.2025. Accepted for publication: 16.06.2025. Published: 30.06.2025.

## Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

## ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

Научная статья

Социологические науки

УДК 316.776.2

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-57-74](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-57-74)



### Когнитивно-ментальные интервенции как инструмент гибридных войн

Валентина Вячеславовна Комлева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация  
Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, Москва, Российская Федерация  
[komleva@nicrus.ru](mailto:komleva@nicrus.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

**Аннотация.** В статье рассматривается феномен когнитивно-ментальных интервенций (КМИ) как инструмент гибридного противоборства, направленный на трансформацию сознания, идентичности и поведенческих моделей общества. КМИ трактуются как целенаправленные действия по изменению ментальных репрезентаций и когнитивных матриц личности и социальных групп через внедрение новых смыслов, фреймов и ценностных ориентиров. Особое внимание уделяется опасности этих интервенций для России, где их последствия могут проявляться в деформации исторической памяти, подрыве легитимности государства, росте социального отчуждения и идеологической дезориентации. Обоснована необходимость научного изучения КМИ как особого типа воздействия в условиях гибридных войн. Автор выделяет типологию подходов к когнитивной войне (прагматико-военный, политико-экспансионистский, цивилизационно-идеологический

и национально-патриотический). Приводятся конкретные примеры КМИ против России: переписывание истории, манипуляции в медиа, культура отмены, юмористическая мемемизация и др. Автор подчеркивает необходимость формирования государственной стратегии когнитивной безопасности, развития когнитивной устойчивости и социального иммунитета. Статья способствует восполнению научного пробела в анализе КМИ и стимулирует разработку механизмов противодействия данным угрозам.

*Ключевые слова:* когнитивно-ментальные интервенции, когнитивная безопасность, информационная война, когнитивная война, гибридная война, ментальные репрезентации, когнитивные матрицы, идентичность, когнитивное моделирование, культура отмены, социальный буллинг

*Для цитирования:* Комлева В.В. Когнитивно-ментальные интервенции как инструмент гибридных войн. Россия: общество, политика, история. 2025. №2(15). С. 57-74.

## SOCIAL PROCESSES AND PHENOMENA

Original article

Sociological sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-57-74](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-57-74)



### Cognitive-Mental Interventions As a Tool of Hybrid Warfare

Valentina V. Komleva

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”, Moscow, Russian Federation

National Research Institute for Communications Development, Moscow, Russian Federation

[komleva@nicrus.ru](mailto:komleva@nicrus.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

**Abstract.** The article explores the phenomenon of cognitive-mental interventions (CMI) as a tool of hybrid confrontation aimed at transforming consciousness, identity, and behavioral models within society. CMIs are defined as deliberate actions targeting the alteration of mental representations and cognitive matrices of individuals and social groups through the implantation of new meanings, frames, and value orientations. Particular attention is given to the threats these interventions pose to Russia, where their consequences may include the distortion of historical memory, the undermining of state legitimacy, growing social alienation, and ideological disorientation. The author substantiates the need for academic study of CMIs as a distinct form of influence in the context of hybrid warfare. A typology of approaches to cognitive warfare is proposed: pragmatic-military, political-expansionist, civilizational-ideological, and national-patriotic. A significant part of research proposes specific examples of CMIs used against Russia, such as historical revisionism, media manipulation, cancel culture, humorous memefication,

and others. The author emphasizes the necessity of developing a national strategy for cognitive security, strengthening cognitive resilience, and cultivating social immunity. The article aims to bridge the academic gap in the study of CMIIs and to stimulate the development of effective countermeasures against these threats.

*Keywords:* cognitive-mental interventions, cognitive security, information warfare, cognitive warfare, hybrid warfare, mental representations, cognitive matrices, identity, cognitive modeling, cancel culture, social bullying

*For citation:* Komleva, V.V. Cognitive-Mental Interventions As a Tool of Hybrid Warfare. Russia: Society, Politics, History. 2025. No. 2(15). pp. 57-74.

## Введение

Изучение когнитивно-ментальных интервенций (далее – КМИ) представляет собой важнейшее направление как в научной, так и в прикладной области национальной безопасности. Актуальность изучения данной темы обусловлена последствиями, которые могут иметь когнитивно-ментальные интервенции. КМИ направлены на изменение восприятия реальности, разрушение национального самосознания, формирование ложных исторических и ценностных ориентиров. Это может привести к тому, что общество начинает воспринимать собственную страну как «врага», а чужие смыслы как нормы. КМИ могут вызывать массовую демотивацию, чувство вины, апатию, панику, поляризацию общества (по культурным, идеологическим, моральным, этническим, религиозным и иным признакам), что провоцирует внутренние конфликты и протестные настроения.

Проблема усиливается в условиях развития информационного общества, цифровизации, применения искусственного интеллекта, способного создавать персонализированное внушение. Современные технологии позволяют с высокой точностью влиять на поведение людей: алгоритмы соцсетей формируют «информационные пузыри», когнитивное моделирование применяется в PR. Объектами воздействия становятся все группы населения, мировоззрение которых формируется в цифровой среде (преимущественно молодежь).

Инструменты КМИ в условиях гибридных войн усиливают военную агрессию, влияя на менталитет и когнитивные матрицы населения через медиа и соцсети, образование и культуру, международные правовые дискурсы. В отношении России КМИ используются при манипуляциях с исторической памятью, целенаправленной фальсификации истории, особенно событий Второй мировой войны, революции, периода СССР. Они направлены на дискредитацию легитимности российской государственности, её достижений и смысловых оснований, подрыв общественного доверия к власти, разрушение консолидирующих основ общества и коллективной идентичности.

Изучение когнитивно-ментальных интервенций имеет большое практическое значение, так как должно стать основой формирования государственной стратегии когнитивной безопасности, разработки гуманитарных и технологических методов профилактики и защиты, формирования социального иммунитета, устойчивого к манипуляциям и внешним дестабилизирующим действиям.

Вместе с тем, анализ научных исследований и экспертных источников по темам информационных войн, гибридных войн, когнитивных войн убедительно показывают, что проблематика когнитивно-ментальных интервенций редко становится предметом специального анализа и отдельных научных публикаций.

Данная статья направлена на восполнение этого пробела и стимулирование научного осмысления практики применения инструментов когнитивно-ментальных интервенций. Основные результаты исследования были озвучены автором в докладах на III Международной научно-практической конференции «Цифровые международные отношения» (ноябрь 2024, Москва, Дипломатическая академия МИД РФ), на международной научно-практической конференции «Тарлевские чтения. К новой архитектуре многополярного мира» (июнь 2025, Москва, Дипломатическая академия МИД РФ).

## Материалы и методы исследования

В процессе исследования были рассмотрены работы российских авторов в области когнитивных войн и смежных проблем, в частности, работы

Андроновой Н.Э. (1), Бартоша А.А. (4), Джуры Г.С. (7), Емельянова С.В. (14), Карповича О.Г. (9), Кефели И.Ф. (11), Курочкина А.В. (14), Медушевского А.Н. (15; 16), Почепцова Г.Г. (18), Сутырина В.В. (21), Тагильцевой Ю.Р. (12) и др. Проанализированы авторские разработки и материалы, представленные в диссертациях Артамонова Д.С. (2), Биндаса Д.В. (5), Зарипова Р.И. (8), Кафтана В. В. (10), Петрякова К.С. (17), Приходько М.В. (19). Систематизированы и критически осмыслены практики применения когнитивно-ментальных интервенций против России: случаи переписывания истории и подмены понятий, целенаправленной русофобии и «культуры отмены», «социального буллинга» русских, использования мемов и цифрового юмора, практики создания когнитивного диссонанса, влияния через образование и медиа.

В ходе исследования применялись методы анализа, сравнения, общения гипотез, представленных в разных источниках научной информации. Были использованы структурный подход (для выявления схем когнитивно-ментальных интервенций), институциональный анализ (для изучения роли масс медиа, социальных сетей, государственных органов, НКО в когнитивных операциях), сетевой подход (для анализа связи между агентами и распространителями). При работе с открытыми источниками данных использовался OSINT-метод для выявления и анализа практик когнитивных атак.

## Результаты исследования

### Сущность когнитивно-ментальных интервенций

Понятие когнитивно-ментальных интервенций (далее – КМИ) относительно недавно стало предметом научного анализа именно в такой формулировке термина. Ранее в практике гибридных войн чаще использовались понятия «когнитивная операция» и «когнитивная атака». Интервенции такого типа направлены на изменение или разрушение когнитивной сферы (связанной с восприятием, мышлением, знанием) и ментальной сферы (связанной со структурами сознания и памяти).

В когнитивной науке КМИ интервенции рассматриваются в купе с понятием «ментальная репрезентация» и считается, что именно они

являются объектами внешнего воздействия. Обобщение разных подходов к определению ментальных репрезентаций (детально представленных в работе Прохорова А.О. (20)) позволяет выделить концептуальное. Ментальные репрезентации являются упорядоченным комплексом знаний, схем, прототипов, фреймов, некой формой субъективного видения и интерпретации происходящего, психической реальностью, которая иницируется «извне», но зарождается и обеспечивается «внутри» субъекта. Именно ментальные репрезентации являются объектом воздействия КМИ.

Кроме того, объектом воздействия являются когнитивные матрицы, суть которых раскрывается в исследованиях по когнитивной лингвистике и через когнитивные решетки Дж. Келли. В контексте нашей проблематики когнитивные матрицы следует рассматривать как сетевую, многослойную структуру знаний и мышления (взаимосвязанных понятий, контекстов и когнитивных доменов). Анализ когнитивных матрицы позволяет понять, как человек и целые общества структурируют и организуют своё понимание мира. Когнитивная матрица организована по сетевому принципу, то есть понятия и знания связаны между собой не по уровню подчинённости, а по логике ассоциаций, функций, контекста. Это делает когнитивную матрицу гибкой и адаптивной. Она отражает живую структуру мышления, в которой одни и те же знания могут использоваться в разных контекстах и сценариях. При этом существует когнитивное ядро, предопределяющее мышление и поведение в большинстве ситуаций. Слои когнитивной матрицы включают эмоциональные, ценностные, логические, метафорические и прагматические компоненты. Более поверхностные слои активируются автоматически, а более глубокие требуют усилий и рефлексии (например, коллективное бессознательное). КМИ направлены на разрушение системы когнитивного структурирования, когнитивного ядра, логики и содержания глубинных слоев когнитивных матриц.

С этих позиций задачи КМИ заключаются в целенаправленном переформатировании (или разрушении) ментальных репрезентаций и когнитивных матриц путем внедрения новых смыслов, искажённых исторических фреймов, определенных знаний и интерпретаций, ценностных, символических и идеологических ориентиров. В итоге КМИ ведут к изменению поведенческих моделей, идентичности, эмоционального отношения к государству и обществу.

Актуализация тематики КМИ произошла на фоне развития проблематики когнитивных войн и тесно связана с трактовками их целей и задач. С определённой долей условности можно выделить несколько подходов в понимании целей и средств самой когнитивной войны. Прагматико-военный подход характерен для США (в некоторой степени и для Великобритании), которые рассматривают когнитивную войну как инструмент прямого стратегического воздействия с целью поражения противника. Политико-экспансионистский подход в понимании когнитивных войн свойственен странам Западной Европы, рассматривающим такой тип войн как инструмент экспансии и контроля над общественно-политической сферой других стран. Россия рассматривает когнитивные войны на уровне культуры, ценностей, идентичности и ее подход можно назвать цивилизационно-идеологическим. Интересен подход Беларуси, который трактует когнитивные войны как угрозу, прежде всего, национальной памяти и солидарности. Такой подход можно назвать национально-патриотическим. С этих позиций в разных странах отрабатываются разные подходы к профилактике когнитивно-ментальных угроз и противодействию им.

Последствия когнитивно-ментальных интервенций проявляются в психологической, идеологической, культурной, политической и военной сферах.

Среди психологических последствий отметим деформации мышления, снижение способности к анализу, запоминанию, синтезу. Снижается критическое мышление или наоборот повышается и возникает крайняя подозрительность и конспирологичность. Теряется доверие к официальной информации и науке. КМИ способны спровоцировать рост тревожности и дезориентации, навязать «кризисное мышление» (экзистенциальные тревоги, страх будущего, ожидание роста глобальной нестабильности). Под влиянием КМИ (через дипфейки, фейки, манипуляции) формируются ложные модели реальности.

Идеологические последствия КМИ выражаются в утрате национальной идентичности, подмене, исторической памяти, снижении роли традиционных символов (язык, флаг, гимн могут восприниматься как «устаревшие»). Следствием КМИ может быть ценностный релятивизм, при котором долгосрочные смыслы заменяются краткосрочными выгодами и развлечениями, внедряется нарратив «у всех своя правда» и «правда

относительна». Часть общества перестает руководствоваться чувством долга, патриотизма, служения.

Социально-культурные последствия проявляются в потере культурной самобытности, стандартизации потребностей, образа жизни, вкусов, форм досуга, подмене собственной культуры чужой (представленной как универсальная культура) и экспортным креативом (Netflix, западный TikTok). Меняются традиции, свои традиционные праздники вытесняются чужими. Часто ухудшается образование, так как институты образования и воспитания используются субъектами КМИ. Упрощение образования с целью его большей «практикоориентированности» приводит к потере эрудиционного потенциала выпускников школ и вузов, снижению способностей к логическим рассуждениям и аргументации.

В политической сфере КМИ способны делегитимизировать власть, разрушить доверие к государству, политикам, общественным институтам, официальным СМИ через кампании дискредитации (коррупция, некомпетентность, «тирания», «несоблюдение прав» и пр.). В итоге возможен раскол общества и общественно-политические дестабилизации.

С точки зрения военно-стратегических последствий КМИ опасны для утраты образа врага или угрожающей среды, для формирования ложного чувства безопасности в условиях реальных угроз, создания паники, деморализации и демотивации военной службы, подрыва мобилизационной способности, разделения общества перед военными действиями.

## **Россия как объект когнитивно-ментальных интервенций**

Обобщение практики использования КМИ как инструментов противодействия России позволяет выделить ряд целей КМИ на современном этапе: ослабление традиционной культурной и общегражданской идентичности россиян, вмешательство в интериоризацию концепта «Россия – государство-цивилизация»; внедрение альтернативных нарративов и западных моделей (в т.ч. «глобального гражданства», «универсальных ценностей» и др.), либерального индивидуализма; формирование экзистенциальной тревоги, сомнений в правильности внутренней и внешней политики России, разрушение доверия к государственным институтам; раскол между странами-союзниками, подрыв интеграционных проектов (СНГ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС+).

КМИ интервенции используются и для манипуляций общественным мнением и переформатирования общественного сознания в кризисных ситуациях (например, в условиях СВО (6)).

Наиболее доступными для наблюдения являются примеры переписывания истории и подмены понятий, «открытие» якобы неизвестных страниц истории и приравнение СССР к нацистской Германии в международных резолюциях (например, резолюция Европарламента), тезис о «двойной оккупации» Восточной Европы СССР и Третьим рейхом, реабилитация коллаборационистов, «обнуление» роли СССР в победе над нацизмом и продвижение альтернативных версий истории (например, «США выиграли Вторую мировую войну»). В КМИ активно используются цифровой юмор и меметизация образов политического руководства, армии, символов Победы с целью вызвать ироничное, презрительное или уничижительное восприятие. Подобные инструменты формирования новой памяти - медиапамяти хорошо изучены Артамоновым Д.С. (2).

Ряд глобальных и страновых медиа ресурсов представляют Россию как «агрессора», «колониальную державу» и внедряют такие оценки, как «токсичная культура», «русский фашизм», «пропагандистское государство». В отношениях со славянскими и православными народами продвигается концепт «мы не братья» с акцентом на культурной и ментальной различности. Мы видим большое количество примеров давления на русских за границей (особенно в странах Прибалтики и на Украине) как носителей «враждебной идентичности». Известны практики целенаправленной русофобии и «культура отмены», выражающиеся в блокировке российских культурных, спортивных, образовательных инициатив на международной арене, отмена гастролей российских артистов, запрет на участие спортсменов в международных соревнованиях, изъятие русской классики из учебных программ, запрет на использование русского языка в деловой и бытовой коммуникации. В итоге, социальный буллинг, моральное давление, социальная изоляция являются примерами скрытых КМИ, направленных на уничтожение субъектности русского человека и его самосознания.

КМИ направлены и на создание когнитивного диссонанса путем сравнения жизни в России и «цивилизованном мире» с акцентом на «отсталость», «изоляция», «репрессии», продвижение нарратива обманывающего государства. Это провоцирует отчуждение граждан от государства

(«государство - не мы»), акцент на бытовых трудностях, ценах, миграции как на следствии «неправильного пути страны».

Когнитивно-ментальные интервенции – это не только инструменты борьбы за умы и идентичности в настоящем. Это инструменты борьбы за модели будущего. Чтобы сохранить свою субъектность и не проиграть эту борьбу следует проводить проактивную гуманитарную политику. Внутри страны - воспитывать когнитивно устойчивые поколения, повышать медиаграмотность и создавать условия для развития социального иммунитета. Идеи о социальном иммунитете высказывались нами ранее (3; 13). На внешнем контуре важно предлагать позитивные нарративы развития, защищать историческую правду, модель справедливой многополярности и удерживать союзников в общем цивилизационном поле.

## Выводы

КМИ являются осознанным вмешательством в сознание людей и в общественное сознание с целью изменения их мировоззрения и поведения. Как попытки трансформации сознания общества, групп, личности, КМИ направлены на изменение, прежде всего, когнитивных матриц и ментальных репрезентаций обществ, групп, личностей. Сущность КМИ заключается воздействия на ценностно-смысловую сферу, деформация идентичности, исторического сознания и культурных ориентиров.

Использование КМИ в отношении России направлено на подрыв культурной, исторической и политической идентичности российского общества. КМИ реализуются как через прямое идеологическое давление (переписывание истории, стигматизация идентичности, медийная русофобия, акцентуация бытовых проблем), так и через более тонкие механизмы - иронизацию, мемемизацию, вовлечение в совместную деятельность, навязывание чувства вины за историческое прошлое, апелляции к «цивилизационному превосходству Запада» и др. Их цель - разрушение когнитивного и эмоционального доверия к собственной социокультурной и политической модели, создание социально-психологической атмосферы недоверия, неопределённости, тревожности и отчуждения, что может привести к снижению уровня гражданской солидарности, подрыву национальной субъектности и утрате стратегического единства российского общества.

Когнитивно-ментальные интервенции - не теоретическая угроза, а реальный фронт противоборства в современном мире. Их глубокое понимание, изучение механизмов и целей позволит выстроить эффективную систему противодействия и сохранить культурно-историческую целостность России.

## Список источников

1. Андропова Н.Э. (2024), Когнитивная война коллективного Запада с государствами Центральной Азии: через призму конфронтации с Россией [Cognitive War of the Collective West with the Countries of Central Asia: Through the Prism of Confrontation with Russia]. М.: Издательско-торговая корпорация Дашков и К, 2024. 374 с.
2. Артамонов Д.С. (2020), Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества [Media Memory in the Communication Space of Digital Society]: диссертация ... доктора философских наук. Саратов, 2023. 356 с.
3. Бальбек Р.И., Комлева В.В. (2020), Политическая стабильность: Республика Крым [Political Stability: Republic of Crimea]: монография. М.: ФЛИНТА. 208 с.
4. Бартош А.А. (2023), Когнитивная война как третье операционное измерение современных военных конфликтов [Cognitive War as the Third Operational Dimension of Modern Military Conflicts]. Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии. Том 4. 2-е издание. Москва: Изд-во НИЦ «Национальная безопасность». С. 102-113.
5. Биндас Д.В. (2023), Философская парадигма информационной войны и обеспечения медиабезопасности [Philosophical Paradigm of Information Warfare and Media Security Provision]: диссертация ... кандидата философских наук. М. 186 с.
6. Головченко А.В., Казакова Н.В. (2024), Когнитивная война Запада и России в условиях СВО [Cognitive War of the West and Russia in the Context of the SMO]. Молодежная политическая наука в Саратове: Ежегодный сборник научных статей по проблемам политической теории и практики студентов, магистрантов и аспирантов

- саратовских вузов. Саратов: Издательство «Саратовский источник». С. 51-55.
7. Джура Г.С. (2023), Когнитивная война. Аспекты информационно-психологического противодействия [Cognitive War. Aspects of Information and Psychological Counteraction]. Пермь: Типография ООО «Ризо-Эксперт», 56 с.
  8. Зарипов Р.И. (2025), Коммуникативная матрица информационно-психологического воздействия [Communicative Matrix of Information and Psychological Impact]: диссертация ... доктора филологических наук. Москва. 685 с.
  9. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. (2024), Когнитивные войны в контексте стратегических коммуникации [Cognitive Wars in the Context of Strategic Communications]. М.: Дипломатическая академия МИД России. 268 с.
  10. Кафтан В.В. (2020), Социогуманитарные технологии современной информационной войны: специфика, тенденции развития и направления оптимизации [Socio-Humanitarian Technologies of Modern Information Warfare: Specifics, Development Trends, and Optimization Directions]: диссертация ... кандидата философских наук. 185 с.
  11. Кефели И.Ф. (2023), Глава 8. Технологии обеспечения когнитивной безопасности contra когнитивных рисков и войн [Chapter 8. Technologies for Ensuring Cognitive Security contra Cognitive Risks and Wars]. Модели цифровой опасности в кибернетическом и когнитивном пространствах: Коллективная монография. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет. С. 152-161.
  12. Когнитивные интернет-технологии трансформации социального поведения: риски и профилактика [Cognitive Internet Technologies for Transforming Social Behavior: Risks and Prevention] (2022): Ю. Р. Тагильцева, М. Р. Бабикова, А. С. Ваторопин [и др.]. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. 172 с.
  13. Комлева В.В. (2019), Развитие социального иммунитета как задача внутренней политики и условие обеспечения

- общественно-пошляческой стабильности [Development of Social Immunity as a Task of Domestic Policy and a Condition for Ensuring Socio-Political Stability]. Внутренняя политика: проблемы и технологии управления: (по материалам конференций и семинаров), Москва, 01–30 апреля 2019 года. Выпуск 2. М.: Издательский дом «Научная библиотека». С. 19-30.
14. Курочкин А. В., Емельянов С.В. (2024), Когнитивные войны в условиях цифровой трансформации общества и государства. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК [Cognitive Wars in the Context of Digital Transformation of Society and State. Political Expertise: POLITEX]. СПб.: Изд во СПбГУ. Т. 20. № 2. С. 328–338.
  15. Медушевский А. Н. (2023), Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 1 [Cognitive War: Social Control, Consciousness Management, and Instrument of Global Dominance. Part 1]. Вопросы теоретической экономики. М.: ФГБУН Институт экономики РАН. № 2. С. 85–98.
  16. Медушевский А. Н. (2023), Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 2 [Cognitive War: Social Control, Consciousness Management, and Instrument of Global Dominance. Part 2]. Вопросы теоретической экономики. М.: ФГБУН Институт экономики РАН. № 3. С. 92–107.
  17. Петряков К.С. (2024), Симулякры в массовом сознании как средство информационной войны [Simulacra in Mass Consciousness as a Means of Information Warfare]: автореферат диссертации ... кандидата философских наук. М., 24 с.
  18. Почепцов Г. Г. (2019), Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых коммуникациях [Cognitive Wars in Social Media, Mass Culture, and Mass Communications]. М.: Фолио (изд-во ОМКО). 314 с.
  19. Приходько М.В. (2023), Информационная война как когнитивно-дискурсивный феномен (в контексте репрезентации «торговой войны» в СМИ КНР и США) [Information War as a Cognitive-Discursive Phenomenon (in the Context of Representation of «Trade

- War» in the Media of China and the USA)): диссертация ... кандидата филологических наук. 252 с.
20. Прохоров А.О. (2021), Ментальные репрезентации психических состояний [Mental Representations of Psychic States]. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 186 с.
  21. Сутырин В.В. (2023), Человек в центре геополитического соперничества. Подавление “мягкой силы” в США, Китае и Евросоюзе [Man at the Center of Geopolitical Rivalry. Suppression of “Soft Power” in the USA, China, and the European Union]. М.: МГИМО МИД РФ. 34 с.

## References

1. Andronova, N.E. (2024), Cognitive War of the Collective West with the Countries of Central Asia: Through the Prism of Confrontation with Russia. Moscow: Izdatelsko-torgovaya korporatsiya Dashkov i Ko. 374 p. (In Russian)
2. Artamonov, D.S. (2020), Media Memory in the Communication Space of Digital Society: Doctoral dissertation in Philosophy. Saratov. 356 p. (In Russian)
3. Balbek, R.I., Komleva, V.V. (2020), Political Stability: Republic of Crimea: Monograph. Moscow: FLINTA. 208 p. (In Russian)
4. Bartosh, A.A. (2023), Cognitive War as the Third Operational Dimension of Modern Military Conflicts. Scientific Works of Scholars of Section 1 – Section of General Problems of War, Peace, and Army. Vol. 4. 2nd ed. Moscow: Izd-vo NITs “Natsionalnaya Bezopasnost”. pp. 102-113. (In Russian)
5. Bindas, D.V. (2023), Philosophical Paradigm of Information Warfare and Media Security Provision: Doctoral dissertation in Philosophy. Moscow. 186 p. (In Russian)
6. Golovchenko, A.V., Kazakova, N.V. (2024), Cognitive War of the West and Russia in the Context of the SMO. Youth Political Science in Saratov: Annual Collection of Scientific Articles on Problems of Political Theory and Practice by Students, Master’s Students, and Postgraduates of Saratov Universities. Saratov: Izd-vo: “Saratovskiy Istochnik”. pp. 51-55. (In Russian)

7. Dzhura, G.S. (2023), Cognitive War. Aspects of Information and Psychological Counteraction. Perm: ООО "Rizo-Expert". 56 p. (In Russian)
8. Zaripov, R.I. (2025), Communicative Matrix of Information and Psychological Impact: Doctoral dissertation in Philology. Moscow. 685 p. (In Russian)
9. Karpovich, O.G., Shangaraev, R.N. (2024), Cognitive Wars in the Context of Strategic Communications. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 268 p. (In Russian)
10. Kaftan, V.V. (2020), Socio-Humanitarian Technologies of Modern Information Warfare: Specifics, Development Trends, and Optimization Directions: Doctoral dissertation in Philosophy. 185 pp. (In Russian)
11. Kefeli, I.F. (2023), Chapter 8. Technologies for Ensuring Cognitive Security contra Cognitive Risks and Wars. Models of Digital Danger in Cybernetic and Cognitive Spaces: Collective Monograph. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics. pp. 152-161. (In Russian)
12. Cognitive Internet Technologies for Transforming Social Behavior: Risks and Prevention (2022): Tagiltseva, Y.R., Babikova, M.R., Vatoropin, A.S., et al. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 172 p. (In Russian)
13. Komleva, V.V. (2019), Development of Social Immunity as a Task of Domestic Policy and a Condition for Ensuring Socio-Political Stability. Domestic Policy: Problems and Management Technologies: (Based on Conference and Seminar Materials), Moscow, April 1-30, 2019. Issue 2. Moscow: Izdatelskiy dom "Nauchnaya Biblioteka". pp. 19-30. (In Russian)
14. Kurochkin, A.V., Yemelyanov, S.V. (2024), Cognitive Wars in the Context of Digital Transformation of Society and State. Political Expertise: POLITEX. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. Vol. 20. No. 2. pp. 328–338. (In Russian)
15. Medushevsky, A.N. (2023), Cognitive War: Social Control, Consciousness Management, and Instrument of Global Dominance. Part 1. Issues of Theoretical Economics. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. No. 2. pp. 85–98. (In Russian)

16. Medushevsky, A.N. (2023), Cognitive War: Social Control, Consciousness Management, and Instrument of Global Dominance. Part 2. Issues of Theoretical Economics. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. No. 3. pp. 92–107. (In Russian)
17. Petryakov, K.S. (2024), Simulacra in Mass Consciousness as a Means of Information Warfare: Abstract of the doctoral dissertation in Philosophy. Moscow. 24 p. (In Russian)
18. Pocheptsov, G.G. (2019), Cognitive Wars in Social Media, Mass Culture, and Mass Communications. Moscow: Folio (izd-vo OMIKO). 314 p. (In Russian)
19. Prikhodko, M.V. (2023), Information War as a Cognitive-Discursive Phenomenon (in the Context of Representation of “Trade War” in the Media of China and the USA): Doctoral dissertation in Philology. 252 p. (In Russian)
20. Prokhorov, A.O. (2021), Mental Representations of Psychic States. Moscow: Izd-vo “Institute Psychologii RAN”. 186 p. (In Russian)
21. Sutyryn, V.V. (2023), Man at the Center of Geopolitical Rivalry. Suppression of “Soft Power” in the USA, China, and the European Union. Moscow: MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 34 p. (In Russian)

## Информация об авторе

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций, директор Центра международных стратегических исследований Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация. E-mail: komleva@nicrus.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

## Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

## Информация о статье

Поступила в редакцию: 27.05.2025. Одобрена после рецензирования: 11.06.2025. Принята к публикации: 16.06.2025. Опубликовано: 30.06.2025.

## Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

## About the author

Valentina V. KOMLEVA, DSc (Soc.), professor, Deputy Director for scientific work, National Research Institute for Communication Development, Director of Center for International Strategic Research of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”, Moscow, Russian Federation. E-mail: komleva@nicrus.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

## Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

## Article info

Submitted: 27.05.2025. Approved after peer review: 11.06.2025. Accepted for publication: 16.06.2025. Published: 30.06.2025.

## Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

## ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

Научная статья

Социологические науки

УДК 355.01

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-75-101](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-75-101)



### От философии войны к философии национальной безопасности

Владислав Анатольевич Ксенофонов

Военная академия Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь  
[nksena777@gmail.com](mailto:nksena777@gmail.com)

**Аннотация.** В статье показаны особенности современного мирового развития в контексте военно-политических отношений. Раскрыты особенности геополитического положения Республики Беларусь, а также тенденции развития военно-политической обстановки. Акцентируется внимание на усилении фактора межгосударственного противоборства в международных отношениях. Обеспечение безопасности социальной системы обусловлено ее зависимостью от инструментов и технологий силового (деструктивного) воздействия на нее. Установлено, что война как крайняя форма социального насилия – одна из форм социального бытия. Подчеркивается, что понимание философии войны является отправной точкой для выработки системных мер по обеспечению национальной безопасности. Раскрыты особенности становления и развития философского осмысления войны. Выявлены основные закономерности современного насилия. В условиях нарастания военного насилия определяющая роль в сохранении государства отводится военной сфере национальной безопасности. Определены и рассмотрены основные закономерные тенденции военного насилия. Особое внимание обращено на

специфику гибридной и ментальной войны. Современное состояние социального бытия можно охарактеризовать как мировые отношения. Трансформация философии войны свидетельствует о смене парадигм войны и широком использовании невоенных мер в военном противоборстве для достижения политических целей. Сделан вывод о необходимости сущностного понимания философии современной войны, а также о выделении самостоятельного научного направления – философия национальной безопасности как теоретико-методологической основы деятельности в сфере управления обществом и государством.

*Ключевые слова:* Республика Беларусь, Союзное государство, национальная безопасность, военная сфера национальной безопасности, война, философия войны, гибридная война, ментальная война

*Для цитирования:* Ксенофонтов В.А. От философии войны к философии национальной безопасности. Россия: общество, политика, история. 2025. №2(15). С. 75-101.

## SOCIAL PROCESSES AND PHENOMENA

Original article  
[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-75-101](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-75-101)

Sociological sciences



### From the Philosophy of War to the Philosophy of National Security

Vladislav A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus  
[nksena777@gmail.com](mailto:nksena777@gmail.com)

**Abstract.** The article shows the peculiarities of modern world development in the context of military-political relations. The peculiarities of the geopolitical position of the Republic of Belarus, as well as trends in the development of the military-political situation are revealed. Attention is emphasized on the strengthening of the factor of interstate confrontation in international relations. Ensuring the security of the social system is conditioned by its dependence on the tools and technologies of force (destructive) impact on it. It is established that war as an extreme form of social violence is one of the forms of social existence. It is emphasized that the understanding of the philosophy of war is the starting point for the development of systemic measures to ensure national security. The peculiarities of the formation and development of philosophical understanding of war are revealed. The main regularities of modern violence are revealed. In the conditions of increasing military violence, the military sphere of national security plays a determining role in the preservation of the state. The main regular trends of military violence are defined and considered. Special attention is paid to the specifics of hybrid and mental warfare. The modern state of social existence can be characterized as world-war relations. The transformation of the philosophy of war indicates the change of paradigms of war and the widespread use of non-military

measures in the military confrontation to achieve political goals. The conclusion is made about the need for an essential understanding of the philosophy of modern warfare, as well as the allocation of an independent scientific direction – philosophy of national security as a theoretical and methodological basis of activity in the sphere of society and state management.

**Keywords:** Republic of Belarus, Union State, national security, military sphere of national security, war, philosophy of war, hybrid war, mental war

**For citation:** Ksenofontov, V.A. From the Philosophy of War to the Philosophy of National Security. Russia: Society, Politics, History. 2025. No. 2(15). pp. 75-101.

## Введение

В условиях геополитической турбулентности и нестабильности внешнеполитической обстановки, эскалации военного насилия в мире, усиления угроз национальной безопасности Союзному государству со стороны западной коалиции под руководством США, особое значение приобретает сохранение мирных и безопасных в военном отношении условий развития личности, общества и государства, обеспечиваемое комплексным развитием военной сферы национальной безопасности (далее – ВС НБ). Поскольку *война является одной из форм социального бытия человечества*, то именно ВС НБ, приведенная в соответствие с вызовами и угрозами XXI века, является гарантом сохранения народов Беларуси и России, суверенитета и независимости, целостности и неприкосновенности территории, обеспечивает возможности устойчивого и мирного развития государств.

Республика Беларусь находится в центре Восточно-Европейского региона на междоцивилизационном разломе и на стыке силовых линий набирающей обороты военно-политической напряженности. Любые изменения международной безопасности в регионе напрямую сказываются на состоянии национальной безопасности. В настоящее время нарастают санкционное давление и информационный прессинг со стороны стран Запада, а также происходит усиление военной активности и развертывание на границах Беларуси инфраструктуры и группировок вооруженных сил НАТО.

В анализе военно-политической обстановки генерал-майор В.Н. Куприянюк – заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил подчеркивает: «Управляемый Соединенными Штатами блок НАТО уже фактически готовится к открытому вооруженному противостоянию с Республикой Беларусь и Российской Федерацией. Коллективный Запад постоянно демонстрирует рост интенсивности мероприятий, направленных, по сути, на заблаговременную подготовку к военным действиям» (19, с. 4). Как отмечают военные аналитики: «Стремясь сохранить свою гегемонию, коллективный Запад, не считаясь с интересами других государств, пытается осуществлять контроль за ресурсами всей планеты. Это провоцирует острую конфронтацию в системе международных отношений и способствует разбалансированию существующих механизмов сдерживания и противовесов в военной сфере» (6, с. 187). Военно-политическая обстановка свидетельствует о ведущейся против республики западной коалицией *гибридной войне*.

В статье предпринята попытка проанализировать основные тенденции межгосударственного противоборства в контексте обеспечения национальной безопасности в военном отношении. Такая постановка проблемы обусловлена причинной зависимостью системы национальной безопасности от инструментов силового (невоенного и военного) воздействия на нее.

## Материалы и методы исследования

Исследование основано на методе сопоставительного анализа первоисточников философского и научно-практического свойства, посвященных философии войны и пониманию национальной безопасности. Вспомогательными методологическими подходами можно считать теорию конфликта и теорию политического реализма в международных отношениях.

## Результаты исследования

Важнейшим условием подобного анализа, с точки зрения диалектики, является понимание *философии войны* как отправной точки для выработки системных мер по обеспечению национальной безопасности.

Знание диалектики войны и национальной безопасности будет способствовать рациональному управлению социумом. Постоянная *борьба противоположностей* (войны и безопасности) является спутником социального бытия. К сожалению, как свидетельствует исторический опыт, часто «побеждает» противоположность «война». Поэтому, выявление сущностного содержания военного и других видов насилия является основой для формирования систем безопасности различных уровней как национального, так и союзного. Кроме того, *знание философии современной войны – важнейшее условие для разработки концептуальных документов в системе национальной и военной безопасности и ключевой ориентир практических действий в области военного строительства.*

В сфере военно-философского осмысления насилия и его крайней формы – войны накоплен значительный потенциал, начиная от Античности до наших дней. В целях сдерживания агрессии и защиты страны от военно-силового принуждения (подавления) со стороны противника, ведения военных действий в случае необходимости государство и создает ВС НБ, возлагая на не важнейшую функцию – обеспечение безопасного развития в военном отношении всей социальной системы. Обеспечиваемые ВС НБ условия для развития государства, социума и отдельной личности именуются *военной безопасностью*. Функционирование и развитие ВС НБ во многом определяется именно философией современной войны, которую необходимо познавать (15).

Обратимся к известной работе «Философия войны» А.Е. Снесарева, имеющей «возраст» более ста лет, но содержащей существенный военно-философский потенциал для современности. Автор труда пишет: «... Война цепкими клещами впиалась в государственное начало, властвует над его народной жизнью и укладом, владеет церковью и школой, поглощает огромную долю народного труда...» (28, с. 37). Его анализ точен, что «в основе причин ведения войны ныне остались суженные побуждения и цели народов, а именно экономические» (28, с. 38). Сегодня можно дополнить его позицию, что среди комплекса противоречий, ведущих к войне, явно доминируют геополитические и геоэкономические. Определяя *содержание философии войны*, он выделяет компоненты: «1. существо войны, 2. основные идеи, с этим существом связанные, 3. пути к познанию войны и 4. наука о войне в ее целом и ее классификация» (28, с. 55). *Конечной целью философии*

*войны выступает* «сведение к нравственно-научному синтезу всех понятий о войне и присоединение этого синтеза как слагаемого к сумме других научных обобщений, объединяемых общей философией» (28, с. 55). Таким образом, А.Е. Снесарев настаивает на научно-философском осмыслении войны.

В настоящее время существуют различные концепции и технологии ведения войны, порой не имеющие рациональной философской основы. Это можно пояснить тем, что, во-первых, философия современной войны еще не «вызрела» в комплексный научный труд, а, во-вторых, война – это «путь обмана» (Сунь-Цзы). Кроме того, разработка теории требует существенных интеллектуальных и физических сил. Но мы обязаны ее изучать. Для ясного восприятия любым человеком философии войны А.Е. Снесарев находит понятие «военное мирозерцание» (28, с. 55), а исследуемому предмету он дает определение: *«философия войны есть научно переработанное (или проще обнаученное) военное мирозерцание»* (28, с. 56).

Выстраивая свою аргументацию, он очень четко определяет: «Науку, воплощающую военное мирозерцание в его научно обоснованном содержании, назвать философией войны, так как основной ее задачей является понимание и углубление в существо войны прежде всего, а затем в основные науки и понятия, из существа войны вытекающие» (28, с. 66). Важен его вывод в отношении к *армии*, являющейся институтом духовно-нравственного воспитания, так в ней «всегда заложены начала и государственности, и глубоких нравственных устоев...» (28, с. 205). Владея общим учением о государстве профессора Георга Еллинека, А.Е. Снесарев, анализируя взаимосвязь войны и государства, заключает: «война, и притом оборонительная, является одной из существенных задач государства, основной целью ее существования. Иначе говоря, государство затем и существует, чтобы, между прочим, защищать себя и все с ним связанное от завоеваний» (28, с. 210).

Наш современник – профессор О.А. Бельков в статье «Философия войны: слова и смыслы» отмечает, что объектом философии войны является война. Ее предметом «является война как социальное явление, ее причины, сущность и смысл, свойства и значение в истории человечества и отдельных стран» (5, с. 120). Философия войны имеет свою проблематику и специфику рассмотрения военных проблем, за которые специальные науки не берутся.

Убеждены, что философия войны должна исследоваться с использованием инструментария диалектики как всеобщей логики познания. С учетом особенностей рассмотрения философского содержания войны, О.А. Бельков выделяет тринадцать областей ее исследования: от определения сущности и смысла, свойств и признаков войны как состояния общества до разработки понятийно-категориального аппарата, методологических принципов исследования и типологизации войн (5, с. 120). Обоснованные им элементы создают обобщенный и целостный образ войны как социально-политического явления.

Заслуживает детального осмысления труд академика А.А. Кокошина «Вопросы прикладной теории войны» (12), который выделяет следующие компоненты теории войны: война как продолжение политики; как состояние общества и состояние определенного сегмента системы мировой политики; как столкновение двух (или более) государственно-политических структур (или негосударственных структур, сил); как сфера неопределенного, недостоверного; как задача управления (политическое и военно-стратегическое руководство / управление) войной (12, с. 9).

Анализ указанных и других работ по данной проблематике свидетельствует, что собственно философскому осмыслению современной войны посвящены единичные работы. Философская рефлексия современной войны продолжается. Справедливости ради отметим, что издано существенное число новаторских работ по проблеме войны. Среди белорусских и российских авторов выделяются: А.А. Алаудинов, О.А. Алексеева-Карневали, А.А. Бартош, Н.Е. Бузин, А.И. Владимиров, М.А. Гареев, В.В. Герасимов, В.В. Гулевич, А.Г. Дугин, В.А. Золотарев, Л.Г. Ивашов, А.М. Ильницкий, С.М. Иншаков, И.Н. Караваев, А.А. Кокошин, В.М. Макаров, Л.С. Мальцев, А.В. Манойло, П.Н. Муравейко, О.А. Наумов, И.Н. Панарин, С.Л. Печуров, А.И. Подберезкин, И.В. Понкин, И.М. Попов, С.И. Репко, В.В. Серебрянников, К.В. Сивков, В.И. Слипченко, К.С. Стригунов, С.А. Тюшкевич, М.М. Хамзатов и др. Среди комплексных научных трудов можно выделить труд военных аналитиков И.М. Попова, М.М. Хамзатова «Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли» (2016 г.) (21) и монографию генерал-майора А.И. Владимирова «Основы общей теории войны», изданной в 2-х частях в 2013 г. (7; 8), переизданной в 3-х частях в 2018 г., а также изданный им в 2023 г. двухтомный сборник, представляющий

собой «Краткий курс стратегической грамотности для высшего и среднего руководящего состава России «Сим победиши» (9; 10). Безусловно, работы указанных и других авторов составляют весомый научно-теоретический фундамент осмысления военного насилия и позволяют сформировать понимание существа войны, ее технологий.

По мнению автора, в самом общем виде *философия войны* – это учение (теория), которое научно объясняет наиболее общие связи (отношения), касающиеся зарождения, ведения и завершения войны как социального феномена. Необходимо дальнейшее исследование диалектики войны и мира как состояний социума, войны и государства, войны и общества, войны и человека, а также выхода из войны и послевоенного устройства мира. На основе исследования целесообразно издание комплексного научно-практического труда. Возможно, это может быть труд, подобный работе голландского ученого Гуго Гроция (1583-1645) «О праве войны и мира» (1625 год), или книге швейцарского юриста Эмер де Ваттеля (1714-1767) «Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов» (1758 год), которые по целому ряду положений актуальны и сегодня.

Для нас существенным является *диалектика войны и национальной безопасности*. Напомним указанные категории. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь трактует понятие «национальная безопасность» как «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее ее устойчивое развитие» и определяет девять основных сфер, в которых она должна быть обеспечена<sup>13</sup> (ст. 4). В свою очередь, Военная доктрина Республики Беларусь трактует *войну* как «социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения политических, экономических, идеологических, национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями и социальными группами с применением военной силы (средств вооруженной борьбы) противостоящими сторонами»<sup>14</sup> (ст. 5). Именно

13 Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Военная доктрина Республики Беларусь. Минск: НЦПИ Республики Беларусь. С. 3–63.

14 Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Военная доктрина Республики Беларусь. Минск: НЦПИ Республики Беларусь. С. 64–124.

отношения между указанными социальными феноменами и определяют целесообразную деятельность по защите национальных интересов государства, задают ориентиры военному строительству.

Теоретико-методологические основы национальной безопасности и ее составляющих достаточно основательно отражены не только в научно-методических изданиях, но и реализованы в нормативной правовой базе. В республике разработано фундаментальное научно-практическое издание «Национальная безопасность Республики Беларусь» под редакцией ученых и государственных деятелей М. В. Мясникова и Л. С. Мальцева (20). Изданы и другие труды.

Рассмотрим вторую противоположность, нарушающую реализацию национальных интересов, – *социальное насилие и его крайнюю форму – войну*. Социально-философское осмысление борьбы противоположностей (военное насилие – ВС НБ) позволит определить необходимые мероприятия по обеспечению мирного развития страны.

Состояние глобального социума показывает, что *культура насилия развивается более активно, чем культура мира*. Если принять во внимание, что в текущем столетии в планетарном масштабе не было ни одного дня без военного насилия, то идея «вечного мира» пока выглядит утопично. Очевидно, что насилие порождает насилие и вызывает ответную реакцию. В условиях дальнейшего совершенствования насилия и его форм особенно остро стоит вопрос о защите от деструктивных проявлений в отношении отдельной личности, общества и государства в целом. Иными словами, оборона (защита) от насильственных проявлений и сохранение государства (14) является не только теоретической, но и практической проблемой. Напомним соображения Н.А. Бердяева: «Мы живем в насилиии, поскольку живем в физическом теле. Законы материального мира – законы насилия. Абсолютное отрицание насилия и войны возможно лишь, как явление глубоко индивидуальное, а не как норма и закон» (24, с. 293). Необходимо глубоко разбираться в сущности насилия, различных его проявлениях. Как отмечал В.С. Соловьев: «Организация войны в государстве есть первый великий шаг на пути к осуществлению мира» (24, с. 33).

Понимание закономерных тенденций развития насилия будет способствовать сохранению белорусского и российского социума,

формированию идеологии национальной безопасности, а также военной идеологии как части идеологии Союзного государства. По нашему мнению, *основными закономерностями современного насилия* являются: возрастающая интенсивность насилия по мере развития человеческой цивилизации; использование насилием основных сфер человеческой жизнедеятельности (политической, экономической, социальной, духовной); дальнейшее развитие и увеличение не прямых насильственных действий на личность, общество и государство; перенос тяжести с военного на другие (невоенные) виды насилия (информационное, консциентальное, психологическое, моральное, культурное, образовательное, демографическое и т. п.); «гибридизация» насилия, заключающаяся в комплексном использовании его различных технологий, а также системное воздействие на объект подчинения по наиболее уязвимым и слабо защищенным местам; технологизация и сокрытие от непосредственного восприятия человеком насильственного воздействия (СМИ, реклама, социальные сети, технологии манипулирования и др.); сложность распознавания и выявления, а порой невосприятие скрытого насильственного воздействия; значительная сложность идентификации субъектов насильственных действий; использование различных форм насилия для хаотизации социальных связей в интересах нарушения стабильности социальной системы с последующим ее переформатированием в интересах управляющего субъекта.

По мнению автора, условия современного глобального социального развития характеризуются взаимопереходами от состояния мира к состоянию войны и наоборот. Такие условия требуют опережающего развития *ВС НБ как важнейшего элемента национальной безопасности, обеспечивающей состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних военных угроз, гарантирующей ее устойчивое развитие*. Иными словами, это сфера социальной активности субъектов системы национальной безопасности, обеспечивающих защиту национальных интересов Беларуси от реальных (перспективных) угроз в условиях военно-силового противоборства. Это понятие связано с такими категориями как «военная политика», «военно-политическая деятельность», «оборонная сфера» и др. Именно ВС НБ, являясь частью общества и системы национальной безопасности, представляет собой область жизнедеятельности государства, связанную с военно-социальным насилием. Ее состояние

и перспективы развития имеют особое значение для безопасности государства. В целях рационального развития ВС НБ необходимо видеть в ней результат эволюции войны во всем ее разнообразии, комплексности и объективной противоречивости.

Ключевой вопрос военно-философской мысли – это определение сущностного содержания войны, ее причин, связей с политикой, способов ведения, тенденций развития и избегания войны. Как было отмечено, это обусловлено «борьбой» двух *противоположностей* как состояний общества: *война* и *мир*. Так как, исключить из социального бытия противоречия невозможно, а они часто разрешаются военным насилием, то рациональное поведение социального субъекта заключается в научном осмыслении военного насилия (войны), путей защиты от него как невоенными, так и военными средствами.

Правомерно при анализе войны опираться на теорию К. Клаузевица. Но абсолютизация на протяжении многих десятилетий только политической компоненты войны не рациональна. Без сомнения, в сущности, *война* – это политический акт, направленный на достижение определенной цели. В своем труде он отмечает: «Война – это акт насилия, *имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю* (курсив. – В. К.)» (11, с. 35), – таково одно из определений войны, свидетельствующее о ней как явном психологическом феномене. *Война – это управление противником*. В случае его несговорчивости (неуступчивости) применяется крайний аргумент – военная сила. При появлении и применении новых технологий ведения войны, ее сущность (войны) остается неизменной – это политика, но трансформируется ее форма и содержание. Современная война из *классической* или традиционной парадигмы, в которой сущностными признаками ее (войны) выступают политика и вооруженное насилие, трансформировалась в *неклассическую*, когда военная сила может и не применяться, а политические цели будут достигнуты силовыми невоенными средствами. Речь идет об исследовании невоенных, но силовых средств ведения войны.

Идея управления противником с использованием механизмов дипломатической, политической, финансово-экономической, культурно-мировоззренческой и военной сфер получила развитие в активно используемой западной коалицией против своих конкурентов теории и практике гибридной и ментальной войны (далее – ГВ и МВ). Среди комплекса *закономерных*

*тенденций современного военного насилия выделим три основные: а) широкое использование невоенных мер в военном противоборстве; б) гибридизация или комбинирование военного насилия с использованием различного инструментария силового принуждения и подавления; в) усиление ментальной составляющей воздействия на противника.*

Полагаем, что в настоящее время мир как состояние общества в «чистом» виде уже не существует и становится, как и война «гибридным», поэтому состояние социального бытия корректно характеризовать как «мировые отношения» (17). *Сегодня война – это расширенное противоборство, которое может осуществляться «без выстрелов».* Если отсутствует прямая военная агрессия, то это не означает, что геополитический противник отказался от своих целей и не ведет системное деструктивное воздействие на избранную страну-жертву. Иными словами, в противоборстве изменились средства (инструмент) насилия на объект воздействия (страна-жертва). Сегодня активно ведется война идентичностей, а также цивилизационное насилие.

Применение в военно-политической практике западными стратегами ГВ и МВ как способа управления противником обусловлено следующими факторами: *экономическими* (менее затратные в сравнении с непосредственным применением военной силы); *международно-правовыми* (сложность идентификации агрессора и невозможность привлечения его к ответственности); *международно-политическими* (уход непосредственного агрессора «в тень» с сохранением своего международного имиджа, но включением в насилие других «игроков» и реализацию прокси-войны); *демографическими и внутривнутриполитическими* (сохранение своих военнослужащих и населения страны, сохранение политической поддержки власти собственным обществом); *духовно-интеллектуальными и военно-научными* (выработка и апробация новых теоретических концепций в управлении, снижении потенциала противника, его подчинении и «обезглавливании»); *психологическими и эгоистическими интересами* (уверенность в невозможности противника поменять статусные роли в управлении (доминировании), а также в нерегулируемом использовании его природных и материальных ресурсов) и др.

Война – это интеллектуальное противоборство, где одна из двух противоположностей стремится силой разума переиграть и овладеть другой. Поэтому, важнейшее измерение современного военного

насилия – это не только и не столько мощная военная сила, а многоходовая высокоинтеллектуальная операция по демонтажу (хаотизации) противоположной стороны и ее подчинению своей воле с использованием широкого комплекса средств (невоенных и военных). Задача военно-силового противоборства решается так: кто кого из двух противоположностей передумает и переиграет, а точнее подчинит (ликвидирует). Важный вывод в том, что кроме ВС НБ как определяющей возможности государства в межгосударственном противоборстве, к противостоянию современному насилию должна быть готова вся социальная система как теоретически, так и практически. Необходимо постоянно анализировать состояние гражданско-военных отношений и укреплять триаду власть-армия-народ.

Акцент в недопущении войны должен быть сделан на аналитику и интеллект, систему стратегического сдерживания агрессивных намерений потенциального противника. Данный тезис не отменяет наличия необходимой, современной и достаточной военной силы для своевременного реагирования на агрессию, а подчеркивает ее значение в случае необходимости нанесения неприемлемого ущерба агрессору для отказа его от агрессии. Стоит еще раз обратиться к наследию А.Е. Снесарева, который выработал шкалу оценки деятельности государства по отстаиванию национальных интересов: «простая победа в войне – лишь 3 (тройка); успех политики в войне – 4 (четверка); успех при избегании войны – 5 (пятерка); поражение в войне – 2 (двойка); утрата независимости, крах государства – 1 (единица)» (6, с. 149). Речь идет о функционировании системы стратегического сдерживания противника.

В современном военном насилии радикально возрастает роль науки и системы образования, являющихся в государстве важнейшим ресурсом для обеспечения функционирования ВС НБ, а для противника – мишенью в МВ. Безусловно, нет ничего более практичного, чем разработанная теория современной войны, освещающая путь военно-политической практике. Обратим внимание, что среди комплекса научных разработок отсутствуют эталонные теории ГВ и МВ. Рассмотрим последовательно их основные аспекты.

Так, в монографии Л.Б. Свет дает определение ГВ как «война затяжного характера, которая ведется на едином театре военных действий, единовременно состоящим из различных сред и сфер, силами как регулярных

армий, так и нерегулярных формирований, а также государственных, негосударственных и надгосударственных участников, подчиненная определенной единой цели, для достижения которой проводятся разнообразные по содержанию и форме тактические и стратегические военные операции и используются различные доступные участникам военных действий знания, техника и технологии» (25, с. 34).

Известный военный теоретик А.А. Бартош отмечает, что в ГВ «наряду с дозированным использованием средств и способов вооруженной борьбы, составляющих специфическое содержание любой войны, по единому замыслу и плану применяются экономические, дипломатические, научно-технические, информационные, идеологические, психологические средства и методы насилия и навязывания противнику своей воли, укрепления собственных позиций и ослабления военных возможностей противника» (4, с. 52). Указанный автор разработал теорию ГВ, сформулировав законы и принципы ее ведения (2; 3). Понимание законов и принципов ГВ, ведущейся как против Беларуси, так и против России (Союзного государства), позволит ВС НБ рационально выстраивать систему защиты от гибридных угроз.

Бартош А.А. выделяет девять законов ГВ: 1. Использование продажных местных элит в качестве важного инструмента ослабления и развала государства. 2. Формирования «серой зоны» как театра ГВ. 3. Отрицания факта ведения ГВ. 4. Многосферного сдерживания. 5. Скрытности применения против противника комплекса гибридных угроз. 6. Всеобъемлющего охвата территории государства при проведении операций ГВ, включая космическое и киберпространство. 7. Опережающего отражения при разработке стратегии ГВ, основанного на перспективном видении развития военного конфликта. 8. Приоритетности операций по оказанию когнитивного разрушительного воздействия на сознание и психику людей с целью манипуляции сознанием и ускорения развала государства. 9. Специфичности развития военной техносферы гибридного военного конфликта (4, с. 26).

Эти законы отражают специфику феномена ГВ, «стратегия которой строится на способности противника синхронизировать по месту, времени, видам и интенсивности использование рукотворных гибридных угроз против уязвимостей государства-жертвы на всей его территории» (3, с. 11). Знание и применение законов и принципов ГВ в военно-политической деятельности «могут послужить важными “опорными точками” при разработке вопросов

теории и практики “высшей стратегии”» (3, с. 14), призванной обеспечить мирное развитие государства. ГВ приобрела глобальный размах. Указанным экспертом разработаны основы теории *мировой гибридной войны (МГВ)*, под которой понимается «многомерный межцивилизационный военный конфликт, в ходе которого стороны прибегают к целенаправленному адаптивному применению как военно-силовых, так и несиловых форм и способов противоборства, включая экономическое удушение противника, развязывание войн чужими руками, использование подрывных информационно-психологических и кибертехнологий» (4, с. 56). Как отмечается в монографии «Мировая гибридная война» в узком понимании смысл войны, ведущейся США и их союзниками против России заключается «в ликвидации российской государственности, фрагментации страны и переводе ее частей под внешнее управление» (4, с. 56).

Оригинальный подход демонстрируется в исследовании ученого и военачальника генерал-майора А.А. Алаудинова, осуществившего научный анализ методологических оснований современных ГВ, их форм, методов и технологий (1).

На наш взгляд, очень точно границу понимания различий между традиционной войной и ГВ проводят ученые К.В. Сивков, К.Н. Соколов. Они отмечают: «Традиционная и гибридная война качественно различаются своей сущностью. Традиционная построена на идее сокрушения своими регулярными вооруженными силами войск и сил противника с последующим его принуждением к миру на условиях победителя или к капитуляции со сменой системы власти в побежденной стране, частичной или полной оккупации ее территории. В основу гибридной войны положена иная идея. Ее суть заключается в том, чтобы заранее создать на территории противника свою «армию», построенную на сетевом принципе, и затем с ее использованием напрямую, без предварительного разгрома вооруженных сил, сокрушить действующий режим, взять под контроль власть в стране» (26, с. 16). Авторы справедливо выделяют три основных пути достижения цели ГВ: «разрушения информационно-духовной сферы, экономики и сферы безопасности» (26, с. 25).

Особое место в гибридном насилии отводится духовно-мировоззренческой сфере. Для оккупации ментального пространства противника и подчинения его своей воле применяется совокупность методов, основными из

которых являются: войны на дегуманизацию, дебилизацию, духовную дезориентацию, космополитизацию, а также ментальные войны и войны на устрашение (26, с. 29), содержание которых детально обоснованы указанными экспертами в монографии.

По нашему мнению, ГВ диалектически связана с ментальным насилием. При этом ментальное насилие, а точнее МВ может выполнять и самостоятельную роль, решая геополитические задачи. Авторская позиция заключается в том, что *ментальная война – это высокоинтеллектуальный философско-мировоззренческий конфликт, в котором сознание индивида или социального образования является предметом замены или духовной оккупации*. Другими словами, МВ – это форма неклассической войны, в которой главной «мишенью» является цивилизационная, духовно-мировоззренческая составляющая страны-жертвы. МВ имеет собственную систему законов, отличных от классической войны, еще не до конца исследованных (16). Акцентируем внимание, что закон определяющей роли геополитических целей страны-агрессора и закон определяющей роли соотношения ментальных сил противоборствующих сторон решающим образом влияют на главные показатели МВ. Иными словами, МВ – это сложная и высокоинтеллектуальная технология воздействия на сознание личности и социума противостоящей стороны, меняющая их знания (обыденные и теоретические), убеждения и идентичность.

Эта технология социального управления является междисциплинарной, использует методологический инструментарий различных отраслей знания: философии, социологии, психологии, педагогики, истории, культурологии, теории национальной безопасности, военной науки и др. Такая комплексность позволила нам контурно определить основные направления ведения МВ, причем в каждом из них информация (знание) и выступает основным инструментом воздействия (насилия) на человека и социальные общности:

*цивилизационное*, в котором основным предметом оперирования (разрушения и смены) являются духовно-нравственные и религиозные ценности, являющиеся базисом духовной культуры той или иной социальной общности людей;

*философско-методологическое*, меняющее философские доктрины и предполагающее смену философско-мировоззренческого ядра как

руководства к теоретическому и практическому социальному действию, а также установок и ценностных ориентиров личности, формирующих своеобразие того или иного социума;

*научное*, направленное на искажение научных знаний и замену их псевдонаучными теориями и различными «верованиями»;

*геополитическое, политическое и идеологическое*, внедряющее иные политические и идеологические традиции, нормы, принципы, базирующееся на интересах стран – геополитических лидеров и их диктате, направленное на деструкцию социально-политического устройства стороны, избранной в качестве жертвы агрессии;

*экономическое*, имеющее целью снижение экономического потенциала противной стороны и включение ее в зону своих интересов (своеобразное паразитирование);

*технологическое и техническое*, направленное на неоспоримое лидерство страны-агрессора в данных направлениях и установление явной зависимости страны-жертвы в технике и технологиях;

*образовательное*, предполагающее комплексное воздействие на систему образования страны-жертвы в интересах резкого снижения ее интеллектуального потенциала до критической черты (меры), способствующей социальному скатыванию на обочину истории;

*историческое*, обеспечивающее смену истории и поражающее историческое сознание человека, социума в целях разрушения цивилизационных основ государства-жертвы;

*культурное*, нацеленное на всю систему культурного потенциала государства-жертвы для разрушения его культуры как духовной основы нации и навязывании ему иного культурного кода.

Каждое из направлений является как инструментом воздействия (оружием) в рамках сложной системы ментальной агрессии, так и своеобразным театром (сферой) МВ. Указанные направления «работают» в общей системе МВ. Приоритетность выбора «мер воздействия» на противника зависит от международной и военно-политической обстановки, целей МВ, а также ментального потенциала государства-агрессора.

Еще раз акцентируем внимание, что ГВ содержит в своем содержании ментальную компоненту. В директивных документах США и НАТО она именуется как *когнитивная*. Как отмечают авторы монографии «Пролегомены

когнитивной безопасности», в основу стратегии ГВ «положены философские принципы: истина есть не достоверное знание о действительности, а заключается в полезности и оправданности реализуемых целей (в духе американского прагматизма); «западные ценности» превагируют над ценностями других цивилизаций и не подвергаются какой-либо критике; мировоззренческий дискурс, нацеленный на предпочтение информационно-психологических и когнитивных методов борьбы с противником, нежели физических» (22, с. 322).

Только высокоинтеллектуальный, нравственно здоровый социум способен адекватно противостоять различным ментально-политическим вирусам (когнитивному насилию) и операциям МВ, а значит, системно обеспечить в ментальном отношении национальную безопасность. В целях обеспечения ментальной безопасности государства важно комплексно применять необходимые силы и средства для успешного ведения МВ.

Важным элементом функционирования ВС НБ является прогнозирование перспективных моделей военных конфликтов. Обратим внимание на *модель военного конфликта будущего*, состоящего из восьми этапов, которую разработал военный ученый А. В. Смоловый (27). Разделяем его вывод, что военный конфликт будущего «будет представлять собой комбинацию с использованием силы оружия или без него (в разноплановом сочетании одного с другим) с единственной целью – заставить противника подчиниться той стороне, которая считает себя сильной» (27, с. 86). Таким образом, мы получаем еще один тип военного конфликта и новый термин «*комбинационная война*», а проблемное поле войны множится.

Обратим внимание, что кроме понимания смены парадигмы военного конфликта, важнейшее условие обеспечения военной безопасности государства – это непрерывное прогнозирование возможностей его эскалации и развязывания как элемент управленческой культуры (13). Государственные и военные деятели России разработали современную «лестницу эскалации», включающую 17 ступеней: от обострения обстановки до войны с массированным применением ядерного оружия и других видов ОМП (13, с. 60–65). Ее понимание политическими и военными управленцами позволяет не допустить развития ситуации, ведущей к потере управляемости конфликтом.

## Выводы

Анализ современного межгосударственного противоборства и рассмотренных в статье актуальных направлений свидетельствует о трансформации философии войны, о явной тенденции *широкого использования невоенных мер в военном противоборстве для достижения политических целей войны*. Противостоять таким средствам насилия можно лишь с помощью невоенных средств с более высокими количественно-качественными показателями, способными «переиграть» противоположную сторону. Это касается не только наличия эффективной военной силы, а, в первую очередь, качества человеческого потенциала как военной организации государства, так и гражданского общества. Проблема использования невоенных мер в интересах нейтрализации военных угроз приобретает приоритетное значение. Исследования показывают, что среди значимых мер нейтрализации угроз военной безопасности выделяются *информационные* и *политические*, затем расположены дипломатические и экономические. Далее следуют социальные и правовые, имеющие примерно одинаковую эффективность для нейтрализации угроз военной безопасности (23, с. 11).

Незавершенность философской теории современной войны отражается на обеспечении национальной безопасности. Полагаем, что назрела необходимость не только овладения философией современной войны, но и выделения отдельного научного направления *философия национальной безопасности* как теоретико-методологической основы деятельности в сфере управления обществом и государством. Проблемами философии войны, национальной безопасности стоит заниматься комплексно. Особое внимание важно уделить системе подготовки кадров, в компетенцию которых входит управление общественными и государственными делами. Понимание философии войны, законов ее развития и ведения будет способствовать принятию рациональных управленческих решений по совершенствованию ВС НБ, а также по сохранению отдельной личности, общества и государства (18).

ВС НБ как социальное образование подвержена воздействию деструктивных проявлений военно-силового характера. В интересах недопущения ее дестабилизации и потери управляемости все ее

компоненты должны иметь разработанные алгоритмы (модели) поведения в случае силовых (невоенных и военных) действий. Они могут быть разработаны для различных вариантов: оптимистичный, реалистичный и пессимистичный. Такая аналитическая работа должна быть выполнена заблаговременно, в условиях мирного развития общества. Подчеркнем, что тенденции развития современных международных отношений и их военно-политической составляющей показывают, что ВС НБ выступает приоритетным направлением функционирования общей системы национальной безопасности.

### Список источников

1. Алаудинов А.А. (2024), Современные гибридные войны: формы, методы, технологии (на материалах специальной военной операции на Украине) [Modern hybrid warfare: forms, methods, technologies (on the materials of the special military operation in Ukraine)]. М. : Горячая линия – Телеком.
2. Бартош А.А. (2022), Вопросы теории гибридной войны [Questions of hybrid war theory]. М. : Горячая линия – Телеком.
3. Бартош А.А. (2022), Законы и принципы гибридной войны [Laws and principles of hybrid warfare]. Военная мысль. № 10. С. 6–14.
4. Бартош А.А. (2023), Мировая гибридная война [World hybrid war]. М. : Горячая линия – Телеком.
5. Бельков О.А. (2019), Философия войны: слова и смыслы [Philosophy of war: words and meanings]. Власть. № 2. С. 119–127.
6. Бузин Н.Е., Муравейко П.Н., Тумар В.А. (2025), Военная доктрина – вершина науки и практики [Military doctrine – the pinnacle of science and practice]. Минск : ИВЦ Минфина.
7. Владимиров А.И. (2013), Основы общей теории войны. Ч. I : Основы теории войны. [Fundamentals of the general theory of war. Part I: Fundamentals of the Theory of War]: моногр. : в 2 ч. М. : Моск. фин.-пром. ун-т «Синергия».
8. Владимиров А.И. (2013), Основы общей теории войны. Ч. II: Теория национальной стратегии: основы теории, практики и искусства управления государством [Fundamentals of the general theory of war.

- Part II: Theory of National Strategy: Fundamentals of Theory, Practice, and the Art of State Governance]: моногр. в 2 ч. М.: Моск. фин.-пром. ун-т «Синергия».
9. Владимиров А.И. (2023), Сим победиши. Краткий курс стратегической грамотности для высшего и среднего руководящего состава России. Ч I. Основы курса в постулатах Общей теории войны [Sim pobedishi. A Brief Course in Strategic Literacy for the Higher and Middle Management of Russia. Part I. Fundamentals of the Course in the Postulates of the General Theory of War]. М. : Ун-т «Синергия»: Синергия Стор.
  10. Владимиров А.И. (2023), Сим победиши. Краткий курс стратегической грамотности для высшего и среднего руководящего состава России. Ч II. Стратегическая публицистика [Sim pobedishi. A Brief Course in Strategic Literacy for the Higher and Middle Management of Russia. Part II. Strategic Publicism]. М. : Ун-т «Синергия» : Синергия Стор.
  11. Клаузевиц К. (1991), О войне [About the war]. М. : ИК «Логос: Междунар. академ. издат. компания «Наука».
  12. Кокошин А.А. (2018), Вопросы прикладной теории войны [Questions of the applied theory of war]. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики.
  13. Кокошин А.А. [и др.] (2021), Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн [Issues of escalation and de-escalation of crisis situations, armed conflicts and wars]. М. : ЛЕНАНД.
  14. Ксенофонтов В.А. (2019), Сохранение и развитие государства как приоритет безопасности [Preservation and development of the state as a security priority]. Гуманитарные проблемы военного дела. № 2 (19). С. 59–63.
  15. Ксенофонтов В.А. (2020), Трансформация философии войны [Transformation of the philosophy of war]. Научная мысль. № 1. С. 36–46.
  16. Ксенофонтов В.А. (2022), Ментальная война и национальная безопасность [Mental warfare and national security]. Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гумантар. наук. Т. 67. № 4. С. 351–364.
  17. Ксенофонтов В.А. (2024), Мировые отношения как фактор социального бытия [Peace-military relations as a factor of social

- existence]. Науч. тр. РИВШ. Философско-гуманитар. науки: сб. науч. ст. Вып. 23. Пред. редкол. В.А. Гайсенюк. Минск : РИВШ. С. 57–66.
18. Ксенофонтов В.А. (2024), Военная сфера национальной безопасности [Military sphere of national security]: моногр. Минск : ВА РБ.
  19. Куприянюк В.Н. (2024), Деятельность НАТО как главный источник военных угроз Союзному государству [NATO activities as the main source of military threats to the Union State]. Белорус. воен. газета. Во славу Родины. 5 нояб. С. 4–5.
  20. Национальная безопасность Республики Беларусь (2011), [National Security of the Republic of Belarus]. С.В. Зась [и др.]; под ред. М.В. Мясниковича, Л.С. Мальцева. Минск : Бел. навука.
  21. Попов И.М., Хамзатов М.М. (2016), Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли [War of the future: conceptual foundations and practical conclusions. Essays on strategic thought]. М. : Кучково поле.
  22. Прологомены когнитивной безопасности. [Prolegomena of cognitive security] (2023), Коллективная моногр. Под ред. И.Ф. Кефели. Спб. : ИД «Петрополис».
  23. Прудников Л.А., Кузьменко А.В. (2023), Применение невоенных мер в интересах обеспечения военной безопасности России [Application of non-military measures in the interests of ensuring military security of Russia]. Военная мысль. № 1. С. 6–18.
  24. Русские философы о войне: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн [Russian philosophers about war: F.M. Dostoevsky, V.M. Solovyov, N.A. Berdyayev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubetskoy, S.L. Frank, V.F. Ern] (2005). М. : Кучково поле.
  25. Свет Л.Б. (2024), Гибридная война за Мир. Где пройдет ее «Курская битва» [Hybrid war for peace. Where its “Kursk battle” will take place]. М.: Горячая линия – Телеком.
  26. Сивков К.В., Соколов К.Н. (2023), Гибридная война [Hybrid war]. М. : Наше завтра.
  27. Смоловый А.В. (2022), Военные конфликты будущего [Military conflicts of the future]. Вестник АВН. № 3 (80). С. 80–87.

28. Снесарев А.Е. (2013), Философия войны [Philosophy of war]. М. : Ломоносовъ.

## References

1. Alaudinov, A.A. (2024), Modern Hybrid Warfare: Forms, Methods, Technologies (Based on the Materials of the Special Military Operation in Ukraine). Moscow: Goryachaya Linia – Telecom. (In Russian)
2. Bartosh, A.A. (2022), Questions of Hybrid War Theory. Moscow: Goryachaya Linia – Telecom. (In Russian)
3. Bartosh, A.A. (2022), “Laws and Principles of Hybrid Warfare.” Military Thought, No. 10, pp. 6–14. (In Russian)
4. Bartosh, A.A. (2023), World Hybrid War. Moscow: Goryachaya Linia – Telecom. (In Russian)
5. Belkov, O.A. (2019), Philosophy of War: Words and Meanings. Vlast. No. 2. pp. 119–127. (In Russian)
6. Buzin, N.E., Muraveiko, P.N., Tumar, V.A. (2025), Military Doctrine – The Pinnacle of Science and Practice. Minsk: IVC Minfina. (In Russian)
7. Vladimirov, A.I. (2013), Fundamentals of the General Theory of War. Part I: Fundamentals of the Theory of War: Monograph: in 2 parts. Moscow: Moscow Financial and Industrial University “Synergy”. (In Russian)
8. Vladimirov, A.I. (2013), Fundamentals of the General Theory of War. Part II: Theory of National Strategy: Fundamentals of Theory, Practice, and the Art of State Governance: Monograph: in 2 parts. Moscow: Moscow Financial and Industrial University “Synergy”. (In Russian)
9. Vladimirov, A.I. (2023), Sim Pobedishi. A Brief Course in Strategic Literacy for the Higher and Middle Management of Russia. Part I. Fundamentals of the Course in the Postulates of the General Theory of War. Moscow: University “Synergy”: Synergy Store. (In Russian)
10. Vladimirov, A.I. (2023), Sim Pobedishi. A Brief Course in Strategic Literacy for the Higher and Middle Management of Russia. Part II. Strategic Publicism. Moscow: University “Synergy”: Synergy Store. (In Russian)
11. Clausewitz, C. (1991), On War. Moscow: IK “Logos”: International Academic Publishing Company “Nauka”. (In Russian)

12. Kokoshin, A.A. (2018), Questions of the Applied Theory of War. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian)
13. Kokoshin, A.A. [et al.] (2021), Issues of Escalation and De-escalation of Crisis Situations, Armed Conflicts, and Wars. Moscow: LENAND. (In Russian)
14. Ksenofontov, V.A. (2019), Preservation and Development of the State as a Security Priority. Humanitarian Problems of Military Affairs. No. 2 (19). pp. 59–63. (In Russian)
15. Ksenofontov, V.A. (2020), Transformation of the Philosophy of War. Scientific Thought. No. 1. pp. 36–46. (In Russian)
16. Ksenofontov, V.A. (2022), Mental Warfare and National Security. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Series of Humanities. V. 67. No. 4. pp. 351–364. (In Russian)
17. Ksenofontov, V.A. (2024), Peace-Military Relations as a Factor of Social Existence. Scientific Works of the Institute of Retraining and Advanced Training. Philosophical and Humanitarian Sciences: Collection of Scientific Articles. Issue 23. ed. by V.A. Gaisenok. Minsk: Institute of Retraining and Advanced Training. pp. 57–66. (In Russian)
18. Ksenofontov, V.A. (2024), Military Sphere of National Security: Monograph. Minsk: VA RB. (In Russian)
19. Kupryanyuk, V.N. (2024), NATO Activities as the Main Source of Military Threats to the Union State. Belarusian Military Newspaper. For the Glory of the Motherland, November 5. pp. 4–5. (In Russian)
20. National Security of the Republic of Belarus (2011), edited by S.V. Zas, M.V. Myasnikovich, L.S. Maltsev. Minsk: Belaruskaya Navuka. (In Russian)
21. Popov, I.M., Khamzatov, M.M. (2016), War of the Future: Conceptual Foundations and Practical Conclusions. Essays on Strategic Thought. Moscow: Kuchkovo Pole. (In Russian)
22. Prolegomena of Cognitive Security (2023), Collective Monograph, ed. by I.F. Kefeli. St. Petersburg: ID “Petropolis”. (In Russian)
23. Prudnikov, L.A., Kuzmenko, A.V. (2023), Application of Non-Military Measures in the Interests of Ensuring Military Security of Russia. Military Thought. No. 1. pp. 6–18. (In Russian)
24. Russian Philosophers about War: F.M. Dostoevsky, V.M. Solovyov, N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubetskoy, S.L. Frank, V.F. Ern (2005). Moscow: Kuchkovo Pole. (In Russian)

25. Svet, L.B. (2024), Hybrid War for Peace. Where Its "Kursk Battle" Will Take Place. Moscow: Goryachaya Linia – Telecom. (In Russian)
26. Sivkov, K.V., Sokolov, K.N. (2023), Hybrid War. Moscow: Nashe Zavtra. (In Russian)
27. Smolovyi, A.V. (2022), Military Conflicts of the Future. Bulletin of the Academy of Military Sciences. No. 3 (80). pp. 80–87. (In Russian)
28. Snesarev, A.E. (2013), Philosophy of War. Moscow: Lomonosov. (In Russian)

## Информация об авторе

КСЕНОФОНТОВ Владислав Анатольевич, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук Военной академии Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь. E-mail: nksena777@gmail.com. SPIN-код: 3200-8698. Author ID: 1179883.

## Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

## Информация о статье

Поступила в редакцию: 11.04.2025. Одобрена после рецензирования: 14.06.2025. Принята к публикации: 16.06.2025. Опубликовано: 30.06.2025.

## Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

## About the author

Vladislav A. KSENOFONTOV, DSc (Philos.), Associate Professor, Professor of the Department of Ideological Work and Social Sciences of the Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus. E-mail: nksena777@gmail.com. SPIN: 3200-8698, Author ID: 1179883.

## Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

## Article info

Submitted: 11.04.2025. Approved after peer review: 14.06.2025. Accepted for publication: 16.06.2025. Published: 30.06.2025.

## Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

## ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

Научная статья

Социологические науки

УДК 94(73).092

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-102-121](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-102-121)



### Управляемая миграция как потенциальная составляющая «гибридных» конфликтов

Олег Васильевич Тиханычев

Группа компаний «Т1», Москва, Российская Федерация

Кандидат технических наук, профессор Академии военных наук

[to.tehnoserv@gmail.com](mailto:to.tehnoserv@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0003-4759-2931>

***Аннотация.*** Объектом исследования является «гибридное противоборство», предмет исследования – управляемая миграция, как возможная составляющая часть «гибридных» войн. В статье проанализированы объём и динамика миграционных процессов в современном мире и, в сравнении с основными составляющими «гибридных» действий, на основе комплексного анализа, сделан вывод о том, что данные процессы потенциально могут являться составляющими «гибридного» противоборства. В статье с использованием методов исторического анализа и обобщения сделаны выводы о том, как управляемая миграция может вписываться в составляющие «гибридного» противоборства: информационную, экономическую, организационную и военную. На основании данного анализа сделан вывод, что потенциально использование управляемой миграции может быть достаточно эффективно, а особенности этого процесса позволяют логично вписаться во все аспекты «гибридной» войны. На основе анализа статистики сделан вывод о том, что управляемая миграция, в случае её использования как составляющей «гибридного» противоборства,

имеет ряд особенностей, затрудняющих купирование последствий её применения. Сформулированы такие особенности управляемой миграции как легальность используемых методов, скрытность, нацеленность на перспективу, способность к саморазвитию ситуации, использование современных технологий для реализации управления и поддержания процесса. С учётом этих особенностей синтезирован обобщённый алгоритм возможного противодействия, основанный на типовом цикле управления военными действиями.

Новизна исследования заключается в том, что автором в рамках статьи впервые сформулирована постановка задачи по решению проблемы противодействия управляемой миграции, сделан вывод о необходимости обеспечить разработку методик противодействия данной проблеме, предложены в общем виде варианты её решения

*Ключевые слова:* «гибридный» конфликт, история «гибридных» конфликтов, компоненты «гибридных» действий, управляемая миграция, противодействие миграции

*Для цитирования:* Тиханычев О.В. Управляемая миграция как потенциальная составляющая «гибридных» конфликтов. Россия: общество, политика, история. 2025. №2(15). С. 102-121.

## SOCIAL PROCESSES AND PHENOMENA

Original article

Sociological sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-102-121](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-102-121)



### Managed Migration as a Potential Component of “Hybrid” Conflicts

Oleg V. Tikhanychev

“T1” Group of companies, Moscow, Russian Federation

[to.tehnoserv@gmail.com](mailto:to.tehnoserv@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0003-4759-2931>

**Abstract.** The object of the study is “hybrid warfare”, the subject of the study is controlled migration as a possible component of “hybrid” wars. The article analyzes the volume and dynamics of migration processes in the modern world and, in comparison with the main components of “hybrid” actions, based on a comprehensive analysis, it is concluded that these processes can potentially be components of a “hybrid” confrontation. Using the methods of analysis and generalization, the article draws conclusions about how managed migration can fit into the components of a “hybrid” confrontation.: informational, economic, organizational, and military. Based on this analysis, it is concluded that the potential use of managed migration can be quite effective, and the features of this process make it possible to logically fit into all aspects of the “hybrid” war. The article uses the following research methods: analysis of the content of historical and regulatory documents contained in the public domain, synthesis of conclusions and proposals on possible manifestations and counteraction to managed migration as an integral part of the “hybrid” confrontation. Based on the analysis of statistics, it is concluded that controlled migration, if used as a component of a “hybrid” confrontation, has a number of features that make it difficult to mitigate the consequences of its use. Such features of managed migration as the legality of the methods

used, secrecy, focus on the future, the ability to self-develop the situation, the use of modern technologies to implement management and maintain the process are formulated. Taking into account these features, a generalized algorithm of possible counteraction based on a typical cycle of military operations management has been synthesized.

The novelty of the research lies in the fact that the author, within the framework of the article, formulated for the first time the task of solving the problem of countering managed migration, concluded that it was necessary to develop methods to counter this problem, and proposed general solutions

**Keywords:** “hybrid” conflict, history of “hybrid” conflicts, components of “hybrid” actions, managed migration, counteraction to migration

**For citation:** Tikhanychev, O.V. Managed Migration as a Potential Component of “Hybrid” Conflicts. Russia: Society, Politics, History. 2025. No. 2(15). pp. 102-121.

## Введение

Одной из форм межгосударственного противоборства, считающейся историческим развитием прокси-конфликтов (проху war), является «гибридная» война. Несмотря на то, что существующее международное законодательство не рассматривает «гибридные» действия как отдельный способ ведения войны, эта форма активно используется практическими всеми участниками вооруженных конфликтов последнего времени. В то же время, по определению того, что относить к «гибридным» войнам и по структуре данных конфликтов, до настоящего времени ведутся дискуссии.

Считается, что впервые определение «гибридная война» (Hybrid Warfare, HW) было предложено в 2005 году Джеймсом Мэттисом и Френком Хоффманом как определение уже существовавшего, но не обозначенного явления. В настоящее время специалистами используется несколько вариантов определения «гибридного» противоборства (8, с. 5; 16, с. 3; 18; 19, с. 12), содержание которых можно свести к тому, что «гибридная война» – это не прямые действия со скрытым использованием военной силы, сопровождающимся активным информационным и экономическим воздействием на противника (14, с. 5; 15, с. 40).

Анализ сущности определений «гибридной войны», самого содержания «гибридных» действий подтверждает, что они являются логичным продолжением методов ведения прокси-войн. Но с развитием технологий, эти скрытые вооруженные действия были дополнены более интенсивными информационной и экономической борьбой, а также комплексом политических и юридических мер, которые в совокупности можно определить как организационную составляющую «гибридных» конфликтов (13, с. 77).

Но даже после некоторого снижения терминологической неоднозначности, остаются концептуальные неопределённости в применении многих составляющих «гибридных» действий. Одна из таких неопределённостей – потенциально возможное использование миграционных потоков в рамках этой формы противоборства. Нет явного подтверждения, что кратно выросшая в последние два десятилетия во всём мире миграция применяется целенаправленно как форма «гибридного» противоборства, но, теоретически, в случае её использования с такой целью, возникает множество взаимоувязанных факторов и последствий, потенциально влияющих на многие процессы межгосударственного взаимодействия. Доказательство выдвинутой гипотезы о применении управляемой миграции как компонента «гибридных» конфликтов различной интенсивности, является своевременным и актуальным, что определяет актуальность тематики статьи.

## Материалы и методы исследования

В качестве методологической основы исследования был избран системный подход, основанный на использовании принципов историзма. Использование системного подхода, метода сравнительного анализа и методов обобщения, дало возможность рассматривать в комплексе вопросы влияния миграции населения на ведение «гибридных» конфликтов.

Источниковую базу исследования составили исторические и нормативные документы, находящиеся в открытом доступе.

## Результаты исследования

Как отмечено ранее, современные «гибридные» конфликты являются историческим развитием прокси-войн (опосредованных войн), появление

которых отмеряется одними историками (Энтони Бивор, Карл Дойч, Эндрю Мамфорд) от Гражданской войны в Испании 1936-39 годов, а другими (Вильямсон Мюррей, Питер Мансур) – вообще с античных времён.

Анализ структуры и взаимодействия компонентов «гибридного» противоборства начиная с указанных исторических периодов показывает, что основными их компонентами являлись вооруженная борьба, информационное, а впоследствии и экономическое противоборство. В то же время, данная форма противоборства характеризуется непрерывным развитием, и, как показал исторический анализ, одним из возможных вариантов действий при её ведении может быть управление перемещением населения. Наиболее близким примером такого воздействия может служить намеренное разорение пригородов при осаде крепостей и городов, которым вызывался отток населения внутрь крепости, чтобы повысить нагрузку на системы её жизнеобеспечения. На более поздних исторических периодах специалисты отмечают использование так называемой криминальной миграции для дестабилизации политической ситуации в стране-противнике (7, с. 2). В рамках новейшей истории специалистами отмечается, что управление перемещением населения в форме управляемой миграции является одним из методов ведения современных «гибридных» конфликтов и организации «цветных» революций, например, в Ливии, Сирии (1, с. 5).

Впрочем, несмотря на наличие исторических подтверждений, официально подобный подход нигде в явном виде не фиксируется и не выделяется специалистами как направленный метод воздействия. В то же время, по данным исторического анализа можно отметить возможность использования управляемой миграции как метода, используемого в рамках «гибридного» противоборства на разных фазах его ведения. Более того, можно предположить, что данный метод уже используется отдельными акторами мировой политики.

В новейшей истории, косвенным подтверждением этого тезиса могут являться целенаправленные действия и заявления Турции<sup>15</sup> по управлению миграционными потоками из Сирии в ЕС через нарушение соглашения по мигрантам (5, с. 78), более явной ссылкой на подтверждение такой возможности являются рассекреченные документы USAID<sup>16</sup> в части организации миграции

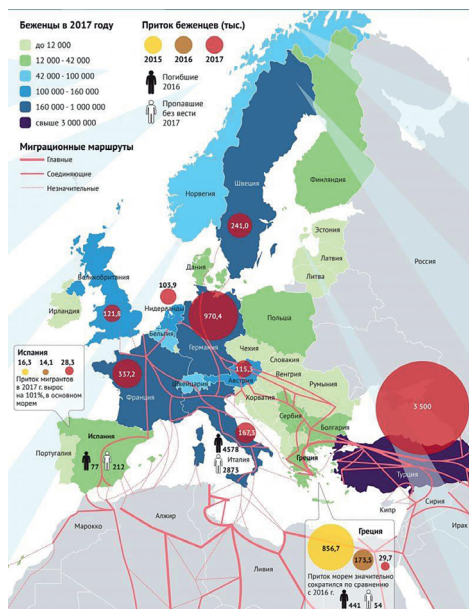
15 Анкара перешла все границы. Евросоюз обвинил президента Турции в политическом шантаже. Коммерсантъ. 2020. №42 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4282580>

16 С 1 октября 2012 года деятельность в РФ Агентства США по международному развитию прекращена.

из бывших среднеазиатских республик СССР в Россию<sup>17</sup>. Последнее особенно актуально с учётом признания в марте 2025 года госсекретарем США Марко Рубио в ведении его страной прокси-войны против России<sup>18</sup>.

Подтверждением факта непрерывного роста миграции в периоды вышеуказанных действий является статистика по росту потоков беженцев как в Европу (рис. 1), так и в мире в целом (рис. 2).

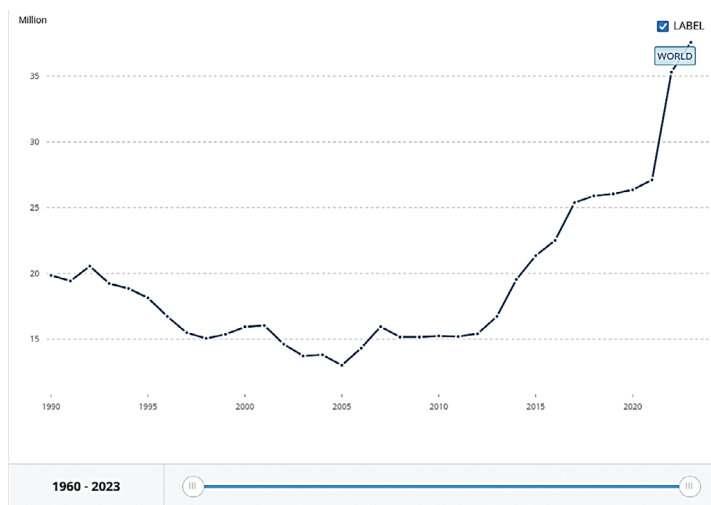
**Рисунок 1.** Распределение беженцев по странам на период пика миграционного кризиса в Европе  
**Figure 1.** Distribution of refugees by country during the peak of the migration crisis in Europe



17 Соколов А. Операция «Мигранты». Массовый завоз мигрантов в Россию спонсировали США и Великобритания. Столетие. 17 марта. URL: [https://www.stoletie.ru/rossiya\\_i\\_mir/operacija\\_migranty\\_209.htm](https://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/operacija_migranty_209.htm).

18 Мартынова П. Рубио назвал конфликт на Украине «прокси-войной» между Россией и США. РБК: сайт. 06.03.2025. URL: <https://rbc-ru.turbopages.org/rbc.ru/s/politics/06/03/2025/67c90e239a79471bc30ddc45>

**Рисунок 2.** График роста общего количества беженцев по всем регионам мира<sup>19</sup>  
**Figure 2.** Graph of the growth of the total number of refugees in all regions of the world



В части миграционного потока в Россию можно оценить статистику Росстата, на официальном сайте которого отмечается достаточно высокий прирост мигрантов в период с 2000 по 2024 год. Особенно данный поток вырос в 2024 году (рис. 3), хотя при анализе следует учесть влияние на результаты совершенствования мер миграционного учёта именно в этот период. За январь-ноябрь 2024 года, по данным ФМС России, иммиграционный прирост составил 420 тысяч человек, то есть в 3,9 раза больше, чем за тот же период в 2023 году. Наибольший прирост пришелся на граждан Таджикистана (+107,6 тысячи человек или +40% по сравнению с тем же периодом 2023-го), Узбекистана (+83 тысячи или +1935%) и Кыргызстана (+79 тысяч или +1070%). Особое внимание обращает на себя факт, что максимальный рост иммигрантов отмечается для стран, упоминаемых в материалах USAID<sup>20</sup>.

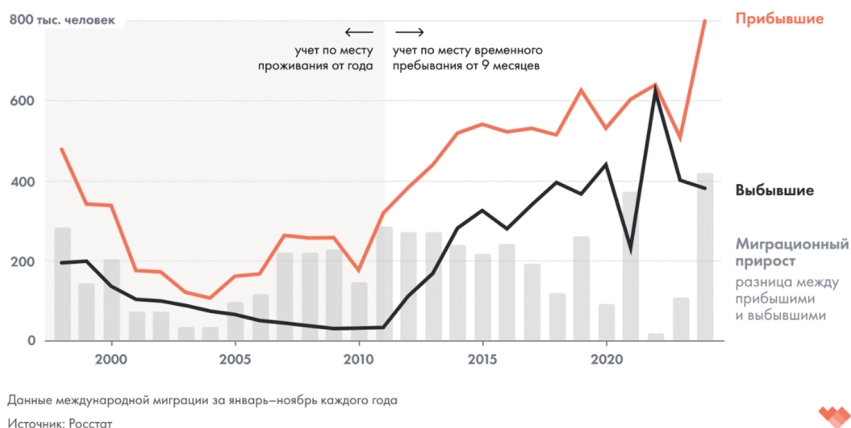
<sup>19</sup> Источник: World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.REFG>

<sup>20</sup> С 1 октября 2012 года деятельность в РФ Агентства США по международному развитию прекращена.

Структура иммиграции по возрастным группам (11, с. 280), учитывая, что в составе мигрантов всегда преобладает наиболее активная и трудоспособная часть населения, не в полной мере может служить подтверждением выдвинутой гипотезы, но порождает определённые опасения. Тем более в рассматриваемом случае (рис. 4) смещение графика влево аномально сильное, а довольно высокая и плавно понижающаяся его правая часть показывает высокую нагрузку на социальную систему принимающей стороны.

**Рисунок 3.** Статистика миграции в РФ на примере 2024 года  
(по данным Росстат)<sup>21</sup>

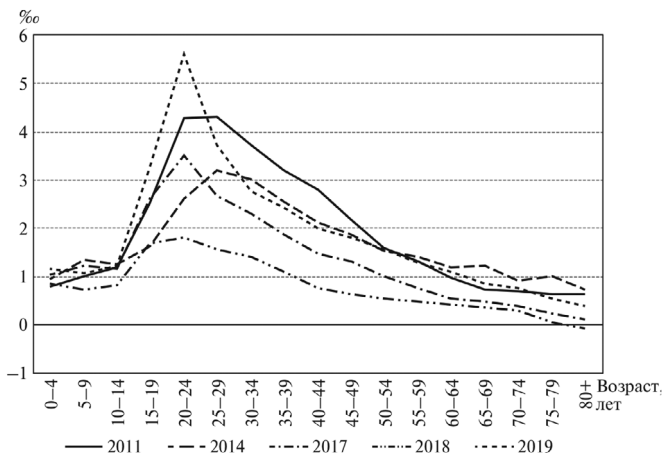
**Figure 3.** Migration statistics in the Russian Federation for 2024  
(according to Rosstat data)



21 Источник: Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>

**Рисунок 4.** Иммиграционный прирост населения РФ по возрастным группам (по данным единой межведомственной информационно-статистической системы)<sup>22</sup>

**Figure 4.** Immigration growth of the population of the Russian Federation by age groups (according to the unified interdepartmental information and statistical system)



Таким образом, сочетание анализируемых факторов: высказываний зарубежных политиков в данном аспекте, материалов USAID<sup>23</sup> и обработки статистики миграции, позволяет принять сформулированную гипотезу о возможности использования управляемой миграции как одного из инструментов ведения «гибридных» войн. И хотя рассмотренные в процессе анализа признаки не являются явно выраженными, это не противоречит выдвинутой гипотезе, так как «гибридные» конфликты по определению являются скрытым применением воздействия на противника.

Для уточнения сформулированной гипотезы предлагается рассмотреть некоторые особенности миграционных процессов и их возможное влияние на ход «гибридного» противоборства.

<sup>22</sup> Источник: Росстат. URL: [https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom6\\_Migraciya\\_naseleniya](https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom6_Migraciya_naseleniya)

<sup>23</sup> С 1 октября 2012 года деятельность в РФ Агентства США по международному развитию прекращена.

## Обсуждение результатов

Если принять предположение, что управляемая миграция используется как элемент ведения «гибридных» войн, логично отметить факторы, которые потенциально могут быть реализованы через управляемую миграцию в рамках гибридного противоборства.

*Во-первых*, это экономическая составляющая «гибридного» противоборства, которая через миграцию может реализоваться за счёт повышения социальной нагрузки на экономику противника без усиления налоговой базы. Первое определяется тем, что, часть мигрантов составляют недееспособные граждане, ещё более усиливающие нагрузку на социальную систему принимающего государства. Второй аспект определяется тем, что существенная часть мигрантов не встраиваются в официальную экономику, а расширяют её теневую часть, не жалея вкладываться в развитие страны, которую считают чужой.

*Во-вторых*, мигрантами, в большинстве случаев, осуществляется активное ментальное воздействие, несоблюдение законов и привнесение свежих обычаев и традиций, в большинстве случаев отличающихся, а иногда и прямо противоречащих законам и традициям основного населения (6, с. 20).

*В-третьих*, в части информационной составляющей «гибридного» противоборства можно отметить, что в рамках ведения современных конфликтов, появилась тенденция перевода информационного воздействия в физическую область. Информационные действия стали шире, чем просто воздействие на сознание армии и гражданского населения противника, появилась возможность их перевода из информационной в физическую сферу, проявляющаяся в привлечении путём манипуляций населения противника к проведению террористических акций, управляемых дистанционно. Возникло новое качество, основанное на информатизации и прозрачности современного мира, которое наиболее часто применяется в более активных фазах противоборства. И среда мигрантов, не интегрированных в принявшее их общество, является потенциальным источником исполнителей для реализации данного метода действий.

*И последнее*, в военной составляющей «гибридного» противоборства, как показывает анализ древней и даже новейшей истории, в случае переходы «гибридного» конфликта в силовую фазу, мигранты являются практически

готовой «пятой колонной», поддерживающей в тылу действия основных сил противника и требующей отвлечения сил для парирования угроз (3, с. 35; 4, с. 127; 17, с. 327). В этой связи можно вспомнить что само название «пятая колонна» (исп. quinta columna) тоже появилось в ходе «гибридной» войны в Испании.

Таким образом, можно сделать вывод, что потенциально, использование управляемой миграции может активно повлиять практически на все составляющие «гибридных» действий. В то же время, у применения управляемой миграции, исходя из структуры её воздействия на потенциального противника, имеется ряд особенностей, существенно затрудняющие противодействие ей существующими методами:

- используемые для организации миграции методы, в основном, являются легальными и могут применяться в мирное время, без перехода к официальным боевым действиям;
- применяемые методы рассчитаны на длительное применение, они работают на перспективу, что выдвигает требования к противоборству им по времени и непрерывности (9, с.32);
- действия по организации миграционных потоков, как правило, имеют относительно низкую интенсивность и малую заметность, что затрудняет их обнаружение и прогнозирование;
- более того, в дополнение к предыдущему свойству требуется отметить, что действия по организации миграции, как правило, прикрываются различными тезисами по обоснованию её необходимости, маскируются под трудовую и другие не опасные виды миграции;
- любые миграционные процессы, как правило, являются саморазвивающимися, с определённого периода они продолжают развиваться и расширяться самостоятельно, без дополнительных внешних воздействий (12, с. 61);
- организаторами миграционных процессов активно используются современные технологии и методы, изначально предназначенные совсем для другого, например, современные средства и системы коммуникации, средства двойного назначения и т.п.

Все указанные факторы требуют особого подхода к противодействию нелегальной миграции, как средству ведения «гибридного» противоборства.

При формировании указанного подхода требуется учитывать, что организация направленных потоков миграции, с точки зрения управления,

является достаточно тривиальным процессом, а вот противодействие ей – намного сложнее. Но именно организация противодействия является крайне важной, так как, как показал анализ, признаки управления миграцией в рамках «гибридного» противоборства имеются, в том числе, и против нашей страны.

В целом, даже не акцентируясь на ведении «гибридного» противоборства, многие государства стараются управлять миграционными потоками, чтобы снизить их потенциальное влияние на свою экономику и демографию. Противодействие, чаще всего, оказывается на законодательном уровне. В данном аспекте можно отметить достаточно жесткое миграционное законодательство Саудовской Аравии и ОАЭ (поручительная система «кафала», араб. نظام الكفالة), миграционное законодательство США (Immigration Act of 1990) и других стран, исторически испытывающих высокое миграционное давление. В последнее время определённые успехи имеются в данной области у нашей страны: введение в России в 2025 году «Реестра контролируемых лиц», обеспечивающего инструментальный контроль незаконной миграции (2, с. 21). Данные меры обеспечивают эффективность пассивного противодействия ненаправленной миграции, порождаемой естественными причинами.

Если принять предположение, что управляемая миграция может использоваться как инструмент «гибридных» действий, данные методы могут оказаться недостаточно эффективны. Для решения задач в условиях активных действий нужны системы, не просто реагирующие на возникающие угрозы, а основанные на проактивных подходах к организации противодействия (10, с. 15).

Эффективные методы борьбы с процессами управляемой миграции, если предположить, что она используется как компонент «гибридного» противоборства и учитывая, что «гибридные» действия, это одна из форм вооруженной борьбы, могут основываться на отработанных типовых алгоритмах управления военными действиями:

- сбор данных, мониторинг их изменения в целях выявления действий «гибридного» противника, их вероятного характера и направлений приложения;
- анализ полученных данных, выявление критичных направлений и составляющих;

- разработка цели и мер противодействия, вариантов их реализации;
- прогнозирование последствий своих действий по разным вариантам противодействия, выбор приемлемого варианта действий;
- разработка плановых мероприятий;
- доведение мероприятий до исполнителей, организация выполнения;
- непрерывный контроль процесса, управление;
- оценка результатов, возврат к новому циклу управления.

При всей простоте этого алгоритма, как части общего алгоритма противодействия «гибридному» воздействию, реализовать его можно, только если обеспечить каждый этап соответствующим инструментарием: методиками, системами показателей и критериев, прогнозными моделями. Но, для начала, необходимо признать саму проблему и формализовать её.

В настоящее время, как показывает анализ ситуации, для реализации предлагаемого алгоритма не хватает многого: методик, программ подготовки персонала, нормативно-правовой базы и т.п., но необходимо развивать данный процесс, это требование порождается объективными обстоятельствами.

## Выводы

Проведённый в статье исторический и статистический анализ показал, что, потенциально, управляемая миграция может быть одним из инструментов «гибридного» противоборства. Разумеется, управляемая миграция, хотя и оказывает комплексное воздействие на все составляющие «гибридной» войны, является лишь одним из множества возможных инструментов её ведения. Но именно в данной, недостаточно исследованной области, в настоящее время сложилась периодически встречающаяся на практике системная ситуация: изменение физических условий и техническое развитие опередило применяемые формы и методы противоборства. Возникшее противоречие между имеющимися возможностями противоборства, принципами и законами их использования требует скорейшего разрешения.

В рамках разрешения этого противоречия, в статье впервые обозначена и сформулирована проблема, решение которой ещё предстоит найти. В процессе этого поиска следует учесть, что современные вызовы требуют использования современных решений, например, применения систем

обработки больших данных, прогнозирования на основе искусственного интеллекта, математического моделирования. Впрочем, всё перечисленное – это только инструментарий, для его реализации нужны соответствующие управленческие решения и методы, разработке которых, возможно, послужит формализация проблемы управляемой миграции, проведённая в данной статье.

## Список источников

1. Бартош А.А. (2018), «Трение» и «износ» гибридной войны [«Friction» and «Wear» of Hybrid Warfare]. Военная мысль. № 1. С.5-13.
2. Бартош А.А. (2024), Модели эскалации современных военных конфликтов [Escalation patterns of modern military conflicts]. Военная мысль. № 1. С. 21-36.
3. Богатырёв В.В. (2021), Проблемы международно-правового регулирования современных гибридных войн [Population of Russia 2019: twenty-seventh annual demographic report]. Вестник владимирского юридического института. № 2 (59). С.34-38.
4. Дылевский И.Н., Шевченко А.П., Меньшиков Д.В., Комов С.А. (2025), Методический подход к определению понятия «вооруженное нападение с использованием информационных технологий» [A Methodological Approach to Defining the Concept of “Armed Attack Using Information Technology”]. Военная мысль. №3. С.127-133.
5. Зубов В.В. (2019), Взаимодействие Европейского союза и Турции по проблеме миграционного кризиса: глубинные противоречия как следствие изменения геополитических реалий [EU-Turkey Interaction on the Migration Crisis: Deep-seated Contradictions as a Result of Changing Geopolitical Realities]. Гуманитарные науки, Вестник финансового университета. №9(4). С.78-82. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-78-82.
6. Ильницкий А.М. (2021), Ментальная война России [Russia’s Mental War]. Военная мысль. № 8. С.19-33.
7. Литвинов Н.Д., Родионов Д.А., Хабибулин А.Г. (2023), Криминальная миграция участников структур гибридной войны через государственную границу и территории Российской империи

- [History of the development of «hybrid» actions from «false flag» wars to «smart power»]. Миграционное право. №1. С. 2-8.
8. Манойло А.В. (2015), Цветные революции в контексте гибридных войн [Color revolutions in the context of hybrid wars]. Право и политика. № 10. С.1400-1405.
  9. Манойло А.В. (2022), Информационные диверсии в конфликте на Украине [Information sabotage in the conflict in Ukraine]. Вестник Московского государственного областного университета. № 4. URL: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-4-1130>.
  10. Мельников Е.А. (2025), Правовое обеспечение противодействия незаконной миграции [Legal support for combating illegal migration]. Миграционное право. №1. С.15-17. DOI 10.18572/2071-1182-2025-1-15-17.
  11. Митрофанова Е. С., Васин С. А., Щербакова Е. М. (2022), Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад [Population of Russia 2019: twenty-seventh annual demographic report]. Отв. ред. Захаров С.В. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. DOI: 10.17323/978-5-7598-2554-8
  12. Тиханычев О.В., Тиханычева Е.О. (2016), Некоторые аспекты моделирования этносоциальных процессов [Some aspects of modeling ethnosocial processes]. Научно-теоретический труд. М.: Эдитус.
  13. Тиханычев О.В. (2025), История развития «гибридных» действий от войн «под чужим флагом» до «умной силы» [History of the development of «hybrid» actions from «false flag» wars to «smart power»]. Национальная безопасность / nota bene. № 1. С.77-102. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.1.39475
  14. Boda, M. (2024), Hybrid War: Theory and Ethics. Academic and Applied Research in Military and Public Management Science. No. 23. pp. 5-17. DOI: 510.32565/aarms.2024.1.
  15. Caliskan, M. (2019), Hybrid warfare through the lens of strategic theory. Defense & Security Analysis. No. 35. pp. 40-58.
  16. Fox, A. C., Rossow, A. J. (2017), Making. Sense of Russian Hybrid Warfare: A Brief Assessment of the Russo–Ukrainian War. The Land Warfare Papers. No.112. p. 3.

17. Harsin, J. (2015), Regimes of Posttruth, Postpolitics, and Attention Economies. *Communication, Culture & Critique*. No.8(2). pp. 327-333.
18. McDermott, R. N. (2017), Russia's Electronic Warfare Capabilities to 2025: Challenging NATO in the Electromagnetic Spectrum. *International Centre for Defense and Security (ICDS)*. <http://www.jstor.org/stable/resrep54439>.
19. Williamson M., Mansoor, P. R. (2012), *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*. Cambridge University Press.

## References

1. Bartosh, A.A. (2018), "Friction" and "wear and tear" of hybrid warfare. *Military Thought*. No. 1. pp. 5-13. (In Russian)
2. Bartosh, A.A. (2024), Escalation Models of Modern Military Conflicts. *Military Thought*. No. 1. pp. 21-36. (In Russian)
3. Bogatyrov, V.V. (2021), Problems of international legal regulation of modern hybrid wars. *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. No. 2(59). pp. 34-38. (In Russian)
4. Dylevskiy, I.N., Shevchenko, A.L., Men'shikov, D.V., Komov, S.A. (2025), A Methodological Approach to Defining the Concept of "Armed Attack Using Information Technologies". *Military Thought*. No. 3. pp. 127-133. (In Russian)
5. Zubov, V.V. (2019), The Interaction of the European Union and Turkey on the Problem of the Migration Crisis: Deep Contradictions as a Result of Changes in the Geopolitical Realities. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. No. 9(4). pp. 78-82. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-78-82. (In Russian)
6. Il'nitskiy, A.M. (2021), Russia's Mental War. *Military thought*. No. 8. pp. 9-33. (In Russian)
7. Litvinov, N.D., Rodionov, D.A., Khabibulin, A.G. (2023), Criminal migration of participants in hybrid war structures across the state border and territories of the Russian Empire. *Migration Law*. No. 1. pp. 2-8. (In Russian)
8. Manoylo, A.V. (2015), Color revolutions in the context of hybrid wars. *Law and Politics*. No. 10. pp. 1400-1405. (In Russian)

9. Manoylo, A.V. (2022), Information sabotage in the conflict in Ukraine. Bulletin of Moscow State Regional University. No. 4. URL: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-4-1130>. (In Russian)
10. Mel'nikov, E.A. (2025), Legal support for combating illegal migration. Migration law. No. 1. pp. 15-17. DOI 10.18572/2071-1182-2025-1-15-17. (In Russian)
11. Mitrofanova, E.S., Vasin, S.A., Shcherbakova, E.M. (2022), Population of Russia 2019: twenty-seventh annual demographic report. Ed. Zakharov S.V. Moscow, NIU VSHE Publ. DOI: 10.17323/978-5-7598-2554-8. (In Russian)
12. Tikhanychev, O.V., Tikhanycheva, E.O. (2016), Some aspects of modeling ethnosocial processes. Scientific and theoretical work. Moscow, Editus Publ. (In Russian)
13. Tikhanychev, O.V. (2025), History of the development of “hybrid” actions from “false flag” wars to “smart power”. National Security / nota bene. No. 1. pp. 77-102. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.1.39475. (In Russian)
14. Boda, M. (2024), Hybrid War: Theory and Ethics. Academic and Applied Research in Military and Public Management Science. No. 23. pp. 5-17. DOI: 510.32565/aarms.2024.1.
15. Caliskan, M. (2019), Hybrid warfare through the lens of strategic theory. Defense & Security Analysis. No. 35. pp. 40-58.
16. Fox, A. C., Rossow, A. J. (2017), Making. Sense of Russian Hybrid Warfare: A Brief Assessment of the Russo–Ukrainian War. The Land Warfare Papers. No.112. p. 3.
17. Harsin, J. (2015), Regimes of Posttruth, Postpolitics, and Attention Economies. Communication, Culture & Critique. No.8(2). pp. 327-333.
18. McDermott, R. N. (2017), Russia's Electronic Warfare Capabilities to 2025: Challenging NATO in the Electromagnetic Spectrum. International Centre for Defense and Security (ICDS). <http://www.jstor.org/stable/resrep54439>.
19. Williamson M., Mansoor, P. R. (2012), Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. Cambridge University Press.

## Информация об авторе

ТИХАНЫЧЕВ Олег Васильевич, кандидат технических наук, профессор Академии военных наук, заместитель начальника отдела, Группа компаний «Т1», Москва, Российская Федерация. E-mail: [to.tehnoserv@gmail.com](mailto:to.tehnoserv@gmail.com). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4759-2931>

## Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

## Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.04.2025. Одобрена после рецензирования: 28.05.2025. Принята к публикации: 09.06.2025. Опубликовано: 30.06.2025.

## Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

## About the author

Oleg V. TIKHANYCHEV, CandSc (Tech.), Professor of Academy of Military Sciences, Deputy Head of the Department, "T1" Group of companies, Moscow, Russian Federation. E-mail: [to.tehnoserv@gmail.com](mailto:to.tehnoserv@gmail.com). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4759-2931>

## Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

## Article info

Submitted: 18.04.2025. Approved after peer review: 28.05.2025. Accepted for publication: 09.06.2025. Published: 30.06.2025.

## Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.





# ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

---



## ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Научная статья

Политические науки

УДК 327.5

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-124-146](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-124-146)



### Грани гибридных и горячих войн: право, экономика, финансы, идеология

Леонид Викторович Голоскоков

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,  
Москва, Российская Федерация

[l.v.goloskokov@mail.ru](mailto:l.v.goloskokov@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4113-1571>

***Аннотация.*** В статье показаны современные правовые подходы к определению гибридной войны, а также древние источники, в которых описывается сущность гибридной войны, но при этом не используется это современное название. Исследуется, что представляет собой гибридная война в настоящее время, каковы ее внешние проявления, цели, методы и достигнутые результаты. Показано, что гибридная война характеризуется предельной скрытностью, использованием всех доступных инструментов и методов, включая право, экономику, финансы, идеологию и все чисто военные методы обмана, тайных операций, реализуемые таким образом, чтобы противник вообще не понимал, что против него ведется война. На примерах использования правовых инструментов показана успешная операция гибридной войны, обеспечившая скрытый возврат от социально-экономической формации социализма к социально-экономической формации капитализма без единого упоминания в правовом поле понятия капитализма. Этот же процесс рассмотрен с финансовой, экономической и идеологической стороны, и показаны пути тайного и скрытного

осуществления глобальных целей без их оглашения, со смещением акцентов и переключением внимания общества с главных процессов на второстепенные. Установлено, что успешное осуществление противником операций против нас по ведению гибридных войн основано на нашей необразованности, отсутствии желания знать свою и мировую историю, привычке действовать только против и вдогонку, но не действовать опережающим образом.

*Ключевые слова:* война, гибридная война, право, экономика, финансы, идеология

*Для цитирования:* Голоскоков Л.В. Грани гибридных и горячих войн: право, экономика, финансы, идеология. Россия: общество, политика, история. 2025. № 2(15). С. 124-146.

## POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Original article

Political sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-124-146](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-124-146)



### The Facets of Hybrid and Hot Wars: Law, Economics, Finance, Ideology

Leonid V. Goloskokov

Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee, Moscow, Russian Federation  
[l.v.goloskokov@mail.ru](mailto:l.v.goloskokov@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4113-1571>

**Abstract.** The article presents modern legal approaches to defining hybrid warfare, as well as ancient sources that describe the essence of hybrid warfare without using this modern name. It examines what hybrid warfare is today, its external manifestations, goals, methods and achieved results. It is shown that hybrid warfare is characterized by extreme secrecy, the use of all available tools and methods, including law, economics, finance, ideology and all purely military methods of deception, covert operations, implemented in such a way that the enemy does not even understand that a war is being waged against him. Examples of the use of legal instruments are used to show a successful hybrid war operation that ensured a hidden return from the socio-economic formation of socialism to the socio-economic formation of capitalism without a single mention of the concept of capitalism in the legal field. The same process is considered from the financial, economic and ideological side, and ways of secretly and covertly implementing global goals without announcing them are shown, with a shift in emphasis and switching the attention of society from the main processes to secondary ones. It has been established that the enemy's successful implementation of operations against us to conduct hybrid wars is based on our lack of education, the lack of desire to know our own and world history, the habit of acting only against and in pursuit, but not acting in a preemptive manner.

*Keywords:* war, hybrid war, law, economics, finance, ideology

*For citation:* Goloskokov, L.V. The Facets of Hybrid and Hot Wars: Law, Economics, Finance, Ideology. Russia: Society, Politics, History. 2025. No. 2(15). pp. 124-146.

## Введение

Для нас понятие гибридной войны появилось недавно. Упоминание о ней есть в Указе Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации», п. 11 которого утверждает: «Некоторые государства используют экстремистские и террористические организации в качестве средства для ведения гибридных войн против внешнеполитических противников и достижения своекорыстных геополитических целей, в том числе за счет вмешательства во внутренние дела других государств в целях дестабилизации общественно-политической обстановки в этих государствах, нарушения их территориальной целостности или развязывания в них гражданских войн...»<sup>24</sup>.

Несколько ранее гибридная война получила характеристику в Указе Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»: «Рассматривая укрепление России в качестве одного из ведущих центров развития современного мира, считая ее самостоятельную внешнюю политику угрозой западной гегемонии, Соединенные Штаты Америки (США) и их сателлиты использовали принятые Российской Федерацией меры по защите своих жизненно важных интересов на украинском направлении как предлог для обострения многолетней антироссийской политики и развязали гибридную войну нового типа. Она направлена на всемерное ослабление России, включая подрыв ее созидательной цивилизационной роли, силовых, экономических и технологических возможностей, ограничение ее суверенитета во внешней и внутренней политике, разрушение территориальной целостности. Такой курс Запада приобрел всеобъемлющий характер и закреплён на

24 Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». Собрание законодательства РФ, 30.12.2024, № 53 (Часть I), ст. 8669.

доктринальном уровне»<sup>25</sup>. Это то, что мы смогли осмыслить и заложить в своем доктринальном понимании. Все правильно, но такого понимания уже недостаточно, требуется более глубокое и разноплановое изучение явления гибридной войны.

## Материалы и методы исследования

Основными методами исследования являются исторический метод, метод сравнения, прогностический метод, методы анализа и синтеза.

Материалами исследования являются исторические источники, труды ученых разных веков в области права, управления, политики, экономики, финансов, идеологии и военной сфере.

## Результаты исследования

Гибридный характер войны был описан еще в Древнем Китае. В VI-V в. до н.э. в древнем памятнике «Дао дэ цзин», приписываемом Лао-цзы, сказано: «Страна управляется справедливостью, война ведется хитростью» (6, с. 131).

Трактат Сунь-цзы «О военном искусстве» (IV в. до н.э.), наставлял: «Поэтому сначала будь как невинная девушка – и противник откроет свою дверь. Потом же будь как вырвавшийся заяц – и противник не успеет принять мер к защите» (19, с. 211).

Война в гибридной форме, без разрушений, считалась вершиной искусства войны. В главе третьей трактата «Стратегическое нападение» Сунь-цзы сказал: «По правилам ведения войны наилучшее – сохранить государство противника в целости, на втором месте – сокрушить это государство. Наилучшее – сохранить армию противника в целости, на втором месте – разбить ее ... лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь» (20, с. 205). Основная идея осталась с тех пор: противника нужно не убить, а покорить, чтобы дальше жить за счет его ресурсов. Это идея рабовладельческого строя, она никуда не исчезала, но все века прятала свою суть и искала более приличный облик, скрываясь под покровом феодализма, капитализма, инклюзивного капитализма и других оболочек.

---

25 Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Собрание законодательства РФ, 03.04.2023, № 14, ст. 2406.

Наши враги давно применяют методы гибридной войны. Д.Б. Изюмов и Е.Л. Кондратюк пишут: «Примером организации сетей «гражданских сетевых войн» могут служить создаваемые в настоящее время в Пентагоне межфункциональные группы («Cross-functional teams» – CFTs). Данные группы создаются с целью оптимизации системы принятия решений, выработки эффективного и молниеносного решения возникшей проблемы, в интересах создания временного запаса и обеспечения доминирующих позиций в любом возникающем кризисе. Данная концепция уже широко применяется бизнесом и гражданскими органами управления США» (7, с. 84).

США начали проводить генеральную линию на войну с нами с 1945 г. (операция «Дропшот» 1949 г. и др.) и одновременно обрели опыт гибридных войн в разных сферах. Российский бизнес не уловил проявления гибридной войны в ходе строительства трубопровода «Северный поток-2» и не был готов к переходу грани гибридной войны в войну горячую при их подрыве, а позднее и подрыве других трубопроводов.

Здесь произошло внешнее проявление гибридной войны, которое обнажило ее суть: плавно и незаметно готовиться к войне горячей, чтобы противник не уловил момент перехода и не был к ней готов. А.И. Подберезкин и М.В. Харкевич прогнозировали в 2015 г., что «после 2021 года эскалация силового, сетевого и сетецентрического противоборства перейдет в масштабную вооруженную фазу. Вместе с тем характер этой войны будет существенно, качественно отличаться от предыдущих войн, прежде всего, своим многообразием форм – от глобального военного конфликта, до ведения гибридной глобальной войны на отдельных ТВД» (16, с. 536). Учёных не слушали, так как в своем отечестве пророков нет. Но прогноз сбился.

В древности были описаны состояния до войны и после войны, которые нужно знать и понимать. В III в. до н. э. в энциклопедическом памятнике Китая «Люй ши Чунь цю» было замечено: «Там, где проходит война, непременно вырастает колючий кустарник. [Думая о том], приходят беда или счастье, люди считают, что это от судьбы; где им знать причину [всего этого]!» (13, с. 301).

Сегодня эту мудрость не понимают и не учитывают. Мы склонны к упрощению картины мира в соответствии с нашими ограниченными знаниями и способностями, нам легче думать, что если произошло нечто плохое, то это от судьбы, не зависящая от нас случайность.

Нет, говорит древняя мысль, это от непонимания того, что противнику удалось и в этот раз предстать в образе невинной девушки и поселиться в наше сознание расслабляющей негой, заставившей нас не думать об опасности и планах врага, которые он как раз в это время реализовывал, а потом представил, что их результат есть случайность или наши собственные деяния.

Множество таких «случайностей», происходивших с 1945 г. по 1991 г. и до наших дней, можно соединить в цепочку событий, показывающих, как западные спецслужбы наносили по всем фронтам удары по СССР, развалили его без единого выстрела, и его не спасли ни 63 тыс. танков, которых было больше, чем в армиях всего мира, ни ядерные ракеты, ни мощные по всем меркам советские армия и флот. Запад нашёл против количества наших танков оружие другое, качественное – комплексную гибридную войну. Мы не будем приводить длинный список министров, заместителей министров и других известных лиц, которые со времен СССР и позднее вещали нам про патриотизм, но теперь проедают за рубежом увезенные с собой российские деньги и вещают против России. К ним явилась та самая «невинная девушка», которая виртуально посетила все сферы деятельности, всем поулыбалась, а результатом этого стали наши критические потери: отсутствие инвестиций (они ушли нашим зарубежным «партнерам»), закрытые заводы ВПК в моногородах, деиндустриализация, деградация сферы образования, отток капитала за рубеж, отставание в космосе от США и Китая и в других сферах.

Теперь можно сказать, что это была тщательно спланированная против СССР и продолжающаяся против России гибридная война. Но разве мы не могли понять это раньше? Могли, так как столетия назад было то же самое, например, санкции против России.

Крымские события XIX в. описывает В.Н. Пономарев: «Для разгрома России западным союзникам необходимо было мобилизовать все ресурсы и средства. Важно было нанести удар и по экономике противника, парализовав его внешнюю торговлю. Однако осуществить это было совсем непросто. Англия и Россия являлись традиционными торговыми партнерами. Некоторые отрасли британской промышленности попросту не могли существовать без русского сырья. В течение всей войны вопрос о торговле с Россией не переставал дебатироваться в правительстве,

парламенте, прессе. По словам одного юриста-международника, англичане мучились над «неразрешимой проблемой: как навредить неприятелю, не причиняя неудобств себе». Разумеется, выход был найден. Торговые отношения продолжались по нейтральным каналам. В самом начале войны Лондон и Париж выступили с декларациями о намерении не препятствовать перевозкам нейтральных грузов на судах воюющих стран и о признании правила «нейтральный флаг покрывает товар». Устанавливая блокаду Балтийского побережья России, англичане вынуждены были в то же время допускать вывоз русских товаров на нейтральных судах через порты Пруссии: Мемель, Кенигсберг, Данциг. В итоге в 1854 и 1855 годах в Англию продолжали поступать (конечно, в ограниченном объеме) русские товары: сало, конопля, лен, хлеб. В Россию тем же путем и далее через прусско-русскую границу шли традиционные для ее импорта хлопок, сахар, вино, кофе, пряности» (17, с. 398).

Через 170 лет мы видим те же события, с теми же странами, в том же Балтийском море. Все это описано в истории внешней политики России, и ее можно было знать.

Проанализируем с позиций гибридной войны события, которые происходят в финансовой и валютной сферах и выглядят как цепь случайностей. Рассматривая их в таком ракурсе, мы можем выдвинуть гипотезу, что тридцатилетний отток капитала из России является внешним проявлением гибридной войны. По данным О.О. Комолова сумма чистого оттока капитала из российской экономики за последнее двадцатилетие составила более 1 трлн долларов США (9, с. 136). То, что это гибридная война, доказывается фактом оттока капитала в одну сторону – за рубеж, и нанесением России ущерба в виде замедления развития из-за отсутствия инвестиций.

Этот процесс описывает академик РАН А.Г. Аганбегян: «За 33 года новой России (1991–2023 гг.) валовый продукт увеличился всего на 20%, меньше всех значимых стран мира, а тем более крупных стран. Валовый внутренний продукт Европейского союза за это время вырос более чем в 1,5 раза, США – в 2 раза, постсоциалистических стран Европы – в 2,5 раза, развивающихся стран мира – от 3 до 5 раз, а Китая – почти в 14 раз. Практически по всем социально-экономическим показателям в международных рейтингах Россия пятится вниз, по сравнению с советским временем» (2, с. 5).

Такое количество случайностей за длительный период невозможно, все это результат стратегии противника, действующего методами гибридной войны, и чаще всего нашими руками и нашими решениями, что не позволяет нам заподозрить о внешнем воздействии. Вспомним китайскую мудрость: «люди считают, что это от судьбы; где им знать причину всего этого». После того, как мы не захотели знать причину всего этого, мы уже в ловушке противника, и он может продолжать свое дело, понимая, что у нас нет знаний и воли понять, кто, как и зачем нас убивает.

Гибридная война идет в сфере идеологии. Е.В. Кирдяшова полагает, что «ведущаяся западным миром гибридная война с Россией (частью которой выступают когнитивные войны) является в том числе физической попыткой переломить великодержавное мышление россиян. Хотя, конечно, основной упор зарубежные стратеги стараются делать теперь не на внешние факторы, а на внутренние процессы, поскольку семя либерализма уже успело дать свои плоды» (8, с. 131-139). Это идеологическая компонента гибридной войны.

Международные аспекты проявлений феномена гибридной войны нами усматриваются в версии, о которой В.О. Лаптёнок пишет, что «использование Евросоюзом в качестве инструмента влияния и даже «гибридного оружия» глобальных взаимозависимостей, своего доминирующего положения в ряде сфер (распределение финансовых потоков, НИОКР, патентное право, искусственный интеллект и др.) международного «разделения труда» между основными центрами силы и достигнутого в силу разных исторических причин в рамках сложившегося мирового порядка превосходства на ряде направлений международного взаимодействия – реальный факт» (10, с. 174-190). Такое видение позволяет сделать вывод, что гибридная война может вестись почти во всех сферах.

Теперь зададим вопрос – сможем ли мы эффективно выстаивать в гибридной войне по всем ее направлениями? Придумывать их теперь сможет и искусственный интеллект, и те же самые институты США и Запада, которые боролись с СССР, а теперь работают против России. Факт истории известен: СССР не смог распознать все опасности и противостоять им, он знал, что у него больше всех в мире танков. Мы знаем, что у нас сегодня больше всех в мире ядерных зарядов.

Нынешнее положение России сложное: стран, которые являются нашими врагами, много; ресурсов у них больше, людей больше, и наших ресурсов

и людей не хватит, чтобы их выставить во фронт против всего, что на нас нападает в гибридной войне. Что делать? Нужно пересмотреть парадигму нашего мышления и действий. В правоохранительной сфере мы постоянно слышим призывы, что мы должны противодействовать преступности. Да, придется, если мы ее допустили и не можем одолеть. Но одновременно в таком подходе проявляется ущербность мышления и действия – мы только противодействуем. Действие первично, противодействие – вторично. Действуя только против уже проявившейся опасности, мы всегда на один ход отстаем от нападающего, проявляем себя вечно догоняющими, обороняющимися, иначе говоря, вторичными. Противник не скажет нам, какую следующую опасность он нам приготовил, и сколько их еще у него для нас приготовлено.

Нужно сменить парадигму и начать активно действовать, а не только отвечать на вызовы, иначе нас просто сомнут, напав по множеству фронтов, которые мы даже разглядеть и посчитать не успеем, не говоря уже об эффективной обороне. Ни в какой войне нельзя победить, находясь только в обороне. А для наступления необходима своя идеология, и ее нужно создать.

Продуцирование своих идей является сложной задачей, и Россия к ней только приступила, описав в абз. 5 Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» традиционные ценности: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»<sup>26</sup>. Шаг позитивный, но список ценностей – это начало пути к созданию идеологии. Этим пора заняться, поскольку, к сожалению, права Е.В. Кирдяшова, когда пишет, что «формально запрещенная Конституцией Российской Федерации официальная идеология на практике

26 Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // «Собрание законодательства РФ», 14.11.2022, № 46, ст. 7977.

привела к культивированию либеральной идеологии западного мира, продолжавшемуся все годы после распада СССР и отчасти сохранившемуся сегодня» (8, с. 131-139). Пустое место, не занятое нашей идеологией, успела заполнить не только либеральная, но и все другие идеологии, которые смогли к нам зайти.

Обратимся к истории, чтобы увидеть, что все известно более ста лет, и как в конкретной сфере (финансах) на пустое место заходят чужие идеи. Что делать в сфере финансов, предлагал В.И. Ленин: «Правительство нарушает закон, принимая, в угоду богачам, помещикам и капиталистам, такую меру, которая губит все дело контроля, продовольствия и оздоровления расшатанных донельзя финансов, — а эсеры и меньшевики продолжают говорить о соглашении с торгово-промышленными кругами, продолжают ходить на совещания с Терещенкой, щадить Керенского и ограничиваются бумажной резолюцией протеста, которую правительство преспокойно кладет под сукно!! <...> Для серьезной борьбы с финансовым расстройством и неизбежным финансовым крахом нет иного пути, кроме того революционного разрыва с интересами капитала и организации контроля действительно демократического, т.е. «снизу», контроля рабочих и беднейших крестьян за капиталистами» (11, с. 186-187). Фамилии лиц и партий теперь другие, но суть та же: контроля нет, капиталы уходят за рубеж.

Мы не знали, что так будет? Знали. Об этом 98 лет назад, 1 августа 1927 г., предупреждал И.В. Сталин: «Почему известные империалистические круги косятся на СССР, организуя против него единый фронт? Потому, что СССР представляет богатейший рынок сбыта и вывоза капитала. Почему те же империалистические круги интервенируют Китай? Потому, что Китай представляет богатейший рынок сбыта и вывоза капитала. И так далее и тому подобное. Вот где основа и источник неизбежности повой войны, все равно — разгорится ли она между отдельными империалистическими коалициями, или против СССР. Несчастье оппозиции состоит в том, что она не понимает этих простых, элементарных вещей» (18, с. 50). И.В. Сталин, знал, что говорил, но он еще и делал: до самой своей смерти и 38 лет после нее отток капитала как системный процесс отсутствовал: продолжалась жесткая установка, работал закон и контроль. Не для того были положены жизни миллионов советских людей при строительстве и защите социализма, чтобы обогащать капиталистов всего мира — логики в таком ходе вещей не

было никакой. Потом такая логика появилась, но это была чужая логика – навязанной нам гибридной войны.

Капиталы возникли после появления в России капиталистов, но как и где появился в России капитализм официально – правовая наука на эту тему молчит: слова «капитализм» нет ни в одном из действующих федеральных законов и ни в одном региональном законе. Нет его определения, не обозначен он как цель или задача. Его нет, но мы его строим. Ни один сложный объект не создается без цели, плана и названия.

Самый сложный из объектов – государство – создает свой фундамент, не называя то, что оно строит. Его основа создается без единого использования этого ключевого слова и понятия в законодательстве. Подобно тайной операции, проводящейся методом гибридной войны против нашего народа, который 73 года строил социализм и не был морально готов в одно историческое мгновение переключиться на строительство капитализма в интересах капиталистов. Народ помнит принесенные в войне с капитализмом жертвы, а они после Великой Отечественной войны были почти в каждой семье. Капитализм боролся с социализмом в том числе методом гибридной войны, и его действия казались нам случайностями, поэтому не вызывали критического отторжения и не привлекали особого внимания. Выстроим случайности в закономерную цепочку событий.

Одну из начальных точек этой цепочки покажем в ст. 1 ГК РСФСР 1964 года, закрепившего цель: «Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики регулирует имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения *в целях создания материально-технической базы коммунизма и все более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей граждан*»<sup>27</sup>. С позиции военной безопасности она несла потенциал логично обоснованной ответной реакции гражданина: если завтра война, то он знал, что будет защищать и за что готов умирать. В новом ГК РФ 1994 года эта часть фразы с прямой и ясной целью была удалена, проявился другой смысл, и он был выражен косвенно – теперь прибыль является целью всего народного хозяйства, государства, основой идеологии.

27 Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 24.12.1992). Ведомости ВС РСФСР, 1964, № 24, ст. 407.

Глобальную идею поменяли на примитивную цель – делать прибыль. Народ не увидел опасность этой манипуляции в тексте закона, но именно здесь была точка пересечения идеология, права, экономики и финансов. Кому пойдет прибыль от работы комплекса предприятий всей страны – это вопрос не гражданского права или финансового права, а идеологии. Но гражданский кодекс об этом ничего не сказал – это не его дело. Чье это дело – не сказал ни один политик, ни законодатель, ни само государство, и это в сфере, где обнаружился самый крупный и самый длящийся ущерб в истории страны.

Наличие в законе идеи *удовлетворения материальных и духовных потребностей граждан* придавало народу необычайную силу, а мощь – самому государству, потому что у него был отвечающий взаимностью защитник – народ. Государство после этой манипуляции осталось, но у него появилась другая цель – прибыль, которая теперь могла законным образом уходить и капиталистам, и за рубеж, служить их интересам, при том, что не все население принадлежит к числу капиталистов.

Современный ГК РФ 1994 года поставил цель в ст. 2, замаскировав ее в дефиниции предпринимательской деятельности: «предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли ...»<sup>28</sup>. Это была точка зарождения новой российской политики и одновременно здесь начала свою невидимую работу уголовная политика, которая защищала и получение, и увод за рубеж прибыли: не мешать этому процессу средствами уголовного права, что и было реализовано. Задача фактически проводимой (но не декларируемой) уголовной политики была не криминализировать вывоз капитала и вообще на эту тему ничего не делать и не говорить. Это было реализовано: триллионы долларов США были вывезены из России, и это был задокументированный множеством источников результат постсоветской финансовой политики.

В усложнившейся системе отношений решение проблемы не лежит в запрете вывоза капитала, эта проблема многоплановая, и она не имеет простого решения. Но никто никаких решений не искал, поэтому она не решена. Результат: как и предвидел И.В. Сталин, капиталы ушли за

---

28 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023). Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

рубеж и работают на наших врагов, а мы в СМИ возмущаемся, что Запад арестовал наши 300 млрд долларов и направляет проценты от них на финансирование Украины, воюющей против нас. Вот так война гибридная, сделав тридцатилетний оборот в сфере финансов, достала нас нашими же деньгами в войне уже горячей. Теперь нельзя сказать, что гибридная война – это война без убийства людей. Наши деньги пошли на убийство наших людей.

Об этом прямо пишет академик РАН С.Ю. Глазьев: «...американцы ведут войну против русских за русские деньги, русскими руками, русским оружием на территории Русского мира. По сути, мы наблюдаем реализацию известной русофобской стратагемы Бжезинского о том, что «новый мировой порядок будет создан против России, за счет России и на обломках России...». Несущей конструкцией этого нового порядка является сформировавшийся на основе приватизации советского наследия компрадорский олигархат и обслуживающий его интересы валютно-денежный регулятор, обеспечивающий выкачивание из нашей страны по 100 млрд. долл. капитала ежегодно, миллиарды тонн невозпроизводимых природных ресурсов, сотни тысяч умов» (4). И даже «в год начала СВО был рекордный объем вывоза капитала – зашкалил за 200 млрд долларов» (3).

Об итогах этого процесса пишет А.Е. Городецкий: «Если оглядываться назад, к концу 80-х – началу 90-х, и одновременно заглядывать в будущее, с его императивами форсированного развития, гонки за лидерами сегодняшнего мира то можно констатировать, что в масштабах длинных циклов, – мы недалеко ушли от рубежных показателей 1990 года – последнего года, хоть и затухающего, но все таки роста советской экономики. Это, по критериям наших сегодняшних национальных задач, стратегических целей и приоритетов развития, может рассматриваться как длинная и устойчивая волна стагнации, вызванная избранной и не меняющейся вот уже почти 30 лет моделью догоняющей модернизации...» (5, с. 142-143). Обратим здесь внимание на российский стиль еще и в экономике – отвечать на вызовы и догонять. В гибридной и горячей войне работа вдогонку ведет к поражению.

Кто воюет против России с таким устойчивым успехом? Те ее чиновники и олигархи, которые имеют только один интерес – прибыль, а не служение своей стране. Однако нельзя думать, что это только российское явление.

А.М. Панкратова пишет, что один из магнатов английского финансового капитала «младший сын Джозефа Чемберлена, одного из виднейших вождей британского империализма конца XIX века, Н. Чемберлен был типичным представителем той группы дельцов, которая во имя своих классовых выгод готова была принести в жертву общенациональные интересы» (15, с. 606). Поклонение выгоде и прибыли у олигархов мы видим и в России. И ведут они себя во всем мире одинаково, о чем писал К. Маркс, когда цитировал Томаса Джозефа Даннинга: «Капитал», – говорит «Quarterly Reviewer», – «избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами» (Т.J. Dunning, цит. соч., стр. 35, 36)» (14, с. 770).

Именно это важно привести в качестве аргументов, раскрывающих глубинные мотивы гибридной войны. Т.Д. Даннинг пишет о торговле рабами, а В.И. Ленин – о переделе мира за землю: «Отличительный признак современного империализма состоит в том, что (как говорится в моем проекте программы) «весь мир уже поделен территориально между богатейшими странами», т.е. раздел земли между государствами закончен. Именно из этого обстоятельства вытекает особая острота борьбы за передел мира, особая острота столкновений, приводящая к войнам» (12, с. 368). В.И. Ленин ошибся в том, что «мир уже поделен территориально», – оказалось, что переделить его силой хотят всегда, и США и Европа открыто заявили о претензиях на земли Украины. Однако оба упомянутых нами деятеля пишут о проявлениях одного и того же древнейшего явления – рабства. Желание государств, корпораций, капиталистов жить за счет ресурсов других – это суть феномена рабства, которое никуда не исчезло и является вечной силой, рождающей гибридные войны. Сегодня говорить о рабстве не принято, выгодно считать, что оно кануло в Лету. Но нет, о его существовании напоминают ст. 127.1.

«Торговля людьми» и ст. 127.2. «Использование рабского труда» УК РФ. Рабство осталось, оно изменило только внешние проявления.

## Обсуждение результатов

Результаты исследования показывают, что в ментальном плане, в области права, в науке управления и вообще везде есть недооценка опасностей гибридной войны, ее свойств, непонимание методов ведения и сфер ее нахождения здесь и сейчас, и тем более нет понимания, в какой сфере гибридная война незаметно возникнет завтра, в чем проявится и сможем ли мы ее вовремя распознать.

В одной из главных сфер гибридной войны учёные описывают ситуацию в цифрах.

В 2019 г. академик РАН А.Г. Аганбегян пишет: «Отток капитала идет 11-й год подряд. Он начался в 2008 году, и каждый год с тех пор продолжается. В целом за 10 лет и один квартал из России ушло больше, чем пришло – на 746 миллиардов долларов. Это огромная сумма» (1, с. 30).

В 2023 г. академик РАН А.Г. Аганбегян пишет, что в 2008–2023 гг. из России суммарно убыло за 15 лет более 1,1 трлн долл., а также что миллиардеры-олигархи, которых в России больше ста, владеют имуществом, составляющим около 35% ВВП (при оценке по рыночному валютному курсу). 500 богатейших людей в России владеют 600 млрд долл. капитала. Это больше, чем в любой стране мира (2, с. 7).

Академик РАН С.Ю. Глазьев оценил ежегодный отток капитала из России в 100 млрд долларов. Сегодня в рублях это 8,5 трлн руб. По данным МВД за 2023 г. «ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 587,6 млрд руб.»<sup>29</sup>. Значит, годовой отток капитала примерно в 15 раз больше годового ущерба от всех преступлений. Настоящая война идет здесь, но СМИ об этом не пишут в 15 раз чаще, чем о преступлениях. Это гибридная война, и она любит тишину, при которой достигает целей, не переходя грань войны горячей. Гибридная война ведется точно по Сюнь-цзы.

29 Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». 2023. С. 2. (дата обращения 24.03.2025).

## Выводы

Бесперывный поток гибридных и горячих войн вынуждает нас сделать переход от обороны и от нашего традиционного тяготения к ответам на вызовы и противодействию (чужой идеологии, экстремизму, терроризму, коррупции) к активной позиции. Ее может дать только духоподъемная идея, которую нужно оформить не только в виде идеологии, но и общего дела всего народа. Оно обозначено в понятии *Res publica*, присутствующем в ст. 1 Конституции Российской Федерации: «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Знание этого факта и отсутствие всяких дел по организации общего дела, давно провозглашенного в самой первой статье Конституции, вполне можно рассматривать и как тончайшую гибридную войну, которое ведёт наше собственное знание и сознание с нашим же собственным знанием и сознанием. Образ «невинной девушки» от Сунь-цзы прочно поселился в нас в форме страха, парализующего мысль и действие: мы продолжаем жить в парадигме чеховского «Человека в футляре» с его примитивной реакцией на все окружающее – «как бы чего не вышло».

Однако у нас есть понимание ситуации и знание, что и как нужно делать, и мы готовы это делать, иначе именно с этой точки будет развиваться зреющий в нас самих процесс самого серьезного поражения в уже идущей внутри нас гибридной войне.

## Список источников

1. Аганбегян А.Г. (2019), Для выхода из стагнации нужны коренные изменения [Fundamental Changes Are Needed to Break Out of Stagnation]. Труды Вольного экономического общества России. Т. 217. № 2. С. 28-39.
2. Аганбегян А.Г. (2024), Поможет ли России опыт Китая в переходе к социально-экономическому росту на основе подъема технологического и интеллектуального уровней [Will China's experience help Russia in the transition to socio-economic growth based on the rise of technological and intellectual levels]. Общество и экономика. № 2. С. 5-25. DOI: 10.31857/S0207367624020017

3. Глазьев С.Ю. (2024), «О стратегии опережающего развития России на основе новых технологического и мирохозяйственного укладов». Выступление на Пленарном заседании VI Московского академического экономического форума 15 мая 2024 [«On the Strategy of Russia's Accelerated Development Based on New Technological and World Economic Structures». Speech at the Plenary Session of the VI Moscow Academic Economic Forum on May 15, 2024]. 4:11:04-6:35:56, URL: <https://maef.veorus.ru/video/2024> (дата обращения 21.05.2024).
4. Глазьев С.Ю. (2024), Что происходит. Авторский доклад Изборскому клубу академика Глазьева [What's Happening. Author's report to the Izborsk Club of Academician Glazyev]. URL: <https://glazev.ru/articles/11-analitika-i-prognozy/106003-chto-proiskhodit?ysclid=lub7ikke5w598852139> (дата обращения 21.05.2024).
5. Городецкий А.Е. (2019), Национальные стратегические задачи и экономическая безопасность [National Strategic Objectives and Economic Security]. Труды Вольного экономического общества России. Т. 217. № 2. С. 137-158.
6. «Дао дэ цзин», § 57 (1972), [«Tao Te Ching»]. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. М.: «Мысль». С. 114-138.
7. Изюмов Д.Б., Кондратюк Е.Л. (2016), Гражданские сетецентрические войны [Civil network-centric wars]. Инноватика и экспертиза. Научные труды. Выпуск 3 (18). С. 81-86.
8. Кирдяшова Е.В. (2025), Государственно-правовые идеалы и многополярный мир [State-legal ideals and a multipolar world]. Lex Russica. № 1. С. 131-139. Система «Гарант».
9. Комолов О.О. (2018), Отток капитала из России в контексте мир-системного анализа [Capital outflow from Russia in the context of world-system analysis]. Экономическое возрождение России. № 2(56). С. 128-140.
10. Лаптёнок В.О. (2023), Европейский Союз в глобальной конкуренции юрисдикций [The European Union in the global competition of jurisdictions]. Актуальные проблемы российского права. № 11. Ноябрь. С. 174-190. Система «Гарант».

11. Ленин В.И. (1969), Грозящая катастрофа и как с ней бороться [The impending catastrophe and how to deal with it]. Полное собрание сочинений. Т. 34. Июль-октябрь 1917. М.: Издательство Политической литературы. С. 151-199.
12. Ленин В.И. (1969), К пересмотру партийной программы [On the Revision of the Party Program]. Полное собрание сочинений. Т. 34. Июль-октябрь 1917. М.: Издательство Политической литературы. С. 368.
13. Люй ши Чунь цю. (1973), Глава тринадцатая. Часть вторая. «Отклик одинаков» [Chapter thirteen. Part two. «The response is the same»]. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 2. М.: Мысль. С. 300-302.
14. Маркс К. (1960), Глава двадцать четвертая. Так называемое первоначальное накопление. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала [Chapter Twenty-Four. The So-Called Primitive Accumulation. Capital. Critique of Political Economy. Volume One. Book I: The Process of Capital Production]. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 725-773.
15. Панкратова А.М. (1945), Политика Невилля Чемберлена. Глава двадцать третья. Консолидация блока фашистских агрессоров и ослабление позиций демократических держав (1936-1937 гг.) [The Policy of Neville Chamberlain. Chapter Twenty-Three. Consolidation of the Bloc of Fascist Aggressors and the Weakening of the Positions of Democratic Powers (1936-1937)]. История дипломатии. Том третий. Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919-1939 гг.). Под ред. академика В.П. Потемкина. Составители: проф. Минц И.И. проф. Панкратова А.М., акад. Потемкин В.П., акад. Тарле Е.В. и Колчановский Н.П. Москва-Ленинград: Государственное издательство Политической литературы. С. 587-612.
16. Подберезкин А.И., Харкевич М.В. (2015), Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений [Peace and war in the 21st century: experience of

- long-term forecasting of international relations development]. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований МГИМО МИД России. М.: МГИМО–Университет, 2015.
17. Пономарев В.Н. (2018), Политика и дипломатия в годы войны (1853-1855 гг.). Глава IX. Крымская война [Politics and diplomacy during the war years (1853-1855). Chapter IX. Crimean War]. История внешней политики России: В 5 т. Т. 3. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М.: Академический проект; Парадигма, (Концепции). С. 380-401.
  18. Сталин И.В. (1949), Международное положение и оборона СССР. Речь 1 августа 1927 года [International situation and defense of the USSR. Speech on August 1, 1927]. Сталин И.В. Полное собрание сочинений. Т. 10. С. 3-59.
  19. «Сунь-цзы» (1972), Глава одиннадцатая. «Девять местностей» [Chapter Eleven. «Nine Locations»]. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. М.: «Мысль». С. 206-211.
  20. «Сунь-цзы» (1972), Глава третья. «Стратегическое нападение» [Chapter Three. «Strategic Attack»]. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. М.: «Мысль». С. 204-206.

## References

1. Aganbegyan, A.G. (2019), Fundamental Changes Are Needed to Break Out of Stagnation. Transactions of the Free Economic Society of Russia. Vol. 217. No. 2. pp. 28-39. (In Russian)
2. Aganbegyan, A.G. (2004), Will China's experience help Russia in the transition to socio-economic growth based on the rise of technological and intellectual levels. Society and Economy. No 2. pp. 5-25. DOI: 10.31857/S0207367624020017 (In Russian)
3. Glazhev, S.Yu. (2024), «On the Strategy of Russia's Accelerated Development Based on New Technological and World Economic Structures». Speech at the Plenary Session of the VI Moscow Academic Economic Forum on May 15, 2024, 4:11:04-6:35:56, URL: <https://maef.veorus.ru/video/2024> (Accessed: 21.05.2024). (In Russian)

4. Glazyev, S.Yu. (2024), What's Happening. Author's report to the Izborsk Club of Academician Glazyev, URL:<https://glazev.ru/articles/11-analitika-i-prognozy/106003-chto-proiskhodit?ysclid=lub7ikke5w598852139> (Accessed: 21.05.2024). (In Russian)
5. Gorodetsky, A.E. (2019), National Strategic Objectives and Economic Security. Transactions of the Free Economic Society of Russia. Vol. 217. No. 2. pp. 137-158. (In Russian)
6. «Tao Te Ching», § 57 (1972), Ancient Chinese Philosophy. Collection of texts in two volumes. Vol. 1. Moscow: «Mysl», pp. 114-138. (In Russian)
7. Izyumov, D.B., Kondratyuk, E.L. (2016), Civil network-centric wars. Innovation and expertise. Scientific works. Issue 3 (18). pp. 81-86. (In Russian)
8. Kirdyashova, E.V. (2025), State-legal ideals and a multipolar world. Lex Russica. No. 1. pp. 131-139. The Garant system. (In Russian)
9. Komolov, O.O. (2018), Capital outflow from Russia in the context of world-system analysis. Economic revival of Russia. No. 2 (56). pp. 128-140. (In Russian)
10. Laptinok, V.O. (2023), The European Union in the global competition of jurisdictions. Actual problems of Russian law. No. 11. November. pp. 174-190. The Garant system. (In Russian)
11. Lenin, V.I. (1969), The impending catastrophe and how to deal with it. Complete works. Vol. 34. July-October 1917. Moscow: Publishing house of Political literature. pp. 151-199. (In Russian)
12. Lenin, V.I. (1969), On the Revision of the Party Program. Complete Works. Vol. 34. July-October 1917. Moscow: Publishing House of Political Literature. pp. 351-381. (In Russian)
13. Lu shi chun qiu. (1973), Chapter thirteen. Part two. «The response is the same». Ancient Chinese philosophy. Collection of texts in two volumes. Vol. 2. Moscow: «Mysl». pp. 300-302. (In Russian)
14. Marx, K. (1960), Chapter Twenty-Four. The So-Called Primitive Accumulation. Capital. Critique of Political Economy. Volume One. Book I: The Process of Capital Production. K. Marx and F. Engels. Works. Vol. 23. Second edition. Moscow: State Publishing House of Political Literature. pp. 725-773. (In Russian)
15. Pankratova, A.M. (1945), The Policy of Neville Chamberlain. Chapter Twenty-Three. Consolidation of the Bloc of Fascist Aggressors and the

- Weakening of the Positions of Democratic Powers (1936-1937). History of Diplomacy. Volume Three. Diplomacy during the Preparation for World War II (1919-1939). Ed. by Academician V.P. Potemkin. Authors: Prof. Mintz I.I. Prof. Pankratova A.M., Academician Potemkin V.P., Academician Tarle E.V. and Kolchanovsky N.P. Moscow-Leningrad: State Publishing House of Political Literature. pp. 587-612. (In Russian)
16. Podberezkin, A.I., Kharkevich, M.V. (2015), Peace and war in the 21st century: experience of long-term forecasting of international relations development. Moscow state in-t of international. relations (university) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Center for military-political studies MGIMO MFA of Russia. Moscow: MGIMO-University. (In Russian)
  17. Ponomarev, V.N. (2018), Politics and diplomacy during the war years (1853-1855). Chapter IX. Crimean War. History of Russia's foreign policy: In 5 volumes. Vol. 3. The first half of the 19th century (From Russia's wars against Napoleon to the Paris Peace of 1856). Moscow: Academic project; Paradigm. (Concepts). pp. 380-401. (In Russian)
  18. Stalin, I.V. (1949), International situation and defense of the USSR. Speech on August 1, 1927. Stalin I.V. Complete works. V. 10. pp. 3-59. (In Russian)
  19. «Sun Tzu», (1972), Chapter Eleven. «Nine Locations». Ancient Chinese Philosophy. Collection of texts in two volumes. Vol. 1. Moscow: «Mysl». pp. 206-211. (In Russian)
  20. «Sun Tzu», (1972), Chapter Three. «Strategic Attack». Ancient Chinese Philosophy. Collection of texts in two volumes. Vol. 1. Moscow: «Mysl». pp. 204-206. (In Russian)

## Информация об авторе

ГОЛОСКОКОВ Леонид Викторович, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, Москва, Российская Федерация. E-mail: l.v.goloskokov@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4113-1571>

## Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

## Информация о статье

Поступила в редакцию: 11.04.2025. Одобрена после рецензирования: 06.05.2025. Принята к публикации: 02.06.2025. Опубликовано: 30.06.2025.

## Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

## About the author

Leonid V. GOLOSKOKOV, DSc (Law), Associate Professor, Leading Researcher of the Research Department of the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel and Organization of Research Work of the Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee, Moscow, Russian Federation. E-mail: l.v.goloskokov@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4113-1571>

## Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

## Article info

Submitted: 11.04.2025. Approved after peer review: 06.05.2025. Accepted for publication: 02.06.2025. Published: 30.06.2025.

## Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Научная статья

Политические науки

УДК 323

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-147-159](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-147-159)



### Задачи развития государственной политики Российской Федерации в сфере высоких технологий на современном этапе

Артём Ильич Зайончковский

Институт государственной службы и управления Российской академии  
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской  
Федерации, Москва, Российская Федерация  
[artemza12@gmail.com](mailto:artemza12@gmail.com)

*Аннотация.* Государственная политика Российской Федерации в сфере высоких технологий является стратегическим инструментом обеспечения технологического суверенитета (что имеет принципиальное значение в условиях гибридных войн), повышения глобальной конкурентоспособности и решения ключевых социально-экономических задач. В статье рассмотрены теоретические основы формирования и ключевые этапы развития государственной политики Российской Федерации в сфере высоких технологий, а также тренды и особенности развития общества, технологий и государственного управления. Статья призвана систематизировать подходы в вопросе изучения нормативно-правового регулирования государственной политики Российской Федерации в сфере высоких технологий, а также заложить основу для разработки прогнозов и рекомендации по развитию и созданию механизмов и инструментов реализации государственной политики в исследуемой теме.

*Ключевые слова:* общество, технологии, государственное управление, технологический суверенитет

*Для цитирования:* Зайончковский А.И. Задачи развития государственной политики Российской Федерации в сфере высоких технологий на современном этапе. Россия: общество, политика, история. 2025. №2(15). С. 147-159.

## POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Original article

Political sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-147-159](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-147-159)



### Development Objectives of the State Policy of the Russian Federation in the Sphere of High Technologies at the Present Stage

Artyom I. Zayonchkovskiy

Institute of Public Administration and Civil Service of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation  
[artemza12@gmail.com](mailto:artemza12@gmail.com)

**Abstract.** The state policy of the Russian Federation in the sphere of high technologies is a strategic tool for ensuring technological sovereignty, increasing global competitiveness and solving key socio-economic problems. In the article the author considers the theoretical foundations of formation and key stages of development of the state policy of the Russian Federation in the sphere of high technologies, as well as trends and features of development of society, technology and public administration. The article is designed to systematize approaches to the study of normative-legal regulation of public policy of the Russian Federation in the field of high technology, as well as to lay the foundation for the formulation of forecasts and recommendations for the development and creation of mechanisms and tools for the implementation of public policy in the topic under study.

**Keywords:** society, technology, governance, technological sovereignty

*For citation:* Zayonchkovskiy, A.I. Development Objectives of the State Policy of the Russian Federation in the Sphere of High Technologies at the Present Stage. Russia: Society, Politics, History. 2025. No. 2(15). pp. 147-159.

## Введение

Данная статья имеет своей целью исследовать предпосылки и особенности реализации государственной политики Российской Федерации в сфере высоких технологий в условиях гибридных войн, а также выявление перспектив ее дальнейшего развития., а также мер государственного стимулирования развития сферы. Таким образом, исследование будет состоять из трех смысловых блоков.

Научная база, направленная на изучение государственной политики РФ в сфере высоких технологий и цифровизации, широко представлена работами отечественных ученых, таких как Г.А. Малышева (2), Е.А. Попова, З.С. Мартемьянова (3), Е.С. Устинович (5) и ряда других исследователей. Перекрестный анализ научных работ приведенных авторов позволит комплексно структурировать процессы, связанные не только с формированием и реализацией государственной политики, но и ее последующей модернизацией.

Теоретические основы государственной политики в сфере высоких технологий основываются на социально-экономических концепциях, выдвинутых исследователями в XX-XXI веках. Они призваны объяснить и структурировать механизмы взаимодействия государства, общества и рынка в условиях динамично развивающейся технологической среды.

## Материалы и методы исследования

Исследование опирается на релевантную нормативно-правовую базу РФ в сфере развития высоких технологий, а также на экономические, социологические и юридические исследования по государственному управлению в технологическом секторе. В исследовании было использовано несколько методологических подходов. Основой для современной политики развития цифровых технологий является концепция инновационной экономики, выдвинутой австрийским экономистом Йозефом Шумпетером

в XX веке (6). Этот подход рассматривает инновации и современные технологии как ключевой элемент экономического развития. В основе концепции лежат представления о национальных инновационных системах, рассматривающих государственное управление как важный элемент в создании условий для развития инноваций, включая финансирование научных исследований, образование и вклад в технологическую инфраструктуру, а также понятие диффузии инноваций, термин применяемый для описания процесса распространения новых технологий и изучающий роль государства в ускорении этого процесса через субсидии, налоговые льготы и послабления в регулировании.

С данной концепцией перекликается теория о технологическом детерминизме, разработанная американским социологом, основоположником институционализма Торстейном Вебленом в 1920-е годы (4). В рамках оригинальной институциональной экономической теории технологические изменения определяют развитие не только общества и экономики, но и социальных институтов (таких как право, государство, мораль и др.), а также определяет, как и в какие сроки будут развиваться социально-экономические процессы. В свою очередь государственная поддержка в рамках теории рассматривается как критически важный механизм для ускорения прогресса и повышения конкурентоспособности страны.

Значительным прорывом в развитии концепций технологического государства стало появление теории сетевого общества, разработанной в 1980-е годы норвежцем Стайном Брэненом. Эта концепция описывает переход к обществу, основанному на сетях и взаимосвязанных коммуникациях, в котором государственное вмешательство направлено на обеспечение доступа к информационно-телекоммуникационным сетям и развитие цифровой и технологической инфраструктуры. Здесь можно отметить, что отдельные элементы этой теории уже воплощены в настоящее время с помощью современных технологий коммуникации. Примером могут послужить сайты социальных сетей, таких как Facebook<sup>30</sup>, X (бывший Twitter) и ВКонтakte. Мгновенный обмен сообщениями на базе социальных сетей, а также электронная почта являются главными доказательствами существования сетевого общества.

---

30 Принадлежит компании META, признанной в РФ экстремистской организацией.

Развитие теорий технологического и информационного общества в России началось в 1990-2000-е годы. Сразу стало очевидно, что у диффузии инноваций в России есть ряд особенностей, связанных с ее социально-экономическим и географическим положением, а также её политическим устройством. В своей статье «О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества» Г.А. Малышева отмечает, что процесс цифровизации в России сопровождается усилением цифрового неравенства, утратой приватности переписки и электронных сообщений, а также допускает усиление роли манипуляций общественным мнением посредством информационно-телекоммуникационных технологий. Вместе с тем в своей статье 2019 года А.В. Колесниковой и Е.С. Петренко описывают ряд вызовов, связанных с внедрением цифровых технологий в отечественной хозяйственной деятельности, среди которых можно выделить:

- недостаток квалифицированных кадров для работы с новыми технологиями;
- высокие затраты на внедрение цифровых решений;
- низкая готовность предприятий к изменениям и сопротивление внедрению инноваций;
- проблемы кибербезопасности при переходе на цифровые платформы (1, с. 20-27).

## Результаты исследования

Резюмируя сведения, полученные из теоретических источников, можно сформулировать основные цели и задачи, на выполнение которых должны ориентироваться органы власти Российской Федерации в реализации государственной политики в сфере высоких технологий.

К ключевым целям можно отнести:

1. распространение передовых информационных и технологических технологий на территории всей страны;
2. формирование комплексного, институционального подхода в реализации политики развития высоких технологий;
3. обеспечение общего доступа к благам технологического прогресса для всех категорий граждан.

Принимая во внимание особенности развития высоких технологий в Российской Федерации, а также теоретические основы реализации политики в сфере высоких технологий, можно сформулировать ряд задач государственной политики в данной отрасли государственного управления:

- разработка и реализация программ государственной поддержки проектов по внедрению современных информационных и коммуникационных технологий в регионах;
- обеспечение высокоскоростным интернетом всех населенных пунктов, включая удалённые и малонаселённые районы;
- создание инфраструктуры для обмена данными между различными регионами и отраслями экономики;
- поддержка научных исследований и разработок в области информационных и технологических технологий;
- создание межведомственных координационных советов и комиссий для согласования действий различных государственных органов; и организаций в вопросах развития высоких технологий.
- организация системы мониторинга и оценки результатов реализации политики развития высоких технологий;
- развитие образовательных программ, направленных на повышение уровня информационно-технологической грамотности населения;
- создание центров цифрового образования и консультативных служб для помощи гражданам в освоении новых технологий.

Формирование и развитие нормативно-правовой основы в сфере высоких технологий в Российской Федерации можно условно разделить на четыре ключевых этапа, отражающих изменения в экономической и технологической среде страны:

1. начало цифровой трансформации страны (1990-2000 годы);
2. формирование основ цифрового законодательства (2000-е годы);
3. цифровизация государственного управления (2010-е годы);
4. ускоренная цифровизация и внедрение передовых технологий (2020-е годы – настоящее время).

На формирование первого этапа повлиял в большей степени распад СССР, Россия начала адаптироваться к новой информационной реальности. Основные законодательные инициативы были направлены на первичное

формирование собственной правовой базы для использования компьютеров и телекоммуникаций.

В 1991-м году был принят закон РСФСР «О средствах массовой информации», ставший одним из первых документов, регулирующих информационные технологии в стране. В 1996 году был принят закон «Об информации, информатизации и защите информации», заложивший основы правового регулирования оборота информации и защиты персональных данных<sup>31</sup>. С учетом информационно-технологического прогресса тех лет, данные законы были приняты своевременно и заложили основу для принятия подзаконных НПА и осуществления контрольно-надзорной деятельности в сфере информационных технологий.

Второй этап характеризуется динамичным развитием Интернета и формированием в России сетевого общества. Вместе с тем выросло число пользователей цифровых услуг, в том числе - среди юридических лиц, а также количество персональных компьютеров и других цифровых носителей. Также этап характеризуется ростом числа киберпреступлений, кражи персональных данных и мошенничества в цифровом пространстве, в связи с чем важно было обеспечить защиту персональных данных и бизнес-процессов. Вышеупомянутые факторы определяют главную задачу этапа – сформировать основы нормативно-правового регулирования информационного общества, как системообразующего элемента развития индустрии высоких технологий.

На этом этапе был принят ряд важных законов, направленных на информатизацию общества, среди которых:

- Федеральный закон «Об электронной цифровой подписи», регулирующий электронный документооборот (как для физических, так и для юридических лиц)<sup>32</sup>;
- Федеральный закон «О персональных данных»<sup>33</sup>.

---

31 Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_61798/c5051782233accsa771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233accsa771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/) (дата обращения: 15.12.2024).

32 Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи». Информационно-правовой портал «Консультант Плюс». URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_112701/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/) (дата обращения: 11.12.2024).

33 Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Информационно-правовой портал «Консультант Плюс». URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_61801/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/) (дата обращения: 11.12.2024).

На этот этап также приходится создание Роскомнадзора (2009 г.), обеспечивающего контроль за распространением информации в сети и в настоящий момент.

Третий этап продолжает развитие идей из задач второго этапа, при этом появляется ряд важных изменений. Ключевым изменением становится систематизированный и стратегический подход к реализации политики, формирование стратегических документов правового регулирования высоких технологий, а также формирование и развитие крупных государственных информационных систем, направленных характеризуется рядом важных нововведений:

- информатизация государственного управления и государственных услуг. В начале 2010 года начал свою работу портал государственных услуг (Госуслуги), что значительно упростило взаимодействие граждан и бизнеса с государством;
- начало стратегического подхода в развитии цифрового общества и цифрового государства<sup>34</sup>;
- развитие информационных технологий в финансово-экономическом секторе в рамках государственной программы «Цифровая экономика»;
- ускоренное внедрение передовых технологий в производстве, увеличение мер государственной поддержки и финансирования расходных обязательств страны на развитие технологий. Создание «Роснано», «Сколково», «НТИ» и других государственных организаций и фондов, направленных на развитие технологий.

В период с 2006 по 2011 год была инициирована программа создания технопарков в сфере высоких технологий, курируемая Мининформсвязи (Минцифры России), направленная на создание инфраструктурных площадок концентрированного роста разработчиков промышленных и информационных технологий.

На текущем этапе (2020-е годы – настоящее время) развитие высоких технологий в России ориентировано на технологический суверенитет и импортозамещение технологий, а также интеграцию инноваций в ключевые

34 Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.». Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/> (дата обращения: 16.12.2024).

отрасли хозяйственной деятельности страны. Основные приоритеты современной политики:

- микроэлектроника и радиоэлектроника;
- робототехника и промышленная автоматизация;
- искусственный интеллект;
- биотехнологии.

Основными целями государственной политики, согласно новой концепции технологического развития до 2030 года, должны стать ответы на следующие вызовы: структурная деформация экономики и возросшая социальная напряженность, низкие темпы роста в области инноваций, отток высококвалифицированных кадров, нарушение цепочек поставок<sup>35</sup>.

## Выводы

Государственная политика Российской Федерации в сфере высоких технологий является стратегическим инструментом обеспечения технологического суверенитета России в условиях гибридных войн, повышения глобальной конкурентоспособности и решения ключевых социально-экономических задач. На основании теоретических источников удалось выделить ключевые цели государственной политики в сфере высоких технологий, применимых к реалиям Российской Федерации. Данные цели сфокусированы на улучшении доступа населения к современным технологиям, повышения цифровой грамотности, возвращении компетентных кадров для дальнейшего развития технологического сектора. Проведённый анализ нормативно-правовой базы и технологических реалий разных субъектов РФ позволил выделить ключевые особенности и механизмы реализации управленческой политики в сфере высоких технологий.

## Список источников

1. Колесникова А.В., Петренко Е.С. (2019), Влияние цифровой трансформации на российскую промышленность: вызовы

---

35 Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.». Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406831204/> (дата обращения: 16.12.2024).

- и возможности [The Impact of Digital Transformation on Russian Industry: Challenges and Opportunities]. Вопросы экономики и права. № 11. С. 20-27.
2. Малышева Г.А. (2018), О социально политических вызовах и рисках цифровизации российского общества [On Socio-Political Challenges and Risks of Digitalization of Russian Society]. Власть. Т. 26. №1. С. 40-46.
  3. Попова Е.А., Мартемьянова З.С. (2018), Государственная политика в области цифровой трансформации общества [State Policy in the Field of Digital Transformation of Society]. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. №3. С. 162-166.
  4. Татаренко Л.Г. (1981), Технологический детерминизм: теории, идеологические функции [Technological Determinism: Theories, Ideological Functions]. Минск: Наука и техника.
  5. Устинович Е.С. (2019), Цифровизация социальной сферы России [Digitalization of the Social Sphere of Russia]. Социальная политика и социальное партнерство. №2.
  6. Шумпетер Й.А. (1982), Теория экономического развития [Theory of Economic Development]. Пер. с нем. В. С. Автономова и др.; Под ред. В. С. Автономова. М.: Прогресс.

## References

1. Kolesnikova, A.V., Petrenko, E.S. (2019), The Impact of Digital Transformation on Russian Industry: Challenges and Opportunities. Issues of Economics and Law. No. 11, pp. 20-27. (In Russian)
2. Malysheva, G.A. (2018), On Socio-Political Challenges and Risks of Digitalization of Russian Society. Vlast. V. 26. No. 1. pp. 40-46. (In Russian)
3. Popova, E.A., Martemyanova, Z.S. (2018), State Policy in the Field of Digital Transformation of Society. Public and Municipal Administration. Scientific Notes. No. 3. pp. 162-166. (In Russian)
4. Tatarenko, L.G. (1981), Technological Determinism: Theories, Ideological Functions. Minsk: Nauka i Tekhnika. (In Russian)
5. Ustinovich, E.S. (2019), Digitalization of the Social Sphere of Russia.

- Social Policy and Social Partnership. No. 2. (In Russian)
6. Schumpeter, J.A. (1982), Theory of Economic Development, translated from German by V.S. Avtonomov et al., edited by V.S. Avtonomov. Moscow: Progress. (In Russian)

## Информация об авторе

ЗАЙОНЧКОВСКИЙ Артём Ильич, студент магистратуры по программе «Цифровое государство», Институт государственной службы и управления Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация. E-mail: artemza12@gmail.com

## Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

## Информация о статье

Поступила в редакцию: 07.03.2025. Одобрена после рецензирования: 13.05.2025. Принята к публикации: 02.06.2025. Опубликовано: 30.06.2025.

## Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

## About the author

Artyom I. ZAYONCHKOVSKIY, master's degree student of "Digital state" program, Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: artemza12@gmail.com

## Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

## Article info

Submitted: 07.03.2025. Approved after peer review: 13.05.2025. Accepted for publication: 02.06.2025. Published: 30.06.2025.

## Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.





# СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ

---



## СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Научная статья

Социологические науки

УДК 316.64

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-162-175](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-162-175)



### Новые граждане России: к вопросу о формировании ментальных установок на интеграцию в Россию у населения освобожденных территорий

Владимир Александрович Пызин

Институт государственной службы и управления Российской академии  
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской  
Федерации, Москва, Российская Федерация  
[7654232@mail.ru](mailto:7654232@mail.ru)

*Аннотация.* Статья содержит размышления автора о возможных технологиях переформатирования антироссийских установок у некоторой части жителей освобождённых в ходе СВО территорий, попавших под идеологическое воздействие «режима Зеленского». Для понимания мотивации и мировоззренческих установок жителей предлагается использовать методы социального психоанализа, в частности методы анализа ментальных полей и глубинных установок. Аргументируется, что для снижения степени переживания травмы необходима не только разъяснительная (на психотерапевтическом уровне) работа, но и большая работа по удовлетворению экзистенциальных потребностей и материальных потребностей жителей. Иными словами, речь идет о создании благоприятных условий среды проживания, в которой работа с мировоззрением новых граждан будет наиболее результативна. Автор статьи является руководителем группы исследователей, проводящих анализ настроений и ожиданий населения на

освобождённых территориях Украины. Выводы и рекомендации основаны на материалах, полученных в ходе полевых исследований.

*Ключевые слова:* СВО, новые регионы России, менталитет, ментальные установки, социальный психоанализ, освобождённые территории Украины

*Для цитирования:* Пызин В.А. Новые граждане России: к вопросу о формировании ментальных установок на интеграцию в Россию у населения освобожденных территорий. Россия: общество, политика, история. 2025. №2(15). С. 162-175.

## SOCIAL PSYCHOANALYSIS

Original article

Sociological sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-162-175](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-162-175)



### **New Citizens of Russia: On the Issue of Forming the Mental Attitudes towards Integration into the Russian Federation of the Population of the Liberated Territories**

Vladimir A. Pyzin

Institute of Public Administration and Civil Service of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation  
7654232@mail.ru

**Abstract.** The article contains the author's reflections on possible technologies for reformatting anti-Russian attitudes among some of the residents of the territories liberated during their liberation, who came under the ideological influence of the "Zelensky regime." To understand the motivation and worldview attitudes of residents, it is proposed to use methods of social psychoanalysis, in particular, methods of analyzing mental fields and deep attitudes. It is argued that in order to reduce the degree of trauma, not only explanatory (at the psychotherapeutic level) work is necessary, but also a lot of work to meet the existential needs and material needs of residents. In other words, we are talking about creating a favorable living environment in which working with the worldview of new citizens will be most effective. The author of the article is the head of a group of researchers analyzing the sentiments and expectations of the population in the liberated territories of Ukraine. The conclusions and recommendations are based on materials obtained during field research.

*Keywords:* SMO, new regions of Russia, mentality, mental attitudes, social psychoanalysis, liberated territories of Ukraine

*For citation:* Pyzin, V.A. New Citizens of Russia: On the Issue of Forming the Mental Attitudes towards Integration into the Russian Federation of the Population of the Liberated Territories. Russia: Society, Politics, History. 2025. No. 2(15). pp. 162-175.

## Введение

В ходе Специальной военной операции России на Украине по мере продвижения российских вооруженных сил образуются значительные освобожденные территории. Жители, проживающие на них, еще недавно были гражданами Украины. Некоторые из них искренне считали себя патриотами этой страны, верили в правдивость идеологии «режима Зеленского» и, естественно, не склонны быстро менять свои установки и убеждения. Однако степень подверженности идеологической индоктринации на разных территориях была разной. Существует разница между жителями вновь присоединенных к Российской Федерации областей, временно находящихся под оккупацией украинским режимом (территории Донецкой, Луганской, Запорожской, Херсонской областей) и жителями вновь освобожденных российской армией областей и городов Украины (например, Харьковской области). Об этих различиях не раз писали российские ученые. Собственно проблемы интеграции граждан новых территорий в российское пространство актуализировались после вхождения Крыма в состав Российской Федерации, что вызвало ряд исследований не только в области права и экономики, но и в области социологии, политологии, психологии (Бальбек Р.И., Комлева В.В. (1), Бунецкий, Л.Л. (2), Деликамова О.О. (4), Иванова Р.А. (8), Лубский А.В. (12), Харабуга В.В., Чигирин В.А. (16), и др.)

После 2022 года эта проблема максимально обострилась. О необходимости целенаправленной работы по интеграции новых граждан и формированию гражданской идентичности жителей освобождённых в ходе СВО территорий писали, например, Косов Г. В. (11), Ярмак О. В. (11; 18), Гарас Л. Н. (11), Николина В. В., Лощилова А. А. (13), Комлева В.В (1: 10), Нечаев В. Д. Весьма интересны исследования особенностей менталитета

жителей освобожденных территорий, в частности, исследования ментальной целостности полиэтнического социума Донбасса (Емельянова Н.Н. (7)), концептов «герой» и «героизм» как основы менталитета Донбасса (Долженко О.А. (5)).

Однако проблема технологий работы с глубинными пластами сознания, бессознательными, ментальными установками находится на начальном уровне разработки. На наш взгляд, в этих целях пока недооценены возможности социального психоанализа и интеграции его методов в технологии работы с общественным сознанием и коллективным бессознательным.

## **Материалы и методы исследования**

Материалы исследования составляют личные наблюдения автора статьи, интервью с главами местных органов власти и жителями освобождённых территорий в период пребывания автора статьи на этих территориях с целью проведения исследований.

Теоретические позиции автора формировались под влиянием идей социального психоанализа, прежде всего, теории коллективного бессознательного Юнга К.Г. (17), Колнаи А. (9), теории установки Узнадзе Д.Н. (14).

## **Результаты исследований**

В сложившейся ситуации очень важную роль в определении позиции жителей освобождённых в ходе СВО территорий играет содержание их ментальных, то есть неосознаваемых установок, как базовых, так и фиксированных. Мы исходим из того, что менталитет – это преимущественно неосознаваемые особенности восприятия объектов окружающего мира и реагирования на них. С точки зрения инструментария изучения и управления неосознанными или ментальными структурами психической деятельности наиболее интересными и результативными являются положения теории установки Д.Н. Узнадзе.

Менталитет носит массовидный характер и образует ментальные поля, связанные с ореолом его проявления. По степени выраженности

антироссийских установок и настроений ментальные поля Украины разделяет фарватер Днепра. Это связано как с традиционным преобладанием украинцев в этническом составе населения правобережных районов, так и с сильным влиянием западноукраинской политической культуры, носящей глубокие антирусские традиции. Антироссийские установки на сегодняшний день присущи части жителей всех регионов Украины как правобережной, так и левобережной. Однако по структуре ментальных образований имеются значительные различия.

На левом берегу преобладают антироссийские ментальные новообразования, искусственно созданные за последние 30 лет. В основном они связаны с целенаправленной фальсификацией истории Украины и России, внушением людям ложных нарративов о вечной вражде двух народов. Еще в 2006 году американские социологи проводили исследования на Украине и сделали вывод о том, что в менталитете украинского народа заложена ненависть к США и странам НАТО. Этот результат дал старт огромной работе с общественным сознанием, направленным на переформирование менталитета украинцев. Были задействованы практически все институты социализации, особенно институты воспитания и образования. И эта работа дала свои результаты – произошла индоктринация общественного сознания антироссийскими нарративами. Теперь на востоке Украины на самом простом ментальном уровне мы имеем дело с такими дихотомическими реакциями, как: свой – чужой; друг – враг; полезный – вредный и т.д. При восприятии России из подсознания жителя Украины, особенно молодого, вырываются такие новообразованные установки, как: враг, чужой, вредный, опасный и т.д. Чтобы их переформировать на обратное, российской власти надо сделать много полезного людям, и, одновременно с заботой о них, проводить серьезную разъяснительную работу. Следует помочь им отрефлексировать особенности и природу их негативных реакций, осознать их возможные последствия.

Там, где дело касается крайних во всех отношениях западноукраинских культур, в матрице ментального поля (6, с. 243-268) неприязнь ко всему русскому встроена в самый широкий спектр глубинных базовых установок, имеющих большой идеологический и исторический слой. Работа с таким типом ментальных полей значительно сложнее.

В любом случае, проблема переформатирования антироссийских ментальных установок как на левом, так и на правом берегу Днепра является

предметом профессиональной заботы представителей органов власти Российской Федерации. Целью работы с населением на освобождённых территориях является недопущение скатывания людей на позиции «ждунов», оппозиции российской власти и тем более вовлечение в сети активного вражеского подполья. Нельзя допустить, чтобы в работе с новыми гражданами России инициативу перехватили спецслужбы Украины, а они явно готовятся к этому. Специалисты в сфере внутренней политики, проводя разъяснительную работу с населением освобождённых территорий, должны объяснять людям, что попасть в сети вражеского подполья гораздо легче, чем из них вырваться.

Изучение опыта работы представителей органов местного самоуправления в тяжелейших условиях прифронтовой полосы показывает, что только постоянная забота о насущных экзистенциальных и материальных нуждах людей (вода, топливо, деньги), кропотливая разъяснительная работа позволяет решить трудную задачу благополучной адаптации граждан к российскому обществу и государству.

В механизме формирования мотивации поведения (как осознанной, так и неосознанной), в соответствии с теорией Хекхаузена Х. (15), ведущую роль играет взаимодействие или произведение сил диспозиции к ситуации. Это отношение в математическом выражении оформил Иван Комар в отчете о результатах нашего исследования поведения жителей прифронтовой полосы.

Если диспозиция, склонная к осторожному поведению, проявляется в произведении с ситуацией реальной опасности, то тренд мотивации определяется на реакции социального замирания, т.е. поведения «ждуна».

$$A = \Sigma (Dn * Sn)$$

Где:

A – значение действия

D – значение диспозиции

S – значение ситуации

n – количество актуализирующихся диспозиций и ситуаций

Если же диспозиция «бойца» (решительного человека) соединяется с ситуацией, дающей шанс с риском, тренд поведения направлен на социальную активность, деятельность для достижения значимых целей.

Таким образом, управление мотивацией и поведением возможно, кроме всего прочего, через формирование условий. Условий, невыносимых для бендеровцев, но привлекательных и комфортных для новых граждан России, готовых к интеграции. Анализ распределения интеграционных установок позволяет прогнозировать потенциал антироссийского подполья, над формированием которого с большой вероятностью работают спецслужбы Украины.

## **Выводы**

Анализ ситуации, сложившейся на освобожденных территориях, убеждает в необходимости расширения методов работы с населением как социально-экономического, так и социально-психологического характера. С учетом длительной антироссийской индоктринации населения потребуются привлечение методов социального психоанализа. Однако эти методы весьма разрознены и еще не адаптированы под решение указанных задач. В этой связи обозначим три ключевых направления работы. Во-первых, необходимо проанализировать, систематизировать и отобрать подходы и методы работы с общественным сознанием и коллективным бессознательным, наиболее релевантные решаемым задачам. Во-вторых, на основе отобранных подходов и методов потребуются разработки технологий их применения в конкретном контексте освобожденных территорий. В-третьих, реализация указанных технологий должна сопровождаться решением экзистенциальных проблем, улучшением материального положения населения и системной разъяснительной работой.

## **Список источников**

1. Бальбек Р.И., Комлева В.В. (2020), Политическая стабильность: Республика Крым [Political stability. Republic of Crimea]: монография. Москва: ФЛИНТА. 208 с.
2. Бунецкий Л. Л. (2021), Особенности массового политического менталитета граждан в условиях самоопределения Крыма и Севастополя: историко-политологический аспект [Features of Mass Political Mentality of Citizens in the Context of Crimea and

- Sevastopol's Self-Determination: Historical and Political Science Aspect]. Парадигмы истории и общественного развития. № 21-22. С. 45-56. EDN GYCYJV.
3. Губарев И. В. (2018), Интеграция греческой диаспоры Крыма в социокультурное пространство России [Integration of the Greek Diaspora of Crimea into the Sociocultural Space of Russia]. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Т. 4 (70). № S1. С. 147-149. EDN YONKDB.
  4. Деликамова О. О. (2016), Исследование специфики выраженности государственной идентичности в период социальной трансформации [Study of the Specifics of State Identity Expression during Social Transformation]. Перспективные исследования в науке: теория и практика : The Collection of Scholarly Papers. Том V. London : Общество с ограниченной ответственностью «Глобальное партнерство по развитию научного сотрудничества». С. 104-108. DOI 10.17809/0557468427-20. EDN WLQPUZ.
  5. Долженко О. А. (2023), Концепты «герой» и «героизм» как основа менталитета Донбасса [Concepts of 'Hero' and 'Heroism' as the Basis of Donbas Mentality]. Русский язык в поликультурном мире : VII Международный симпозиум: сборник научных статей : в 2 т., Ялта, 08–12 июня 2023 года. Том II. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. С. 38-44. EDN RAJXSA.
  6. Ежова З. В. (2021), Матрица ментального поля: возможность применения в политическом управлении (на примере Республики Мордовия) [Matrix of the Mental Field: Possibility of Application in Political Management (Case Study of the Republic of Mordovia)]. Внутренняя политика и лидерство: сборник научных трудов научно-практической школы политической профессииологии. Выпуск I. Под научной редакцией В.В. Комлевой. М.: Издательство ИПМИ. 2021. С. 243-268.
  7. Емельянова Н. Н. (2018), Проблема ментальной целостности полиэтнического Донбасса [Problem of Mental Integrity of Multi-Ethnic Donbas]. Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. № 1. С. 89-96. EDN XYKDYT.

8. Иванова Р. А. (2018), Коммуникативные аспекты социокультурной интеграции Крыма в Россию [Communicative Aspects of Sociocultural Integration of Crimea into Russia]. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Т. 4 (70). № S2. С. 3-10. EDN YONUDB.
9. Колнаи А. (2014), Психоанализ и социология: к психологии масс и общества [Psychoanalysis and Sociology: Towards a Psychology of Masses and Society]. пер. с нем. А. В. Чесалкиной. Ижевск: ERGO. 115 с. ISBN 978-5-98904-225-8.
10. Комлева В.В. (2024), Гражданская идентичность населения новых субъектов Российской Федерации: проблемы, политика, технологии [Civil Identity of the Population of New Subjects of the Russian Federation: Problems, Politics, Technologies]. Россия: общество, политика, история. № 4(13). С.130-147. [https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-4\(13\)-130-147](https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-4(13)-130-147)
11. Косов Г. В., Ярмак О. В., Гарас Л. Н. (2024), Галичина и Донбасс как идеальные модели региональной идентичности: социокультурные корни противостояния западной и восточной Украины [Galicia and Donbas as Exemplars of Regional Identity: Sociocultural Foundations of the Conflict between Western and Eastern Ukraine]. Вестник Института социологии. Т. 15. No 3. С. 107-134. DOI 10.19181/vis.2024.15.3.7. EDN MFHOTB.
12. Лубский А. В. (2018), Модальные модели социального поведения и особенности социальной интеграции Крыма в ментальное многообразие российского социума [Modal Models of Social Behavior and Features of Social Integration of Crimea into the Mental Diversity of the Russian Society]. Гуманитарий Юра России. Т. 7. № 3. С. 60-76. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.3.4. – EDN USUAIC.
13. Николина В. В., Лощилова А. А. (2023), Механизм формирования гражданской идентичности молодежи на территории новых субъектов Российской Федерации [Youth's civil identity formation mechanism on the territory of the new subjects of Russian Federation]. Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. No 70. С. 53-65. DOI 10.15382/sturlV202370.53-65. EDN TWXMEO.

14. Узнадзе Д.Н. (1997), Теория установки [Theory of Attitude]. М.: Институт практической психологии. 448 с.
15. Хекхаузен Х. (1981), Мотивация и деятельность [Motivation and Activity]; т 1. пер. с нем. под ред. Б.М. Величковского. Москва: Педагогика.
16. Чигрин В.А., Харабуга В.В. (2015), Ситуация в Крыму и формирование исторической памяти общества [Situation in Crimea and the Formation of Historical Memory of Society]. Вестник Института социологии. № 4 (15). С. 24–34.
17. Юнг К.Г. (2023), Об архетипах коллективного бессознательного [On the Archetypes of the Collective Unconscious]. ред. Даньшина Е.Н., пер. с немецкого Чечиной А.А. М.: АСТ. 224 с.
18. Ярмач О.В. (2023), Интеграция новых регионов в российское общество: социологический анализ переборки социальных пространств [New regions integration into Russian society: sociological analysis of social dimensions reconfiguration]. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. Севастополь. 421 с. URL:[https://disser.spbu.ru/files/2023/disser\\_yarmak.pdf](https://disser.spbu.ru/files/2023/disser_yarmak.pdf)

## References

1. Balbek, R.I., Komleva, V.V. (2020), Political stability: Republic of Crimea. Moscow: FLINTA. 208 p. (In Russian)
2. Bunetsky, L.L. (2021), Features of Mass Political Mentality of Citizens in the Context of Crimea and Sevastopol's Self-Determination: Historical and Political Science Aspect. Paradigms of History and Social Development. No. 21-22. pp. 45-56. EDN GYCYJV. (In Russian)
3. Gubarev, I.V. (2018), Integration of the Greek Diaspora of Crimea into the Sociocultural Space of Russia. Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology. V. 4 (70). No. S1. pp. 147-149. EDN YOHKDB. (In Russian)
4. Delikamova, O.O. (2016), Study of the Specifics of State Identity Expression during Social Transformation. Prospective Research in Science: Theory and Practice: The Collection of Scholarly Papers.

- Vol. V. London: Limited Liability Company “Global Partnership for the Development of Scientific Cooperation”. pp. 104-108. DOI 10.17809/0557468427-20. EDN WLQPUZ. (In Russian)
5. Dolzhenko, O.A. (2023), Concepts of ‘Hero’ and ‘Heroism’ as the Basis of Donbas Mentality. Russian Language in a Multicultural World: VII International Symposium: Digest of Scientific Articles, in 2 vols., Yalta, June 8–12, 2023. Vol. II. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University. pp. 38-44. EDN RAJXSA. (In Russian)
  6. Ezhova, Z.V. (2021), Matrix of the Mental Field: Possibility of Application in Political Management (Case Study of the Republic of Mordovia). Internal Policy and Leadership: Collection of Scientific Works of the Scientific and Practical School of Political Professionology, Issue I, edited by V.V. Komleva, Moscow: Izdatelstvo IRMI, pp. 243-268. (In Russian)
  7. Yemelyanova, N.N. (2018), Problem of Mental Integrity of Multi-Ethnic Donbas. Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities. No. 1. pp. 89-96. EDN XYKDYT. (In Russian)
  8. Ivanova, R.A. (2018), Communicative Aspects of Sociocultural Integration of Crimea into Russia. Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology. V. 4 (70). No. S2. pp. 3-10. EDN YONUDB. (In Russian)
  9. Kolnai, A. (1994), Psychoanalysis and Sociology: Towards a Psychology of Masses and Society, translated from German by A.V. Chesalkina, Izhevsk: ERGO. 115 p. ISBN 978-5-98904-225-8. (In Russian)
  10. Komleva, V.V. (2024), Civil Identity of the Population of New Subjects of the Russian Federation: Problems, Politics, Technologies. Russia: Society, Politics, History. No. 4(13). pp. 130-147. [https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-4\(13\)-130-147](https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-4(13)-130-147) (In Russian)
  11. Kosov, G.V., Yarmak, O.V., Garas, L.N. (2024), Galicia and Donbas as Ideal Models of Regional Identity: Sociocultural Roots of the Confrontation between Western and Eastern Ukraine. Bulletin of the Institute of Sociology. V. 15. No. 3. pp. 107-134. DOI 10.19181/vis.2024.15.3.7. EDN MFHOTB. (In Russian)
  12. Lubsky, A.V. (2018), Modal Models of Social Behavior and Features of Social Integration of Crimea into the Mental Diversity of the Russian

- Society. Humanitarian of the South of Russia. V. 7. No. 3. pp. 60-76. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.3.4. EDN USUAIC. (In Russian)
13. Nikolina, V.V., Loshchilova, A.A. (2023), Youth's civil identity formation mechanism on the territory of the new subjects of Russian Federation. Bulletin of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities. Series 4: Pedagogy. Psychology. No. 70. pp. 53-65. DOI 10.15382/sturIV202370.53-65. EDN TWXMEO. (In Russian)
  14. Uznadze, D.N. (1997), Theory of Attitude. Moscow: Institute of Practical Psychology. 448 p. (In Russian)
  15. Heckhausen, H. (1981), Motivation and Activity, Vol. 1, translated from German, edited by B.M. Velichkovsky. Moscow: Pedagogika. (In Russian)
  16. Chigrin, V.A., Harabuga, V.V. (2015), Situation in Crimea and the Formation of Historical Memory of Society. Bulletin of the Institute of Sociology. No. 4 (15). pp. 24–34. (In Russian)
  17. Jung, C.G. (2023), On the Archetypes of the Collective Unconscious, ed. by Danshina E.N., translated from German by Chechina A.A. Moscow: AST. 224 p. (In Russian)
  18. Yarmak, O.V. (2023), New regions integration into Russian society: sociological analysis of social dimensions reconfiguration. Doctoral dissertation in Sociology. Sevastopol. 421 p. URL: [https://disser.spbu.ru/files/2023/disser\\_yarmak.pdf](https://disser.spbu.ru/files/2023/disser_yarmak.pdf) (In Russian)

## Информация об авторе

ПЫЗИН Владимир Александрович, кандидат социологических наук, директор Центра избирательных технологий, научный руководитель школы политической профессиологии, автор и руководитель образовательной программы «Внутренняя политика и лидерство» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: 7654232@mail.ru

## Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

## Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.05.2025. Одобрена после рецензирования: 04.06.2025. Принята к публикации: 20.06.2025. Опубликовано: 30.06.2025.

## Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

## About the author

Vladimir A. PYZIN, CandSc (Soc.), Director of Center of electoral technologies, scientific director of the School of Political Professionology, author and head of the program “Internal Policy and Leadership” of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation. E-mail: 7654232@mail.ru

## Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

## Article info

Submitted: 15.05.2025. Approved after peer review: 04.06.2025. Accepted for publication: 20.06.2025. Published: 30.06.2025.

## Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.





# МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

---



## МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Научная статья

Политические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-178-200](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-178-200)



### Гибридная война – последний козырь в межгосударственном противоборстве Запада с Россией

Самбу Рабданович Цырендоржиев

Академия проблем военной экономики и финансов, Москва, Российская  
Федерация  
[akhanay@mail.ru](mailto:akhanay@mail.ru)

*Аннотация.* В статье приведены результаты решения научной задачи по обоснованию сущности понятия «гибридная война», а также основных средств её ведения. С этой целью рассматриваются актуальные аспекты межгосударственного взаимодействия Запада с Россией в современный период и в ближайшей перспективе, основные периоды (фазы) его развития и трансформации в межгосударственное противоборство в связи с нарастанием напряжённости международной и военно-политической обстановки. Показана логика реализации военных и невоенных угроз Российской Федерации во враждебные действия и их комплексирование в гибридную войну, определена сущность гибридной войны, как социально-политического явления, возникшего для разрешения крайне обострившихся геополитических, политико-экономических и цивилизационных противоречий между сторонами конфликта, показаны основные формы и способы ведения гибридной войны.

*Ключевые слова:* межгосударственное противоборство, международная и военно-политическая обстановка, военные и невоенные угрозы, национальная безопасность, гибридная война

*Для цитирования:* Цырендоржиев С.Р. Гибридная война – последний козырь в межгосударственном противоборстве Запада с Россией. Россия: общество, политика, история. 2025. №2(15). С.178-200.

## INTERNATIONAL RELATIONS

Original article

Political science

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-178-200](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-178-200)



### Hybrid War as the Last Trump Card in the Interstate Confrontation between the West and Russia

Sambu R. Tsyrendorzhiev

Academy of Military Economics and Finance, Moscow, Russian Federation  
[akhanay@mail.ru](mailto:akhanay@mail.ru).

**Abstract.** The article presents the results of solving the scientific problem of substantiating the essence of the concept of “hybrid war”, as well as the main means of its conduct. To this end, the current aspects of interstate interaction between the West and Russia in the modern period and in the near future, the main periods (phases) of its development and transformation into interstate confrontation in connection with the growing tension of the international and military-political situation are considered. The logic of the implementation of military and non-military threats of the Russian Federation into hostile actions and their integration into a hybrid war is shown, the essence of a hybrid war as a socio-political phenomenon that arose to resolve the extremely aggravated geopolitical, political, economic and civilizational contradictions between the parties to the conflict is shown, the main forms and methods of conducting a hybrid war are shown.

**Keywords:** interstate confrontation, international and military-political situation, military and non-military threats, national security, hybrid war

**For citation:** Tsyrendorzhiev, S.R. Hybrid War as the Last Trump Card in the Interstate Confrontation between the West and Russia. Russia: Society, Politics, History. 2025. No. 2(15). pp.178-200.

## Введение

Стратегическое планирование в РФ, направленное на обеспечение национальной безопасности, основывается на результатах стратегического прогноза, одной из составных частей которого является прогноз угроз<sup>36</sup>. Главное содержание прогноза угроз РФ составляет оценка развития международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО) на всю глубину стратегического планирования: на среднесрочную и долгосрочную перспективу. При этом ведущими факторами формирующими МО и ВПО являются межгосударственные отношения ведущих стран мира в важнейших регионах их взаимодействия. Начиная с 2014 года облик межгосударственных отношений стало представлять межгосударственное противоборство Западной коалиции во главе США с Россией, которое, по всеобщему признанию, вскоре оформилось в виде гибридной войны, логика развития которой привела к военному конфликту, прокси-войне Запада против России на украинском театре военных действий.

Однако, несмотря на повсеместное применение термина «гибридная война», его сущность так и не была определена, что затрудняет понимание происходящих событий, принятие управленческих решений и планирование мероприятий по обеспечению национальной безопасности РФ.

## Материалы и методы исследования

Объект исследования – межгосударственное противоборство России и Запада в современных условиях и в ближайшей перспективе развития международной и военно-политической обстановки.

Предмет исследования – гибридная война Запада против России, сущность, содержание, взаимосвязь с состоянием МО и ВПО. Основные формы и способы ведения гибридной войны.

Основные методы исследования – военно-политический анализ, системный метод.

---

36 Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 N 172-ФЗ (последняя редакция). СПС Консультант Плюс. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_164841/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/)

В ходе исследования использованы материалы открытой печати по теме исследования, а также результаты более ранних исследований, выполненных автором.

## Результаты исследования

В ещё недавней исторической ретроспективе, в XX веке, можно было вести речь об историческом противостоянии двух политических систем как доминанте развития международной обстановки. Но сегодня после развала СССР оно обрело свою истинную форму геополитического противостояния Запада и Востока (4; 9) и в XXI веке получило новые черты. Сегодня экспансии США и стран объединённого Запада противостоят незападные страны, а это, прежде всего страны БРИКС, ШОС и ЕАЭС (2). Они не являются некоей сплочённой коалицией, и национальные интересы этих стран далеко не во всех случаях совпадают или являются близкими. Упорное стремление Вашингтона восстановить ускользающее мировое лидерство, его неразборчивость и цинизм при выборе средств и способов действий придаёт состоянию и развитию МО и ВПО (рис. 1) непредсказуемый характер.

На рисунке показано, что по мере нарастания напряжённости, МО и ВПО меняют своё содержание в рамках обстановки: от обстановки мирного времени до обстановки военного времени. К сожалению, наиболее привычной для РФ являются «Кризисная» и «Конфликтная» МО и ВПО. В условиях такого рода обстановки широко применяются различные враждебные действия, основным содержанием которых являются торгово-экономические и другие санкции со стороны недружественных государств, прекращение дипломатических отношений, становятся явными признаки заблаговременной, а затем и непосредственной подготовки к агрессии наиболее враждебных стран, нарастание военной угрозы и вероятности военного конфликта.

Высшей по напряжённости стадией МО и ВПО и межгосударственного противоборства является обстановка военного времени, в рамках которой реализуется военная угроза, достигают исторического максимума враждебные действия против России. Так, число враждебных санкций против нашей страны превысило

28,5 тысячи, о чём заявил В.В. Путин на Пленарном заседании РСПП 18 марта 2025 года<sup>37</sup>.

**Рисунок 1.** Содержание МО и ВПО вокруг России (15; 16)  
**Figure 1.** Content of IR and IDPs around Russia



Враждебные действия в отношении РФ предпринимаются США и их сателлитами, к числу которых прежде всего относятся страны НАТО и ЕС. Эти действия дают все основания говорить о **межгосударственном противоборстве**.

В современных условиях ущерб, наносимый РФ враждебными действиями, их согласованный, системный характер дают повод говорить о возникновении качественно нового этапа межгосударственного противоборства. Сторонники такой точки зрения утверждают о существовании некоторых особенностей этого этапа противоборства. Они связаны, в частности, с тем, что этот этап

37 Из выступления В.В. Путина на Пленарном заседании РСПП 18.03.2025 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76474>

имеет размытые границы начала и окончания применения враждебных мер, высокую напряжённость межгосударственного противостояния и по своему содержанию не может быть отнесен ни к военному, ни к мирному времени. В начале XXI века такой способ разрешения межгосударственных противоречий получил за рубежом своё окончательное оформление, как «гибридная война». Гибридная война в США включена в классификацию военных конфликтов, где кроме неё присутствуют межгосударственные конфликты и конфликты с участием негосударственных формирований. Судя по опыту таких «гибридных войн», в ходе этого вида конфликтов вовсе не исключается проведение мероприятий с применением конвенциональной военной силы в форме демонстрационных действий, для формирования «опоры» для других силовых и несиловых враждебных действий. При этом различного рода нерегулярные вооружённые формирования, в том числе террористические организации, стоящие на содержании одной из конфликтующих сторон, могут вести реальные боевые действия присущими им способами.

Гибридная война против России продемонстрировала пример применения в качестве вооружённой силы США и НАТО государства – наёмника, нацистской Украины, средства прокси-войны.

Термин «гибридная война» получил в настоящее время довольно широкое распространение в отечественной публицистике и среди экспертного сообщества. (1; 8; 10). В связи с этим необходимо сформулировать позицию в отношении к экспорту этого понятия в отечественную теорию войны.

Здесь нельзя не отметить традиции формирования категорий военной науки, в особенности таких фундаментальных, как «война». В зарубежных классификациях войн легко добавляют их новые виды. Они различают химическую; биологическую; бактериологическую; геофизическую; информационную, экономическую, психологическую войны и т.д. При этом немаловажно подчеркнуть политическое значение введения в обиходное употребление понятия «война» применительно к любой области международных отношений, в особенности, если политика данного субъекта не нравится его визави. Его алармистский эффект даже при отсутствии доказательств враждебных действий российской стороны используется руководством США и их союзников (точнее говоря – вассалов) в отношениях с РФ.

Отечественная военная наука характерна большим, чем в западной военной науке консерватизмом и ответственностью в отношении к изменениям в системе понятий, описывающих её предметные области исследования (5; 6; 14). Так, перечисленные выше виды противоборства у нас называются войнами лишь символически, оставляя за понятием «война» прежнее содержание. Справедливости ради, нельзя не отметить, что акцент символичности при употреблении понятия «война» в перечисленных выше случаях многими специалистами не принимается к сведению. Это ещё одно обстоятельство, требующее вернуться к анализу определения «война».

Существующие определения войны определяют её как социально-политическое явление, представляющее собой (3; 5; 7; 14; 17):

- крайнюю степень противоборства государств (коалиций государств), народов, социальных, национальных либо религиозных групп, основное содержание которого составляет широкое применение военной силы. Для достижения поставленных в войне политических целей применяются также экономические, дипломатические, информационно-психологические и другие формы борьбы;
- крайнюю форму разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национально-религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами средствами военного насилия.

Анализ существующих представлений о сущности войны показывает отсутствие необходимости её расширительной трактовки и применение таких понятий, как гибридная война, экономическая война и другие. Напомним, что война предполагает не только ведение вооружённой борьбы, но и борьбы во всех областях межгосударственных отношений (здесь и далее имеются в виду и отношения между любыми другими, в т.ч. негосударственными субъектами). Однако главным признаком самой войны, её основным содержанием является применение военной силы. Экономическая, дипломатическая и другие виды борьбы между государствами с той или иной остротой могут существовать на любой стадии развития международной и военно-политической обстановки.

Вместе с тем нельзя утверждать, что в содержании войны как крайней формы межгосударственного противоборства, её заключительного периода, не появилось новых тенденций.

Цели межгосударственного противоборства между США с их сателлитами против России остаются неизменными длительное время и отражают сущность геополитического противостояния талассократии и теллуракратии или государств, исповедующих экспансию посредством моря и государств, историческая судьба которых связана с освоением материковых пространств (5; 9).

Однако, если до недавнего времени считалось, что сложившиеся противоречия, которые в данный исторический период нельзя разрешить путём переговоров между конфликтующими сторонами, разрешаются в военном конфликте, то опыт последних десятилетий XX века и начала XXI века говорит о возможности достижения целей военных конфликтов без применения вооружённых сил.

В настоящее время существенное возрастание количества, эффективности и разновидностей враждебных действий со стороны США и других стран Запада по отношению к России, а главное – увеличение ущерба экономике, различным сферам научной и культурной деятельности государства и общества позволяет пересмотреть устоявшуюся систему взглядов на межгосударственное противоборство. На рисунке 2 проиллюстрированы основные положения современного подхода к оценке межгосударственного противоборства и его отличия от прежнего.

Как известно, согласно существующей теории, военный конфликт традиционно включает в себя начальный период, последующий период (периоды) и завершающий период. Военному конфликту предшествует период нарастания военной угрозы. Последний период относится к международной и военно-политической обстановке мирного времени в её кризисной и конфликтной фазах (см. рис. 1 и 2).

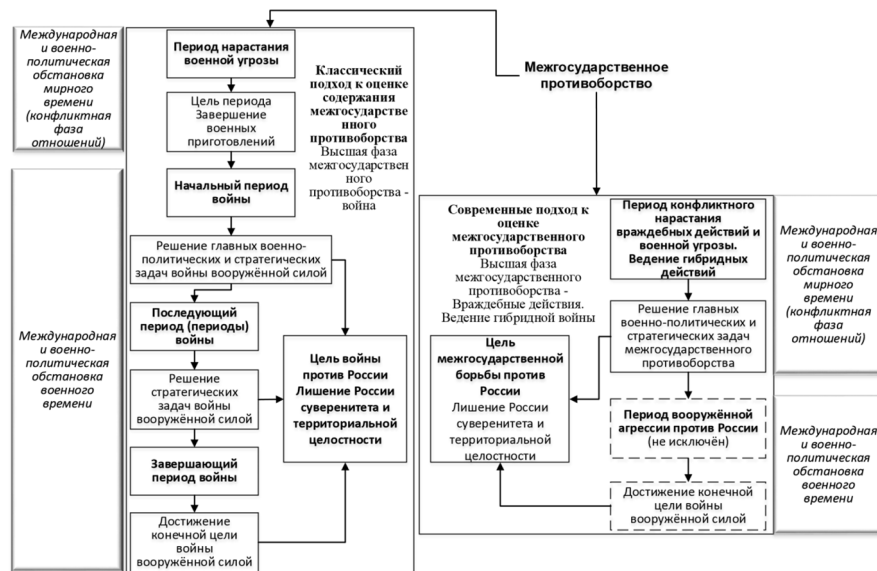
Однако, обязательный переход от МО и ВПО мирного времени к МО и ВПО военного времени, осуществляемый для достижения геополитических и военно-политических целей вооружённой силой, становится излишне рискованным, затратным. Гигантски возросшие возможности информационно-психологических операций, которые предваряют и поддерживают торговые и технологические, экономические, банковские и ресурсные санкции позволяют в не малом числе случаев достигать поставленных целей и без применения военной силы.

На рисунке 2 проиллюстрированы имевшая место в недавнем прошлом периодизация в развитии межгосударственного противоборства и современный подход к анализу межгосударственного противоборства.

То есть, при прежних подходах считалось бы, что актуальная цель США во главе Запада в межгосударственном противоборстве – лишение России суверенитета и территориальной целостности может быть достигнута только в войне против неё. В современных условиях до недавнего времени считалось, что эта же цель может быть достигнута в МО и ВПО мирного времени (конфликтная фаза обстановки) в результате конфликтного нарастания количества и объёма враждебных действий против России. Но в случае противоборства с Россией оказалось, что нельзя не предусматривать периода вооружённой агрессии и достижения поставленной цели вооружённой силой.

Реальное развитие МО и ВПО показало, что, во-первых, многочисленные разнородные санкции, наложенные на Россию со стороны США и других стран Запада, оказались неэффективными. Россия демонстрирует экономический рост, а также возрастание её политического влияния в мире. В этой связи В.В. Путин на пленарном заседании РСПП 18 марта 2025 года отметил: «Напомню только, в 2024 году рост ВВП Еврозоны составил 0,9 процента, «большой семёрки – 1,9 рост, а БРИКС – 4,9. В России два года подряд – и в прошлом, и в позапрошлом – 4,1» (15). И даже ведущаяся против нашей страны прокси-война на украинском ТВД при всестороннем материально-техническом и информационно-разведывательном обеспечении Украины, старательно выполнявшей роль вооружённого тарана против России, не смогла США и Западу даже приблизиться к их геополитическим и военно-политическим целям по её ликвидации. Всё это подтвердило вывод Джаведа Зафара о том, что «методы гибридной войны не действуют против сверхдержав» (1).

**Рисунок 2.** Развитие содержания межгосударственного противоборства<sup>38</sup>  
**Figure 2.** The Evolution of the Content of Interstate Confrontation



Однако в отношении более мелких игроков на геополитической арене мира, наиболее эффективным способом реализации притязаний крупных государств в настоящее время является гибридная война, которая в подобных случаях стала высшей фазой межгосударственного противоборства.

Нужно подчеркнуть, что *ключевой особенностью* межгосударственного противоборства с Россией является наличие у нашей страны мощного потенциала стратегического сдерживания. В связи с этим важнейшей военно-политической и стратегической задачей противника в последующий период межгосударственного противоборства и условием достижения геополитических целей будет снижение российского потенциала стратегического ядерного сдерживания до уровня, при котором возможностями стратегических ядерных сил сдерживания можно будет пренебречь. Поэтому нет сомнений в том, что методы и стратегии

38 Составлено автором.

гибридной войны против РФ будут и впредь широко применяться в практике межгосударственного противоборства. Вместе с тем будет ошибочно утверждать, что межгосударственный военный конфликт в его классическом понимании ушёл в прошлое. Цена такой ошибки может быть очень велика. В этой ситуации вновь встаёт вопрос, о том, к какой войне следует готовить Вооружённые силы России, её военную организацию, наконец, всё государство и население страны? К классической с её современными технологическими чертами или к гибридной?

Для ответа на этот вопрос необходимо уяснить сущность гибридной войны в её современном понимании и возможные направления развития этого социального явления в перспективе. В этой связи заслуживают внимания результаты исследований кандидата военных наук В. Бартоша, опубликованные в статье «Законы и принципы гибридной войны» в журнале Военная мысль №10 за 2022 год. (12). Однако автор так и не дал определения сущности гибридной войны, ограничившись указанием её роли как своеобразного «поворотного пункта» при переходе международной обстановки от обострения политического кризиса к гибридной войне с ограниченным применением военной силы.

Гибридная война и война в её традиционном понимании имеют несколько общих черт. Так, оба вида войны имеют одинаковые цели – лишение противника суверенитета и территориальной целостности с тем, чтобы устранить побеждённую страну с международной политической и исторической арены взаимодействия государств и наций, овладеть её ресурсами.

Как гибридная, так и традиционная войны могут быть развязаны в результате обострения межгосударственных противоречий, практически каждое из которых возможно довести до разряда антагонистических. Противоречия в экономической сфере, например, столкновение интересов разных стран во владении рынками сбыта могут быть обострены так же, как «спящие» территориальные претензии или борьба за доступ к источникам природных ресурсов. Движущей силой нагнетания напряжённости МО и ВПО является конфликт интересов и политические намерения военно-политического руководства во что бы то ни стало добиться удовлетворения своих амбиций при наличии достаточного международного влияния, экономического, военного и информационного потенциала.

Любой войне предшествуют различного рода враждебные действия, и они будут сопровождаться появлением военной опасности, затем военной угрозы и её нарастанием. Продолжительность периода проведения различных враждебных мер по отношению к противнику даже в его историческом измерении может быть значительной, но не бесконечной. Здесь возможны по крайней мере два исхода – переход к снижению напряжённости в отношениях между соперниками ввиду бесперспективности дальнейших конфликтных отношений, изменения политической конъюнктуры во враждующих странах и вокруг них и, второй вариант, – переход к следующей, высшей фазе напряжённости международной и военно-политической обстановки.

В последнем случае возможны два основных варианта развития обстановки – непосредственная подготовка и развязывание военных действий, сопровождаемые резким усилением давления в экономической и информационной политике, разрывом дипломатических отношений, или, второй вариант, – существенное ужесточение враждебных действий в отношении объекта агрессии, прежде всего применение силовых невоенных мер борьбы внешнеполитического и трансграничного характера, подрывных действий с использованием незаконных воинских формирований и экстремистских оппозиционных сил и другие враждебные действия, присущие гибридной войне.

Своего максимального развития по разнообразию и эффективности враждебные действия в межгосударственных отношениях достигли с начала XXI века. Это объясняется активным развитием процессов глобализации, охватившей все сферы политической, социальной, экономической, технологической, научной и культурной жизни человечества. В результате этого процесса существенно усилилась взаимная зависимость стран друг от друга и беспрецедентный рост роли финансово-экономических центров силы и технологически развитых государств, крупнейших корпораций, формирование сетевого характера их влияния. Всё это послужило стремительному повышению у правящих кругов США и стран Запада собственных представлений об их исторической роли и оправданности насаждения своей «модели демократии» в мировом сообществе. Таким образом, в руках геополитических соперников России оказались мощные рычаги влияния на мировую экономику, политику, развитие технологий в самых различных областях человеческой деятельности.

И ими наши противники, как известно, не преминули воспользоваться, а в ближайшей и среднесрочной перспективе с возрастанием потенциала враждебных действий их применение станет неременной составляющей межгосударственного противоборства.

В связи с этим, нужно всерьёз считаться с возможностью развязывания против России именно гибридной, а не традиционной войны, последствия которой могут быть фатальными для любого агрессора.

Так что же понимать под гибридной войной?

Употребление давно сложившегося термина «война» в данном случае налагает некоторые ограничения на представления о рассматриваемом явлении.

Прежде всего это касается *временных ограничений*. Если продолжительность традиционных войн ограничивается политическими и стратегическими целями, которые должны быть достигнуты при имеющихся у воюющей стороны ресурсах, то, рассуждая аналогично, и гибридная война должна быть ограничена некоторыми реальными сроками. Временные границы могут быть в данном случае так же определены поставленными целями и глубиной планирования различного рода невоенных кампаний и операций, проводимых в гибридной войне, а также продолжительностью их последствия на подвергшихся враждебным и подрывным действиям объектах.

Любая война, как сложнейшая система политических, экономических, дипломатических и других враждебных действий в сочетании с военными действиями должна быть хорошо спланирована и обеспечена ресурсами. Не будет ошибкой полагать, что в основе *плана гибридной войны* будут лежать цели войны, замысел их достижения и основные военно-политические и стратегические задачи, для решения которых будут разработаны планы кампаний (операций) применения силовых и несиловых невоенных враждебных действий, связывающие между собой выделенные для их реализации силы, средства и материальные ресурсы по целям, задачам и периодам действий. Виды и последовательность проведения враждебных действий будут определять *характер гибридной войны*.

В зависимости от замысла войны, проводимых в ходе её ведения кампаний, операций и их результатов, гибридная война, как и традиционная война может включать в себя несколько периодов: начальный, последующие

и завершающий. Чёткие границы таких периодов в гибридной войне определить сложно, но, судя по всему, начальный период войны закончится после проведения первых операций (информационно-психологических, киберопераций в сочетании с диверсионными и другими подрывными действиями). Эффективность первых операций в решающей степени будет зависеть от выбора объектов враждебных действий, их уязвимости от избранных невоенных силовых или несиловых мер. Результат начального этапа определит необходимость последующих этапов или возможность перехода к завершающему периоду гибридной войны, когда возможно и откровенное применение регулярных вооружённых сил, которые должны восприниматься хотя бы частью населения, как освободители, миротворцы.

Рассмотрев основные черты гибридной войны, часть из которых происходят от традиционной войны, но остальные присущие только этому социально-политическому явлению, можно перейти к формулированию самого понятия «гибридная война».

Впервые этот термин появился в документах военного планирования США и Великобритании в начале XXI века. Предполагалось, что с использованием стратегии «гибридной войны» можно достичь подчинения определённой территории в результате проведения информационных, и кибернетических операций в сочетании с действиями вооружённых сил, специальных служб и интенсивным экономическим давлением. Наиболее полно определение «гибридной войны» дано в предисловии «Military Balance 2015» – ежегодного издания Лондонского Международного института стратегических исследований: «Использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, используемых в дипломатических действиях; масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации; прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий; в сочетании с экономическим давлением»<sup>39</sup> (11).

Несколько иное, но схожее определение даёт Зафар Джавед: «Гибридная война также определяется как способ ведения войны...» (1). Соглашается с этим мнением и А.А. Бартош утверждающий, что гибридная война - механизм влияния на строптивых соперников для подчинения их

---

39 Рейтинг военных потенциалов. 28 марта 2015 г. URL: <https://topwar.ru/71850-reyting-voennyh-potencialov.html>

воле Вашингтону и Брюсселю (12). В целом согласен с ними и Кабаченко А. М. утверждающий, что «суть гибридных войн заключается в достижении политических целей преимущественно за счёт внутреннего разложения противника с минимальным, по возможности, силовым воздействием» (13). Очевидно, что такого рода определения носят описательный характер, но не раскрывают социально-политическую сущность гибридной войны.

Несколько дальше на пути определения сущности гибридной войны продвинулась Н.А. Комлева: «Гибридная война — это совокупность действий, направленных на разрушение всех основных геополитических пространств общества-соперника, то есть на его абсолютное сокрушение. При этом агрессия во всех основных типах геополитических пространств осуществляется одновременно» (12).

Предлагается следующее определение гибридной войны, как формы межгосударственного противоборства.

*Гибридная война* представляет собой крайнюю форму разрешения социально-политических, экономических, идеологических, территориальных и других противоречий между государствами (коалициями государств), преимущественно невоенными враждебными действиями как силового, так и несилового характера. Военно-политические и стратегические цели противоборствующих сторон состоят в разрешении сложившихся антагонистических противоречий в свою пользу за счёт устранения существующего у противника политического режима, захвата его территории, разгрома вооружённых сил и принуждения к выполнению политических условий победителя. Для достижения поставленных политических целей в гибридной войне также применяются оппозиционные силы внутри государства-жертвы, поддерживаемые извне.

*Содержание гибридной войны* характеризуется проведением информационных, информационно-психологических, кибернетических кампаний и операций, враждебных дипломатических действий, подрывных экономических операций, диверсий. Виды применяемых средств воздействия — информационное и психологическое «оружие», провокационные и ложные действия, дезинформация и пропаганда, средства радиоэлектронной разведки и противодействия, экстремистские формирования, силы специальных операций, а в отдельных случаях конвенциональные и иррегулярные вооружённые силы.

Особенностью ведения враждебных действий в ходе гибридной войны является комбинирование открытых и тайных военных действий в сочетании с отрицанием собственной причастности противника к ним, что значительно затрудняет организацию и осуществление полноценного ответа на них. В результате возникает неоднозначность в социально-политическом состоянии общества, так как обыватель зачастую не понимает сути происходящего: от кого исходит угроза, как она проявляется, чем и как противостоять ей.

Гибридные войны начинаются с информационной и информационно-психологической операций, в ходе которых организуется массированные информационные вбросы в социальные сети с целью дискредитации органов власти страны, против которой ведётся война, их внешнеполитического и экономического курса, социальной политики. Затем с использованием различных подрывных действий вплоть до диверсий и саботажа в системе ресурсного и энергообеспечения, раскачивается социально-политическая ситуация. Экономические институты государства подвергаются давлению, вводятся экономические санкции, закрываются возможности для нормальной внешнеэкономической деятельности. Активизируются оппозиционные силы внутри страны, организации, средства массовой информации, содержащиеся на иностранные гранты и тем самым, формируется «пятая колонна», обеспечивающая проведение в жизнь идей агрессора.

Использование технологического развития информационной сферы в развитии общества сочетается с развитием военного дела. Сетецентрические принципы и способы организации управления войсками и оружием и обеспечения военных действий в развитых странах мира осваиваются в повседневной практике оперативной и боевой подготовки и в ведущихся военных конфликтах. Сетевая организация мероприятий гибридной войны является её важной отличительной чертой.

Важной практической задачей государственного и военного управления является своевременное вскрытие подготовки и начала гибридной войны. Для решения этой задачи необходимо уметь выявить *существенные признаки гибридной войны, отличающие её начало от текущего течения враждебных действий*. Для получения объективных выводов из оценки напряжённости МО и ВПО, начале гибридной войны или отсутствии такой угрозы в распоряжении военно-политического руководства необходимо

иметь соответствующую систему мониторинга и поддержки принимаемых решений для выработки мероприятий по противодействию враждебным действиям и предотвращению развязыванию гибридной войны. Разработка таких систем является актуальной научной задачей для научного комплекса России.

## Выводы

Основным и решающим средством межгосударственного противоборства благодаря изменению соотношения вкладов военных и невоенных видов борьбы в общий политический результат стала гибридная война.

Геополитическое противостояние США со странами Запада и РФ в форме межгосударственного противоборства в значительной степени формирует повестку дня на внешнеполитической арене с начала XXI века. Попытки политического руководства США постепенно снять с себя задачи борьбы с Россией и возложить их на Европу не отменяют общего враждебного антироссийского тренда в политике объединённого Запада. Показательно, что, не закончив военные действия на украинском ТВД, Европа готовится к новой войне с Россией. Историческая устойчивость существования России во многом определяется своевременным вскрытием опасностей и угроз национальной безопасности, что должно опираться на глубокое понимание существа, направленности, форм и способов враждебных действий в условиях современного межгосударственного противоборства. От того, будет ли способна Россия, как одна из немногих стран, имеющих право существовать, как нация-государство, соответствовать исторической цивилизационной роли, зависит судьба не только населяющих её народов, но и всего мира.

## Список источников

1. Анжей В. (2021), Гибридная война – абсолютное оружие XXI века [Hybrid War – The Absolute Weapon of the 21st Century]. Военное обозрение. 5 октября. URL: <https://topwar.ru/187708-gibridnaja-vojna-absoljutnoe-oruzhie-xxi-veka.html>
2. Баканова М. (2023), БРИКС, ШОС, ЕАЭС – основа нового миропорядка. Союз Дружественных стран [BRICS, SCO, EAEU – The

- Foundation of a New World Order. Union of Friendly Countries]. 29 мая 2023. Блог РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/marina-bakanova/briks-shos-eaes-osnova-novogo-miroporyadka-soyuz-druzhestvennykh-stran/>
3. Бартош А.А. (2022), Законы и принципы гибридной войны [Laws and Principles of Hybrid Warfare]. Военная мысль. №10. С. 6-14.
  4. Безопасность России: геополитические и военно-политические аспекты [Security of Russia: Geopolitical and Military-Political Aspects] (2006). Учебное пособие. В.И. Анненков, С.Н. Баранов и др. М.: РУСАВИА.
  5. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты [Security of Russia. Legal, Socio-Economic, and Scientific-Technical Aspects] (2014). Тематический блок «Национальная безопасность». Геополитика и безопасность. Энциклопедический словарь-справочник. Под общ. ред. В.А.Баришпольца. М.: МГОФ «Знание».
  6. Военный энциклопедический словарь [Military Encyclopedic Dictionary] (2002). Редкол.: А.П. Горкин, В.А. Золотарев и др. М.: РИПОЛ КЛАССИК. 1664 с.
  7. Война и мир в терминах и определениях [War and Peace in Terms and Definitions] (2004). Под ред. Д.О. Рогозина. М.
  8. Джавед З. (2020), Гибридная война в XXI веке: анализ западных концепций [Hybrid War in the 21st Century: Analysis of Western Concepts]. АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов». URL: <https://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/348/gibridnaya-vojna-v-xxi-veke-analiz-zapadnyh-konczenczij-9081>
  9. Дугин А. Г. (2000), Основы геополитики; Геополитическое будущее России; Мыслить пространством [Fundamentals of Geopolitics; Geopolitical Future of Russia; Thinking in Space]. 4-е изд. Москва : АРКТОГЕЯ-центр.
  10. Золотухин В.М., Логинова Г.Е. (2017), К вопросу о природе и сущности гибридной войны в современном мире: философско-культурологический аспект [On the Nature and Essence of Hybrid War in the Modern World: Philosophical and Cultural Aspect]. Вестник КемГУки. № 41. С. 99-104.

11. Кабаченко А. М. (2020), Особенности ведения войны в современных условиях: характерные черты «гибридных» войн [Features of Waging War in Modern Conditions: Characteristic Traits of 'Hybrid' Wars]. МГИМО: сайт. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d5c/osobennosti-vedeniyavojny-v-sovremennyh-usloviyah.pdf>.
12. Комлева Н.А. (2017), Гибридная война: сущность и специфика [Hybrid War: Essence and Specifics]. Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. Т. 12. № 3 (167). С.128-137.
13. Конышев В., Парфенов Р. (2019), Гибридные войны: между мифом и реальностью [Hybrid Wars: Between Myth and Reality]. Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 12. С. 56-66. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66>
14. Общая теория национальной безопасности [General Theory of National Security] (2002): Учебник. Под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: Изд-во РАГС.
15. Партикулярные формы военных действий. Невоенное противоборство в XXI веке [Particular Forms of Military Actions. Non-Military Confrontation in the 21st Century] (2021). Монография. Под ред. С.Ф. Викулова. Издание второе, дополненное М.: АПВЭ и Ф.
16. Подберёзкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р. (2015), Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты [Modern International Situation: Civilizations, Ideologies, Elites]. М.: МГИМО Университет.
17. Шаров А. Е. (2022), История происхождения и эволюция концепции и методов ведения гибридной войны [History of Origin and Evolution of the Concept and Methods of Hybrid Warfare]. Монография. М.: Мир науки. 155 с.

## References

1. Anzhei, V. (2021), Hybrid War – The Absolute Weapon of the 21st Century. Military Review, October 5. <https://topwar.ru/187708-gibridnaja-vojna-absolutnoe-oruzhie-xxi-veka.html> (In Russian)
2. Bakanova, M. (2023), BRICS, SCO, EAEU – The Foundation of a New

- World Order. Union of Friendly Countries. RIAC Blog, May 29. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/marina-bakanova/briks-shos-eaes-osnova-novogo-miroporyadka-soyuz-druzhestvennykh-stran/> (In Russian)
3. Bartosh, A.A. (2022), Laws and Principles of Hybrid Warfare. Military Thought. No. 10. pp. 6-14. (In Russian)
  4. Security of Russia: Geopolitical and Military-Political Aspects (2006). Tutorial. V.I. Annenkov, S.N. Baranov, et al. Moscow: RUSAVIA. (In Russian)
  5. Security of Russia. Legal, Socio-Economic, and Scientific-Technical Aspects (2014). Thematic Block "National Security." Geopolitics and Security. Encyclopedic Dictionary-Reference Book. Edited by V.A. Barishpoltz. Moscow: MGOF "Znanie". (In Russian)
  6. Military Encyclopedic Dictionary (2002). Edited by A.P. Gorkin, V.A. Zolotarev, et al. Moscow: RIPOL CLASSIC. 1664 p. (In Russian)
  7. War and Peace in Terms and Definitions (2004). Edited by D.O. Rogozin. Moscow. (In Russian)
  8. Dzhaved, Z. (2020), Hybrid War in the 21st Century: Analysis of Western Concepts. Center for Strategic Assessments and Forecasts. URL: <https://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/348/gibridnaya-vojna-v-xxi-veke-analiz-zapadnyh-koncenczij-9081> (In Russian)
  9. Dugin, A.G. (2000), Fundamentals of Geopolitics; Geopolitical Future of Russia; Thinking in Space. 4th ed. Moscow: ARKTOGEYA-Tsentr. (In Russian)
  10. Zolotukhin, V.M., Loginova, G.E. (2017), On the Nature and Essence of Hybrid War in the Modern World: Philosophical and Cultural Aspect. Bulletin of KemGUKI. No. 41. pp. 99-104. (In Russian)
  11. Kabachenko, A.M. (2020), Features of Waging War in Modern Conditions: Characteristic Traits of 'Hybrid' Wars. MGIMO Website. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d5c/osobennosti-vedeniyavojny-v-sovremennyh-usloviyah.pdf>. (In Russian)
  12. Komleva, N.A. (2017), Hybrid War: Essence and Specifics. Proceedings of the Ural Federal University. Series 3, Social Sciences. V. 12. No. 3 (167). pp. 128-137. (In Russian)
  13. Konyshchev, V., Parfenov, R. (2019), Hybrid Wars: Between Myth and

- Reality. World Economy and International Relations. V. 63. No. 12. pp. 56-66. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66> (In Russian)
14. General Theory of National Security (2002). Textbook. Edited by A.A. Prokhozhev. Moscow: Izdatelstvo RAGS. (In Russian)
  15. Particular Forms of Military Actions. Non-Military Confrontation in the 21st Century (2021). Monograph. Edited by S.F. Vikulov. 2nd ed., revised. Moscow: APVE and F. (In Russian)
  16. Podberyozkin, A.I., Sokolenko, V.G., Tsyrendorzhiev, S.R. (2015), Modern International Situation: Civilizations, Ideologies, Elites. Moscow: MGIMO University. (In Russian)
  17. Shagov, A.E. (2022), History of Origin and Evolution of the Concept and Methods of Hybrid Warfare. Monograph. Moscow: Mir Nauki. 155 p. (In Russian)

## Информация об авторе

ЦЫРЕНДОРЖИЕВ Самбу Рабданович, кандидат военных наук, доцент, действительный член Академии проблем военной экономики и финансов, Москва, Российская Федерация. E-mail: akhanay@mail.ru.

## Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

## Информация о статье

Поступила в редакцию: 11.04.2025. Одобрена после рецензирования: 20.05.2025. Принята к публикации: 05.06.2025. Опубликована: 30.06.2025.

## Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

## About the author

Sambu R. TSYRENDORZHIEV, CandSc (Mil.), Associate Professor, Full Member of the Academy of Military Economics and Finance, Moscow, Russian Federation. E-mail: akhanay@mail.ru.

## Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

## Article info

Submitted: 11.04.2025. Approved after peer review: 20.05.2025. Accepted for publication: 05.06.2025. Published: 30.06.2025.

## Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

## МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Научная статья

Политические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-201-223](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-201-223)



### Стратегии обучения иностранцев в России в контексте международной образовательной дипломатии

Анна Георгиевна Цыпкина

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская  
Федерация

[anna021090@yandex.ru](mailto:anna021090@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-5267-7924>

***Аннотация.*** Современная Россия унаследовала от Советского Союза разветвлённую сеть образовательных учреждений и некоторые традиции образования, которые обуславливаются её историческими задачами и геополитическим положением. С течением времени советские стандарты образования частично устарели, частично были искусственно отменены, а само Российское государство столкнулось с рядом новых вызовов, которые предполагают возвращение Российской Федерации в ряд мировых держав с конкурентным уровнем образования. Во внутриполитическом отношении российские вузы на своём пути к улучшениям сталкиваются с рядом задач, которые невозможно выполнить без поддержки государства и согласованной работы ряда ведомств. Этот внутриполитический аспект улучшения быта и российского образования тесно связан с международным. На повестке дня – создание российских рейтингов вузов, ориентированных на мировой рынок, специальных порталов с предложениями и рекламой ряда образовательных возможностей,

а также работа, связанная с продвижением и признанием российского образования на международной арене. В статье делается обзор литературы по ключевым проблемам и характерным для последних лет тенденциям в их эволюции и развитии, сравнивается и оценивается советское наследие с современными практиками и предлагаются пути решения некоторых основных проблем на основе советского и зарубежного опыта.

*Ключевые слова:* СССР, образование, иностранные студенты, западный опыт, переосмысление советского опыта, статистика, образовательная политика

*Для цитирования:* Цыпкина А.Г. Стратегии обучения иностранцев в России в контексте международной образовательной дипломатии. Россия: общество, политика, история. 2025. №2(15). С. 201-223.

## INTERNATIONAL RELATIONS

Original article

Political sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-201-223](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-201-223)



### Strategies for Educating Foreigners in Russia in the Context of International Educational Diplomacy

Anna G. Tsyapkina

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

[anna021090@yandex.ru](mailto:anna021090@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-5267-7924>

**Abstract.** Modern Russia has inherited from the Soviet Union an extensive network of educational institutions and some educational traditions, which are determined by its historical objectives and geopolitical position. Over time, Soviet standards of education have become partially outdated, partially artificially abolished, and the Russian state itself has faced a number of new challenges that involve the return of the Russian Federation to a number of world powers with a competitive level of education. From an internal political point of view, Russian universities, on their way to improvement, face a number of tasks that cannot be accomplished without the support of the state and the coordinated work of a number of departments. This domestic political aspect of improving everyday life and Russian education is closely linked to the international one. The agenda includes the creation of Russian university ratings focused on the global market, special portals with offers and advertising of a number of educational opportunities, as well as work related to the promotion and recognition of Russian education in the international arena. The article provides a review of the literature on key issues and trends in their evolution and development characteristic of recent years, compares and evaluates the Soviet legacy with

modern practices, and suggests ways to solve some of the main problems based on Soviet and foreign experience.

**Keywords:** USSR, education, foreign students, western experience, rethinking the Soviet experience, statistics, educational policy

**For citation:** Tsyapkina, A.V. Strategies for Educating Foreigners in Russia in the Context of International Educational Diplomacy. Russia: Society, Politics, History. 2025. No. 2(15). pp. 201-223.

## Введение

В данной статье будет рассмотрен международный аспект модернизации российского экспорта образования с точки зрения образовательной дипломатии РФ, связанный с международным правом, дипломатией, глобальной повесткой и отношениями между странами. К числу таких вопросов, связанных с международными отношениями, относятся связи между вузами и иностранными выпускниками, совместные научные и культурные проекты, актуальные и реальные рейтинги вузов, мировая конкуренция за студентов между странами и возможность получения в российском вузе актуального опыта для рынка труда в стране-поставщике и в мире.

## Материалы и методы исследования

Статья основана на статистических материалах, на научных статьях последних лет и на новостных данных сайтов посольств, министерств и вузов, а также студенческих клубов выпускников и агентств по обмену, представляющих образовательные программы, а также данных маркетинговых агентств, рекламирующих или помогающих выбрать образовательные услуги. В статье также используются данные выступлений представителей вузов на Конгрессе молодых учёных в Сочи в ноябре 2024 года на специальной сессии, посвящённой привлечению иностранных студентов в российские вузы. На основе собранной информации автор рассказывает об основных вызовах, стоящих перед государством и связанных

с обучением иностранных студентов в России, сравнивает их с практиками обучения студентов в СССР и с современными иностранными практиками ответов на такие вызовы. Основные методы: анализ, синтез, сравнительно-исторический, синхронический метод и метод диахронного анализа.

## Результаты исследования

Среди актуальных запросов иностранных студентов при обучении в РФ – возможность трудоустройства после российского вуза в другом государстве<sup>40</sup> или в России, высокий рейтинг российского университета (и его диплома соответственно) на международной арене, наличие и эффективность двойных дипломов, а также появление российских рабочих проектов, которые позволят сохранить деловые контакты после окончания вуза. Возможность участия в российских грантах иностранцам также на данный момент нуждается в корректировке, потому что конкурсы по странам объявляются при малом сопутствующем информационном сопровождении, и запланировать такое сотрудничество могут разве только люди, обладающие инсайдерской информацией<sup>41</sup>. Всё это требует, помимо модернизации российского законодательства и введения внутрироссийских программ, заключения соглашений со странами-поставщиками иностранных студентов.

Создание клубов выпускников в России и поддержка связи с клубами выпускников российских вузов за границей могли бы стать дополнительной мерой культурной политики по установлению дружеских контактов между странами. Европейская практика общественных организаций выпускников определённого вуза во многом построена на особенностях общества той страны, о которой идёт речь, и слепое копирование опыта на российскую действительность не даст ожидаемых результатов. При изучении западноевропейского опыта необходимо обращать внимание на то, какие деловые и социальные бонусы даёт участие в том или ином

---

40 Анализ ситуации сделан с учётом того, какой ситуация была до СВО и какой она может стать после её окончания.

41 Тут имеются в виду не специализированные конкурсы с конкретной страной, а участие иностранцев в российских исследовательских грантах – возможно, с ограниченной (необязательной!) квотой.

волонтерском мероприятии. Любое привлечение выпускников с целью передачи опыта невозможно построить на одной надежде на сильную альтруистическую составляющую этих выпускников. Исключительно альтруистическое наставничество в данном случае обречено, поскольку такие международные организации не могут быть благотворительностью, тем более благотворительностью безыдейной. Наставничество должно быть не только социально одобряемой занятостью, но оплачиваемой, и в идеале должно строиться на более долгосрочной заинтересованности. Так, западноевропейские ассоциации выпускников основаны на завязывании деловых контактов и возможном поиске работы. Если общественная работа не даёт никаких бонусов при устройстве на работу, как это происходит, например, в США, то есть не учитывается в резюме и не даёт возможности выхода на потенциального работодателя или потенциального коллегу, то такая ассоциация (даже если ей удастся институционально появиться на свет) либо не просуществует долго, либо не принесёт должного результата.

Специалисты сходятся во мнении, что работа с выпускниками каждой конкретной страны или студентами оттуда должна учитывать экономические и социальные особенности общества той страны, из которой происходит выпускник, а формирование обучающих программ необходимо делать при привлечении российских специалистов по соответствующей стране, не только преподавателей конкретных предметов или государственных служащих. Разумеется, это подразумевает, что над такими программами будут работать не только преподаватели, но и сотрудники МИДа.

Однако невозможно проводить формирование программ и политики в области международного сотрудничества, каким является обучение иностранных студентов, без привлечения высшей государственной власти. Именно государственные органы власти могут осуществить необходимые меры по выработке соответствующего эффективного законодательства, по финансированию государственных программ и законодательного разрешения работы иностранных граждан на основе соответствующих программ для них или квот. Это объясняется не только историческими традициями Российского государства, когда большинство инициатив в области образования формулировались «сверху», но и в целом государственным масштабом вопроса экспорта образования, который в любой стране решается на уровне государственной власти.

Вопрос повышение престижа российского диплома является одним из самых сложных, потому что здесь мы имеем дело в том числе с недобросовестной конкуренцией, особенно когда дело касается рейтингов вузов, в которые страны-создатели этих рейтингов прежде всего помещают свои собственные вузы (или делают эти рейтинги на основе только таких показателей, в которых они будут лучшими – например, в 2000-х гг. в таких рейтингах прежде всего учитывалась ценность оборудования и приборов в университетах). Здесь важно заключать соответствующие международные договора со странами или международными/государственными организациями, которые могли бы быть заинтересованы в иностранных выпускниках российских вузов. И этот вопрос невозможно решить административно самим вузам на вузовском уровне.

Вопросом также является то, зачем учить «конкурентов» в своей среде. Однако если эта сфера не будет заполнена российским «экспортом», она будет заполнена образовательными услугами конкурентов, что подразумевает ослабление российского культурного влияния в том регионе и конкретной сфере. Как показывает анализ существующей библиографии по вопросу, у каждого региона и вуза свои особенности, что влияет на методики привлечения студентов и маркетинговые стратегии.

### **Послевузовские контакты. Ассоциации выпускников (Alumni clubs)**

Исследователи отмечают, что СССР в своё время стал вторым домом для множества иностранных студентов. Почти во всех случаях инициатива создания сообществ выпускников принадлежала самим студентам, и, например, в 1990 году в Ассоциации выпускников УПИ КНР был зарегистрирован 241 человек из 43 городов Китая, в том числе 99 человек из Пекина (2, с. 48). Несмотря на большое количество вопросов, с решением которых не могут справиться вузы без помощи государства, ассоциации выпускников представляют собой чуть менее зависимую, но тоже зависимую, от программ государства сферу, которую можно вузам пытаться начинать развивать самостоятельно, ориентируясь на успешно функционирующие механизмы в других странах. Такой возможной моделью могут являться сообщества выпускников, которые в награду за определённое менторство

и помощь студентам или поступающим могут получать бонусы не только в виде новых знакомств без конкретной цели, но в виде грантов от России на исследования или повышение квалификации, буду служить также новым источником для поиска работы. Вуз также может предоставить бесплатное посещение семинаров и лекций по карте клуба выпускников, библиотеки института. Примеры таких клубов можно посмотреть в открытом доступе, для предварительного анализа мы взяли несколько самых авторитетных в мире вузов: Гарвард, Массачусетский технологический институт, Кембридж и Сорбонну<sup>42</sup>.

США и Франция были отобраны как лидирующие в своё время страны по количеству иностранных выпускников. Такие ассоциации не только продвигают концепцию обучения на протяжении всей жизни (life-long learning), но и предоставляют определённые бонусы выпускникам. Выпускники, в свою очередь, готовы участвовать в программах менторства и волонтерства. Для регистрации в сообществах alumni часто обязательно требуется указать ссылку на профиль LinkedIn – крупнейшей сети для поиска работы и профессиональных контактов (как это просит сделать при регистрации сеть выпускников Гарварда). Отдельно стоит отметить, что Кембриджский университет (Великобритания) имеет кураторов выпускников по каждому региону. Объявления на сайтах ассоциаций обещают выпускникам участие в специальных университетских программах (возможно, повышения квалификации или определённых конференций). Наиболее крупные ассоциации выпускников или наиболее престижные университеты имеют также бизнес-партнёров, которые бесплатно или по скидкам могут предоставить членам клуба выпускников отдельные преимущества: зоны для отдыха и спортивные зоны. Выпускники с высоким уровнем доходов могут оставить пожертвования в пользу университета. Некоторое внимание уделяется культурным проектам и инициативам, реализуемым усилиями выпускников. И абсолютно все стороны в данном случае заинтересованы в установлении полезных контактов. Предполагается, что таким способом

---

42 Информацию о таких клубах выпускников можно посмотреть на сайтах: <https://www.iae-paris.com/en/sorbonne-business-school/alumni>; <https://psme.pantheonsorbonne.fr/alumni>; <https://www.sorbonne-universite.fr/en/university/alumni>; <https://alumni.harvard.edu/community>; <https://www.cambridgeinternational.org/about-us/our-regional-teams/>; <https://alumni.harvard.edu/community>; <https://umassclub.com/> (дата обращения: 13.01.2025).

выпускники университета смогут следить за событиями, происходящими в университете, а университет, помимо менторства и волонтерской помощи от них, может предоставлять участие как в общественно-полезных волонтерских проектах, так и способствовать их трудоустройству. Представляется, что такое взаимовыгодное сотрудничество и программы повышения квалификации, а также зоны для работы и для отдыха членов сообщества выпускников может предоставить каждый университет. Элементы такого функционирующего сообщества выпускников имелись долгое время и в МГУ им. М.В. Ломоносова, основанные на университетских традициях. До ковидных ограничений 2020 года выпускники университета могли достаточно свободно, иногда по предварительной договоренности с преподавателем, посещать семинары и лекции, предъявив на входе свой диплом, таким образом сохраняя в вузовской среде деловые контакты. Такую свободу научного обмена затормозили ковидные ограничения, из-за которых вход по диплому в здания МГУ был приостановлен. В МГУ также действуют карьерные центры для недавних студентов и выпускников, поддерживаемые либо деятельностью Студенческого союза, либо факультетами<sup>43</sup>. Работа таких центров, если выполняется не формально, несёт в себе определённые перспективы. Однако на данный момент такие центры при МГУ или факультетах МГУ предназначены исключительно на граждан РФ.

Однако при наличии таких клубов выпускников за рубежом, стоит помнить, что некоторыми зарубежными программами с самого начала закладывается возможность работы за рубежом. Так, например, подобные программы действуют в Шотландии (3, с. 36).

## Советский опыт управления репутацией вузов

Построение корпоративной идентичности, при которой выпускник явно чувствует себя членом тесной корпорации со своими нормами, мероприятиями и системой взаимопомощи (что, что искони характеризует корпорацию) возможно не только при действительном наличии

43 Активность работы зависит от конкретного центра, пример: <https://philos.msu.ru/node/4360>; общий карьерный Центр МГУ: [https://vk.com/career\\_msu\\_ru?offset=10&own=1](https://vk.com/career_msu_ru?offset=10&own=1) (дата обращения: 13.01.2025).

такой корпорации, но и при наличии успешных выпускников, которые заинтересованы возвращаться в вуз как в соответствующее их интересам сообщество. Для такого возврата необходимы условия не только определённой культурной жизни этого сообщества (регулярные выезды или встречи с интересным культурным наполнением, мастер-классами или практиками, стажировками), но и общее дело. Советский Союз обещал своим сторонникам жизнь, основанную на ликвидации классовых противоречий, и образование было гарантом лучшей жизни и отсутствия эксплуатации. Современная Россия также может предложить более конкурентную зарплату или уникальный опыт – например, при обучении физике некоторые вузы предлагают в качестве стажировки работу на уникальных установках – пример Томского политехнического университета<sup>44</sup>. Томский политехнический институт на данный момент сотрудничает с ведущими российскими корпорациями: Росатомом, Роснефтью, Газпромом, обеспечивая студентам не только возможность получения образования, но стажировки и работу, что в итоге является несомненным конкурентным преимуществом. Похожим образом лучшие вузы США и Великобритании привлекают студентов не столько благодаря эффективному маркетингу, сколько тем, что прохождение образования в этих вузах является гарантом карьерного успеха на протяжении всей жизни и гарантией трудоустройства. Томский университет на данный момент пытается предложить через обучение вариант развития успешной карьеры, и их пилотным проектом в этой области являются ядерные исследования. Но такое преимущество Томскому университету обеспечило тоже советское прошлое – Томский университет имеет свой собственный ядерный реактор в Хакасии, где студенты могут пройти уникальную стажировку.

И именно такие вузы являются на данный момент наиболее конкурентоспособными – во многом за счёт уникального советского наследия. Однако думается, что любой современный российский вуз мог бы предложить какую-то уникальную программу с возможностью стажировки или привлечением потенциального работодателя. Но для заключения подобных договоров в некоторых случаях нужна правовая основа и содействие МИДа,

---

44 В этом и далее до конца подраздела использованы материалы устной сессии IV Конгресса молодых учёных в Сочи (27-29 ноября 2024 г.), посвящённой привлечению иностранных студентов в российские вузы.

что опять-таки предполагает наличие определённых государственных программ поддержки.

Наличие своих уникальных площадок для стажировок позволили Томскому университету заключить соглашения с Ганой, Нигерией и Руандой, в рамках которых российские компании выбирают лучших студентов из этих стран для найма на работу. Благодаря наличию своего реактора и заинтересованности таких крупнейших российских компаний в выпускниках этого вуза автоматически снимается вопрос обеспечения практик и стажировок. Но так повезло не всем университетам и не всем специальностям. Такое образовательное сотрудничество полезно не только с точки зрения продвижения российской культуры, но и с точки зрения продажи технологий – потому что выпускники российских вузов с большей вероятностью выберут для своей страны покупку знакомых для них российских технологий, на которых они обучались. Однако даже представители Томского университета отмечают, что их успешная модель является комплексной, и её невозможно обеспечить силами одного университета.

Однако в последние годы появились и новые инициативы, которые являются конкурентными. Так, Университет Сколтеха поделился своей уникальной практикой в области цифрового оформления документов при поступлении, что существенно облегчает документооборот и саму процедуру. Кроме того, при отборе студентов им помогает система олимпиад, на которую также очень просто зарегистрироваться онлайн. МИСИС регулярно проводит свою олимпиаду под названием “Open doors”, которая уже стала легендарной. Представители этого университета отметили, что общегосударственные меры в повышении конкурентоспособности вузов, если таковые будут, не отменяют необходимости проявления вузами своей собственной инициативы<sup>45</sup>.

Любопытно, однако, что некоторых богатых иностранцев привлекают именно трудности обучения в России. Так, один из богатых бизнесменов Омана послал сына и наследника на учёбу в Россию, чтобы «тот узнал жизнь». Но такой подход является скорее исключением.

По итогам обсуждения текущего положения образования в России для иностранцев на соответствующей сессии IV Конгресса молодых учёных

---

45 Речь первого проректора МИСИС по международной деятельности к.ф.-м. н. С.В. Салихова.

в Сочи (27-29 ноября 2024 года) представители ведущих вузов России с уникальными образовательными проектами поделились собственным опытом в преодолении перечисленных проблем и мнением о возможных стратегиях развития. Преподаватели отмечали, что важной задачей образования на международном рынке является обеспечение бесшовного продвижения от серии домов детского творчества до работы, обеспечение сотрудничества и обмена опытом всех российских вузов (т.н. наличия некоей координации). Представители РУДН и ВШЭ обратили внимание, что главный вопрос состоит не в арифметическом поднятии показателей, но в необходимости сделать так, чтобы в Россию могли приезжать лучшие студенты. Отдельно была отмечена роль маркетинга в продвижении своих программ. Каждое направление, по словам представителей вузов, как и каждая страна, имеет свою целевую аудиторию, в которой работают те методы продвижения образования, которые наиболее характерны для конкретной страны: выставки, сарафанное радио, социальные сети или таргетированная реклама, помощь Россотрудничества и т.д., а иногда и вся совокупность мер.

И, конечно, самыми большими проблемами даже для сравнительно успешных вузов, максимально использовавших свою вузовскую инициативу, является проблема организации легального трудоустройства для студентов, которое запрещено законами РФ, и помощь студентам с бытовыми вопросами. Отсутствие налаженного механизма взаимодействия с властями заставляет вузовских преподавателей просить студентов звонить им при возникновении каких-либо проблем, потому что самостоятельно уладить эти проблемы на практике невозможно. Характер таких проблем и законодательный способ их решения являются отдельными темами для обсуждения, однако совершенно точно здесь необходим свой законодательно приемлемый и ориентированный непосредственно на российские реалии способ решения и, возможно, появление соответствующих государственных центров помощи студентам в бытовых вопросах.

Приведём также краткий перечень тех культурных и спортивных практик, которые использовали в СССР на постоянной основе и которые спланируют студентов лучше любых формализованных объединений, естественным образом способствуя установлению более прочных дружеских связей. В качестве примера может служить описание культурного

и спортивного досуга студентов уральских вузов СССР: «В свободное время для иностранных студентов организовывались экскурсии по городу с посещением музеев, Дворца пионеров, устраивались походы в театры, кино, на выставки. Нередко проводились выезды в область с посещением предприятий, загородных пионерских лагерей, встречами с местной молодёжью, вечерами дружбы. <...> Иностранных студентов, остававшихся на каникулы в Советском Союзе, отправляли на экскурсии в Москву и Ленинград. Студенты зарубежных стран занимались различными видами спорта, принимали участие в профсоюзно-комсомольских лыжных соревнованиях, кроссах, эстафетах, посещали легкоатлетические, волейбольные и другие секции. К примеру, для 20 корейских студентов, занимавшихся гимнастикой, была создана гимнастическая секция...» (2, с. 46-47). Хочется напомнить, что такие «межведомственные активности» были бы невозможны без централизованной образовательной политики и заинтересованного участия государства. Такая активная культурная политика по отношению к иностранным студентам способствовала тому, что сообщества выпускников вузов СССР впоследствии были созданы самим студентами для общения между собой – правда, в самом Китае, и связи с бывшими вузами СССР были минимальны.

Некоторые традиции «вечеров дружбы» до сих пор сохраняются с современным осмыслением. Так, МИСИС поделился своим опытом проведения праздника «День национальностей», на котором иностранные студенты знакомят друг друга и российских сокурсников с культурой, кухней и традициями своих стран.

В настоящее время мероприятий, которые могли бы качественно и количественно улучшить межкультурное взаимодействие, может быть несколько. Существенной мерой является проработанное разрешение на работу, возможно, при партнёрстве вуза с определёнными фирмами, в том числе не только по специальности (для студентов младших курсов), проектная работа по специальности для студентов старших курсов. Кроме того, представляется важной и возможной инициативой заключение договоров между двумя вузами (российским и вузом стран-партнёров), которые могли бы выдавать двойные дипломы. Такое продуманное партнёрство, в зависимости от программы, вуза и страны-поставщика, могло бы дать впоследствии накопительный эффект для

долгосрочного международного сотрудничества во всех сферах, в том числе в сфере науки.

Ещё одна глобальная проблема – это нынешняя стратегия обучения русскому языку как иностранному. Основные методы решения языковой проблемы были изложены в статье Т.Я. Анохиной и Е.В. Панина (1, с. 134-142) с учётом опыта работы кафедры русского языка Машиностроительного университета (МАМИ). Авторы были вынуждены констатировать печальный факт отсутствия официальных единых государственных стандартов, а, следовательно, и тематически единых для всех вузов программ по дисциплине «Русский язык как иностранный» как для бакалавров, так и для магистрантов и аспирантов. Более того, вопросы вызывает факт сдачи английского языка в качестве кандидатского минимума для иностранных студентов, как и для русских, хотя диссертации студенты пишут на иностранном для них языке – русском. Помимо отсутствия нормативной базы для предмета русского языка как иностранного, преподаватели пришли к неутешительному выводу, что изучение страноведческих материалов в учебниках представлено тоже довольно хаотично (1, с. 134-142), а сама теория знаний ушла далеко вперёд, и теперь имеет смысл говорить скорее о диалоге культур и межкультурной коммуникации (последняя включает в себя не только язык, но и невербальные нормы культурного поведения). Эти нововведения, связанные с развитием науки, тоже необходимо учитывать при составлении стандартов языковой программы. Стоит ли говорить, что к выработке единого государственного стандарта по русскому языку нас подталкивает не только советский опыт и современные специалисты по русскому языку как иностранному, но и зарубежный опыт? Работа по выработке такого экзамена ведётся, но работа по созданию единого портала с информацией началась недавно<sup>46</sup>. Уместно здесь будет вспомнить всем известный пример единых Кембриджских экзаменов с давно существующими уровнями от A1 до C2 или системы IELTS/TOEFL (аналогичные которым есть во французском, немецком, испанском языках и т.д.), обязательная сдача которых требуется при поступлении во все престижные иностранные вузы.

---

46 Об этом говорит, в частности, год создания общего портала – 2025-й. URL: <https://education-in-russia.com/education-in-russia/choice-of-profession/certification-in-russian> (дата обращения: 21.01.2025).

Справедливости ради, однако, здесь стоит вспомнить работу созданного в 1950-е годы Института русского языка и культуры (ИРЯИК) при МГУ<sup>47</sup>, где до сих пор обучаются иностранные студенты на курсах русского языка и страноведческих курсах, и другие подобные курсы. Однако уровень этих курсов, несмотря на интересные форматы, научную основу и долгую историю является уровнем локальных курсов, а не общегосударственного международного и популярного центра, каким, например, является Кембридж и его признанные во всём мире экзамены по английскому языку.

## Обсуждение результатов

Конечно, в одной статье невозможно перечислить все необходимые составляющие успеха огромной стратегической программы. Это поле для деятельности нескольких органов высшей власти, многих государственных учреждений и вузов по всей стране. Однако учитывая все вышеперечисленные тенденции, можно сделать вывод, что в сфере образования России на государственном уровне предстоит принять (и чем раньше, тем лучше) стратегическое решение, на каком уровне она будет осуществлять свою стратегию мягкой силы – на уровне региональной державы или всё же на уровне мировой. «В то же время обращает на себя внимание, что речь идёт скорее лишь о потенциале российского высшего образования как инструмента «мягкой силы». На сегодняшний день ещё нет четкой программы и комплекса мер, предусматривающих использование высшего образования в этих целях», – писали в «Вестнике МГИМО» в 2006 году (4). С той поры ситуация продвинулась не столь существенно, как хотелось бы.

Также обостряется конкуренция на макрорегиональном уровне с активными в отношении образования и межкультурных контактов соседями – Литвой, Чехией и Польшей. Причём эти государства прежде всего нацелены на культурные и образовательные контакты с предполагаемыми дружественными к России соседями, лидерами по количеству иностранных студентов в России с конца 1990-х годов – Казахстаном и Белоруссией, и количество студентов, обучающихся в этих небольших по сравнению

47 Подробнее: <https://msu.ru/divisions/instituti/iryaik/> (дата обращения: 21.01.2025).

с Россией странах, уже примерно равно количеству студентов, которые обучаются в России.

В 2000-х годах Великобритания сильно поднялась в строке рейтинга по обучению иностранных студентов. Этому существенно способствовала международная кампания по привлечению иностранных студентов, запущенная премьер-министром Великобритании Тони Блэром в 2000 году как часть «Законодательной инициативы премьер-министра», а финансирование этой кампании взяло на себя правительство (3, с. 64). К числу этих инициатив, которые справедливее называть реформой образования, а не «кампанией по привлечению», принадлежала разработка национальных приоритетов относительно стран-импортёров, разрешение студентам на работу (что до сих пор отсутствует в России), раскрутка образовательных сайтов, установление связей между правительствами и ведомствами стран-импортёров и учреждениями Великобритании. Перечисляя все эти принятые правительством Великобритании меры, некоторые исследователи, однако, называют «ядром программы» раскрутку сайтов – хотя именно содержательное их наполнение определило такую популярность британского образования в то время. В 1999 году похожая программа реформы образования началась в Германии, главной составляющей которой стала разработка специальных программ для иностранцев и создание методических материалов (3, с. 70), а уже потом – маркетинг. Нисколько не принижая значение маркетинга, сарафанного радио или некоторой пользы ассоциаций выпускников (Alumni Clubs), вынуждены всё же заметить, что ни у одного лидера иностранного образования маркетинг не шёл прежде дела или без него. Делом будущего для российского образования остаётся и создание единых порталов с данными по университетам и их продуктам для иностранцев – аналогичных сайтам Campus France, немецкой службы DAAD или европейского проекта по обмену Erasmus Mundus.

## Выводы

В 1970-1980-м годах в СССР была установлена централизованная система обучения иностранных студентов (6, с. 63), при которой вузы были зависимы от распоряжений государственных органов власти, что свидетельствовало об ответственной политике СССР в отношении международного

образования и о зависимости этой политики от внешнеполитических задач СССР. На всех этапах системы подготовки учащихся основной была линия на приоритетный допуск к образованию в СССР представителей беднейших слоёв населения и студентов, связанных с коммунистическими партиями (6, с. 64). На данный момент изменились идеология и набор стран-поставщиков. И хотя часть таких поставщиков иностранных студентов остались теми же, изменилось соотношение и качество студентов, а также их мотивация. Кроме того, существует необходимость новой формулировки целей и задач обучения иностранцев в России, чтобы в том числе ответить на вопрос, кого именно хочет видеть Россия в качестве иностранных студентов. Специалисты говорят о создании за рубежом сети постоянных партнёров, структур, обеспечивающих набор и подготовку будущих студентов, но необходимо понимать, на кого в первую очередь будет рассчитан набор. Что поможет при создании профессиональных, в том числе межвузовских, маркетинговых служб для привлечения студентов, рекламы образования и помощи при выборе вуза (6, с. 64). Особенностью такой рекламы будет то, что для каждого вуза и каждой конкретной образовательной программы по отношению к конкретной стране будет свой собственный маркетинговый набор мер, который позволяет лучше продавать программу. Формирование таких проектов должно осуществляться при помощи специалистов по конкретным регионам и исходя из особенностей экономической и культурной жизни в конкретном регионе, а также менталитета их жителей. Эти особенности меняются с течением времени, и полностью копировать западный, американский, азиатский или даже советский опыт применительно к современной России по этой причине невозможно.

По многим направлениям можно придумать краткосрочные научные/образовательные/культурные проекты, и это даже будет взаимовыгодно в ближайшей перспективе тоже. В основном предмет формирования политики в отношении иностранных студентов, конечно, относится к долгому стратегическому планированию с длительной отдачей. К числу перспективных направлений развития образовательной политики относятся и формирование языков стандартов изучения русского языка, создания клубов выпускников с волонтерством, культурными проектами и возможностью предложения проектной или постоянной работы и программ повышения квалификации, потому что именно общее дело формирует любое сообщество.

Повышение качества услуг, выработка современной и соответствующей ситуации законодательной базы, культурная программа и выработка единых норм для сдачи русского языка, обеспеченных культурными институтами и онлайн-курсами, созданных во взаимодействии с заинтересованными ведомствами, обеспечат лучшее качество российского образования. Без качественных и современных условий для обучения конкурентоспособность невозможна, даже если будут созданы реально функционирующие Alumni Clubs по западноевропейскому образцу по всей России – при отсутствии деловой основы одних клубов по интересам в таком деле недостаточно.

Реформа существующей системы образования должна коснуться и расширения спектра дисциплин в ряде предлагаемых образовательных услуг, особенно по новым приоритетным специальностям, востребованным за рубежом (в случае признания нашего диплома за рубежом). Стоит также отметить, что признание российских дипломов в некоторых странах связано с искусственно регулируемой этими странами конкуренцией. Так, российские медицинские дипломы не признаются в США, чтобы российские специалисты или специалисты с российскими медицинскими дипломами не доминировали на американском рынке труда. Престижность университетов также определяется западными рейтингами, которые находятся в руках российских политических конкурентов – что тоже не прибавляет веса российскому диплому. Отдельно отметим, что такие рейтинги непрозрачны, не всегда соответствуют действительности и направлены на создание конфликта между разными российскими центрами. Так, в американском рейтинге авторства консалтинговой аналитической компании Clarivate, который выпадает вторым<sup>48</sup> в американском поисковике Google, Южно-Уральский федеральный университет в Челябинске якобы является первым по качеству образования в России<sup>49</sup>, причём за один из основных критериев отбора почему-то установлено количество цитирований<sup>50</sup> статей

---

48 Первый поисковый результат – неакадемический рейтинг, который, кажется, больше соответствует российской действительности и построен на интернет-метрике, а не на той или иной политике рейтингового агентства. URL: <https://www.4icu.org/ru/> (дата обращения: 21.01.2025).

49 Методология университетского рейтинга, созданная США. URL: <https://www.usnews.com/education/best-global-universities/russia> (дата обращения: 21.01.2025).

50 Что даже не является адекватным показателем эффективной научной деятельности. И такой критерий совсем не подходит для российских вузов, потому что количество часов в

преподавателей университета по «ключевым дисциплинам», а не качество преподавания<sup>51</sup>; причём их «ключевые дисциплины» включают в себя довольно специфический набор дисциплин. Российские же рейтинги вузов, составленные для возможных иностранных студентов, либо отсутствуют, либо недостаточно раскрыты.

Кроме того, ряд специалистов предупреждает, что особенное внимание при обучении стоит уделять студентам гуманитарных специальностей, потому что именно они, в конечном итоге, влияют на формирование политики и выстраивание отношений между странами, потому что с большей степенью вероятности занимают соответствующие руководящие посты в направившей их стране после окончания обучения (5, с. 17). Это означает формирование принципиально иного подхода к студентам таких специальностей. Гуманитарные специальности в данном случае (да и в других случаях) должны представлять собой полноценные курсы и добросовестно подготовленные программы, а не являться собранием плохо мотивированных людей, которых не проходят по баллам на технические специальности.

Преподаватели отмечают необходимость организации устойчивых научных и деловых связей с иностранными студентами, что возможно только при наличии совместных дел, постоянной или проектной работы, которую бывшие выпускники могут осуществлять как в своей стране, так и в стране получения образования. Не менее значимым фактором представляется фактор социальной важности поддержания контактов с выпускниками. Люди, участвующие в такой работе, должны быть заинтересованы в её проведении – соответственно, рабочее и культурное взаимодействие должно оплачиваться.

Перспективы трудоустройства после окончания российского вуза тоже могут быть улучшены. Однако эта деятельность многокомпонентная, долгая и представляет собой рассчитанную на годы стратегию, которую способны выстраивать люди с государственными интересами и стратегическим мышлением. Желание выпускников любого вуза в перспективе иметь

---

российских вузах на одного преподавателя выше в 4 раза в среднем, чем количество часов на американского преподавателя или преподавателя университета в Западной Европе.

51 Методология университетского рейтинга, созданная США. URL: <https://www.usnews.com/education/best-global-universities/articles/subject-rankings-methodology> (дата обращения: 21.01.2025).

возможность получать высокооплачиваемую работу вполне понятно. Однако такая работа присутствует, в основном, в развитых странах, где российские дипломы зачастую не признаются из-за желания оказать дополнительное политическое давление на Россию с целью устранения её как конкурента в международной гонке держав за сферы влияния. Образование является только одной из составляющих этой конкуренции – но её значительной и важной частью. Всё это свидетельствует о том, что впереди ещё много работы по повышению конкурентоспособности экспорта российского образования в мире в целом и созданию адекватного международного маркетинга в частности.

### Список источников

1. Анохина Т.Я., Панин Е.В. (2014), История и особенности обучения иностранных студентов в советских и российских вузах [History and Features of Teaching Foreign Students in Soviet and Russian Universities]. Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. № 4. С. 134-142.
2. Бекленищева М.В. (2021), Иностранные студенты в советских вузах в 1940-1980-е гг.: проблемы адаптации и взаимодействия (на материалах Свердловской области) [Foreign Students in Soviet Universities in the 1940s-1980s: Problems of Adaptation and Interaction (Based on Materials from the Sverdlovsk oblast)] Человеческий капитал. № 4 (148). С. 42-57. DOI: 10.25629/НС.2021.04.03
3. Краснова Г.А. (2008), Основные направления развития экспорта образовательных услуг в системах высшего образования [Main Directions of Development of Export of Educational Services in Higher Education Systems]. Учебное пособие. М.
4. Лебедева М.М., Фор Ж. (2009), Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России [Higher Education as a Potential of Russia's 'Soft Power']. Вестник МГИМО-Университета. № 6. С. 200-205.
5. Салин П.Б., Юшков И.В. (2019), Советский опыт работы с иностранными студентами: геополитический аспект [Soviet Experience in Working with Foreign Students: Geopolitical Aspect].

Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. № 9(6). С. 14-17. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-14-17

6. Шумилова А. (2022), Формирование и развёртывание системы обучения иностранных студентов в вузах Советского Союза [Formation and Deployment of the System of Teaching Foreign Students in Universities of the Soviet Union]. RUSAD. № 7. С. 53-65.

## References

1. Anokhina, T.Ya., Panin, E.V. (2014), History and Features of Teaching Foreign Students in Soviet and Russian Universities. Bulletin of RUDN. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics, No. 4. pp. 134-142. (In Russian)
2. Beklenishcheva, M.V. (2021), Foreign Students in Soviet Universities in the 1940s-1980s: Problems of Adaptation and Interaction (Based on Materials from the Sverdlovsk oblast). Human Capital. No. 4 (148). pp. 42-57. DOI: 10.25629/HC.2021.04.03 (In Russian)
3. Krasnova, G.A. (2008), Main Directions of Development of Export of Educational Services in Higher Education Systems. Tutorial. Moscow. (In Russian)
4. Lebedeva, M.M., For, Zh. (2009), Higher Education as a Potential of Russia's 'Soft Power'. Bulletin of MGIMO University. No. 6. pp. 200-205. (In Russian)
5. Salin, P.B., Yushkov, I.V. (2019), Soviet Experience in Working with Foreign Students: Geopolitical Aspect. Humanities. Bulletin of the Financial University. No. 9(6). pp. 14-17. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-14-17 (In Russian)
6. Shumilova, A. (2022), Formation and Deployment of the System of Teaching Foreign Students in Universities of the Soviet Union. RUSAD. No. 7. pp. 53-65. (In Russian)

## Информация об авторе

ЦЫПКИНА Анна Георгиевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация. E-mail: [anna021090@yandex.ru](mailto:anna021090@yandex.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5267-7924>

## Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

## Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.03.2025. Одобрена после рецензирования: 12.05.2025. Принята к публикации: 02.06.2025. Опубликовано: 30.06.2025.

## Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

## About the author

Anna G. TSYPKINA, CandSc (Hist.), Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: [anna021090@yandex.ru](mailto:anna021090@yandex.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5267-7924>

## Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

## Article info

Submitted: 16.03.2025. Approved after peer review: 12.05.2025. Accepted for publication: 02.06.2025. Published: 30.06.2025.

## Peer review info

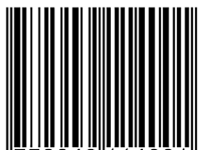
«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Макет и предпечатная подготовка  
Издательство ООО «Институт региональных и международных  
исследований»  
(ИРМИ)  
г. Москва, г. Московский, мкр 3, 11-345. 108819.

Подписано в печать 26.06.2025

Отпечатано  
АО «Т8 Издательские технологии»  
г. Москва, Волгоградский проспект, д.42, корп.5.  
Тираж 500 экз.

ISSN 2949-1142



9 772949 114001 >

Картины в оформлении обложки:

Аверс - Клычев И.Н. «Книжный базар»

Реверс - Нестеренко В.И. «Письмо недругам России»



@ropijournal



<https://www.ru-society.com/>



[ropi.journal@yandex.ru](mailto:ropi.journal@yandex.ru)

**ИРМИ**  
■■■■  
**IRIR**

Издатель: ООО «Институт  
региональных и международных  
исследований» (ИРМИ)